

Henry Lyman

ИРКУТСК

**Его место и значение в истории и культурном
развитии Восточной Сибири**

Очерк,
редактированный и изданный иркутским городским головой

В. П. Сукачёвым

ИРКУТСК
АРТИЗДАТ
2024

УДК 947(571.53)
ББК 63.3(2)521.2
И 81

Издано при финансовой поддержке Общественной организации «Иркутское областное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»», ООО ПО «Радиан» и неравнодушных иркутян.

И 81 **Иркутск: его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири** : очерк / ред. и изд. иркут. гор. головой В. П. Сукачёвым. — Издание второе / подготовлено Н. В. Гончаренко. — Иркутск : ООО «Артиздат», 2024. — 304 с. : ил.
ISBN 978-5-93765-082-5

Книга «Иркутск: его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» была издана по предложению и на личные средства иркутского городского головы В. П. Сукачёва и по сути является первой научной монографией об Иркутске, обобщающей практически все известные на тот момент исторические документы, устные свидетельства и печатные материалы. В книге дается исторический анализ жизни иркутского общества на протяжении более чем двух веков – от основания Иркутска в середине XVII века до времени написания книги. Информация подкрепляется статистическими данными.

Книга «Иркутск: его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» увидела свет в 1891 году и после этого никогда не переиздавалась. Второе издание книги, сопровождаемое вступительной статьей и дополнительными примечаниями, позволит вновь ввести её в научный оборот. Книга предназначена для краеведов, историков и всех интересующихся прошлым Иркутска.

ISBN 978-5-93765-082-5

УДК 947(571.53)
ББК 63.3(2)521.2

© Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского, 2024
© Н. В. Гончаренко, вступительная статья, комментарии, указатели, 2024
© ООО «Артиздат», оформление, 2024

Предисловие

Осенью 1891 года на полках книжных магазинов крупных городов России появилась новая книга — «Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири», издателем и редактором которой был иркутский городской голова Владимир Платонович Сукачёв¹.

Книга быстро привлекла внимание читателей и критики. В нескольких крупных печатных изданиях вышли рецензии на нее. В «Журнале Министерства народного просвещения» был опубликован подробный обзор данного произведения. Рецензент высказал предположение, что *«очерк Иркутска в его прошлой жизни и современном состоянии, по-видимому, составлен с целью довольно определенной и прямо практической... [Он] является как бы пособием и справочной книжкой для лиц, участвующих или желающих участвовать в городском самоуправлении Иркутска. Тут же излагаемое profession de foi² самого редактора очерка, как главы городского самоуправления в Иркутске, вероятно, может заинтересовать многих местных жителей и привлечь их к участию в делах их родного города»*³.

Автор рецензии уделил особо пристальное внимание описанию в книге положения дел в Иркутске в сфере благотворительности и учебно-воспитательного дела и, подводя итог, отметил, что указанный очерк может служить для многих полезным пособием: *«С одной стороны, желающие найдут в этой книжке хороший, с умением составленный, свод исторических данных об Иркутске, с другой стороны — там же сгруппированы важнейшие сведения о настоящем положении этого города*

¹ Сукачёв Владимир Платонович (1849–1920) — сибирский общественный деятель, благотворитель, коллекционер, основатель Иркутской картинной галереи. Иркутский городской голова (1886–1898).

² Profession de foi (фр.) — исповедание веры, свод убеждений.

³ Журнал Министерства народного просвещения. — 1891. — Ч. 273. [№ 9]. Сентябрь: Шестое десятилетие. — С. 569.

и высказываются вполне основательные предположения о культурных задачах, которые предстоит выполнить городу как по отношению к своему населению, так и к населению всей вообще Восточной Сибири»⁴.

Еще одна обширная аналитическая статья, посвященная книге «Иркутск...», была опубликована в журнале «Вестник Европы», где было замечено, что подобных цельных исследований, посвященных такой «глубокой провинции» как Сибирь, до сих пор не появлялось: «Книга, изданная г. Сукачёвым, доставит много интересного тем, кто захочет познакомиться с полнейшим состоянием общественной жизни в Сибири»⁵. Вместе с тем рецензент сетовал на то, что тексту порой не хватает ясности и точности.

Отзыв на книгу «Иркутск...», размещенный в еженедельной иркутской газете «Восточное обозрение»⁶, в целом написанный в положительном ключе, также указывал на следующие недостатки издания: беглость, отсутствие подробностей при изложении событий прошлого, использование хорошо известных иркутскому читателю источников.

Выходу в свет книги «Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» предшествовала непростая и, в некоторой степени, драматическая история. Инициатором проведения обобщающего исследования по истории и современности города Иркутска выступил Владимир Платонович Сукачёв. Он поручил эту работу ссыльному журналисту Николаю Николаевичу Бахметьеву⁷. В. П. Сукачёв предоставил Бахметьеву доступ в городской архив и к другим документам,

⁴ Там же. — С. 571.

⁵ Вестник Европы. — 1891. — Т. 5. [кн. 9/10]. Сентябрь/октябрь. — С. 850.

⁶ Восточное обозрение. — 1891. — Т. 2, № 39. — С. 11.

⁷ Бахметьев Николай Николаевич (1847–1902) — журналист, писатель, секретарь редакции журнала «Русская мысль» в 1880-х годах. Осужден за подделку векселей, находился в ссылке в Сибири, работал учителем истории, состоял корреспондентом газеты «Сибирский вестник».

которыми тот пользовался при составлении исторического очерка. К сожалению, доверие, проявленное Сукачёвым в отношении Бахметьева, сыграло против него самого. Получив неограниченный доступ к документам городской управы, Бахметьев решил, что обнаружил улики против городского головы и стал его этим шантажировать. После неудачной попытки мирно урегулировать конфликт Сукачёв был вынужден расторгнуть договорные отношения с Бахметьевым и закончить работу над книгой «Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» самостоятельно.

В письме к своему старшему сыну Борису Владимир Платонович с горечью писал об этих событиях: *«Не могу не рассказать тебе, мой друг дорогой, о разоблачении личности Бахметьева, который оказался, не говоря дурного слова, истинным мерзавцем <...> Теперь, когда я сам убедился, с какой нечистоплотной личностью имею дело, все наперерыв один перед другим знакомят меня с разными фактами из его прошлого и даже настоящего времени»*⁸.

После выхода книги «Иркутск...» без указания имени Н. Н. Бахметьева, тот через суд потребовал признать его авторское право на книгу, а также выставил денежный иск к В. П. Сукачёву за проделанную работу на сумму 3400 рублей. Губернский суд вынес решение: а) в иске на авторское право Н. Н. Бахметьеву отказать; б) по второму иску взыскать в его пользу с В. П. Сукачёва 750 рублей и оштрафовать ответчика на недоказанную сумму иска, таким образом, штраф, наложенный на В. П. Сукачёва, равнялся сумме признанного им иска.

Скорее всего, Н. Н. Бахметьевым была проделана определенная предварительная работа по отбору и систематизации материалов для книги, однако в окончательном тексте издания, несомненно, прослеживается влияние личного мнения В. П. Сукачёва как

⁸ Архивная коллекция музея Тартуского университета. Письмо В. П. Сукачёва Б. В. Сукачёву от 27.09.1893 г.

общественного деятеля, его идей, многие из которых были им изложены в публичных выступлениях, частной переписке и т. п.

В целом, книга «Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» представляет собой заслуживающее внимания исследование, содержащее важные исторические сведения о быте иркутян, устройстве городского управления, состоянии культуры, науки и учебно-воспитательного дела в городе, подкрепленные статистическими показателями. Исторический очерк показывает важную роль Иркутска в жизни огромного региона — Восточной Сибири. Будучи административным центром Иркутской губернии и Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, включавших в свои границы не только современную Иркутскую область, но и значительные по площади прилегающие территории, Иркутск несомненно являлся центром притяжения многих прогрессивных явлений как в экономике, так и в культуре. Книга «Иркутск...» иллюстрирует эту идею на ярких и конкретных примерах.

Изданная почти полтора столетия назад, книга «Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» давно стала библиографической редкостью. Мы посчитали, что ее переиздание на современном русском языке с дополнительными примечаниями позволит вновь ввести её в научный оборот, сделает данное издание неопределимым подспорьем для историков и всех интересующихся прошлым Иркутска. В книге сохранена авторская стилистика и авторское написание имен и фамилий, однако орфография и пунктуация приведена в соответствие с нормами современного русского языка.

Наталья Гончаренко

Библиотека Восточно-Сибирского Отдела Русского
Географического Общества
Инв. № 20662 рф

ИРКУТСКЪ.

Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи
Восточной Сибири.

ОЧЕРКЪ,

РЕДАКТИРОВАННЫЙ И ИЗДАННЫЙ ИРКУТСКИМЪ ГОРОДСКИМЪ ГОЛОВОЙ

В. Л. Сукачевымъ.

1891/109

ИЗДАНИЕ СОСТОИТЪ
изъ 1200 экземпляровъ, въ числѣ коихъ
на китайской бумагѣ unisa,
на бумагѣ ватмана 25
и на бумагѣ верже 25
нумерованныхъ экземпляровъ.

I

Иркутск и иркутское общество до Сперанского

«Началом Иркутска, — говорит Семивский¹ в своем *Повествовании о Восточной Сибири**), — была хижина или зимовье, построенное в 1652 году сыном боярским Иваном Похабовым для житья енисейским казакам, чтобы им способнее было собирать ясак с бурят, кочевавших тогда на Иркуте, от которого Иркутск и наименование свое получил». — Зимовье это, по словам местных летописей, было построено на Дьячем острове, том самом, возле которого в настоящее время городом строится мост через Иркут. Основателя и первого начальника (или, как они тогда назывались, казенного приказчика) Иркутского зимовья, Похабова, в 1651 году заменил Самойлов, поставленный на это место енисейским воеводой Пашковым. Но когда, вместо последнего, воеводой в Енисейск прислан был Ржевский, то Иван (а по другим — Яков) Похабов успел свергнуть противника и занял свою прежнюю должность. Получив затем приказание избрать при устье Иркута более удобное место и взамен зимовья построить острог, Похабов в 1661 году пишет Ржевскому: «Государя Царя Великого Князя Алексея Михайловича и вся Великая и Малая и Белая России Самодержца воеводе Ивану Ивановичу

*) «Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое донныне не было всем известно». С.-Петербург, 1871 г.

Енисейской сын боярский Якунька Иванов Похабов челом бьет. В нынешнем 169 году июля в шестой день, против Иркута реки на Верхоленской стороне государев новый острог служилыми людьми ставлю, и башни и потолок срублены и государев житный анбар служилые люди рубят, а на анбаре башня, а острог не ставлен, потому что слег не достает, лесу близко нет, лес удален от реки. А инде стало острогу поставить негде, а где ныне Бог изволил острог поставить и тут место самое лучшее, угоднее для пашен и скотиной выпуск и сенные покосы и рыбные ловли все близко, а опроче того места острогу ставить стало негде, близ реки лесу нет, стали места степные и неугожие. А как Бог свершит наготово острог и о том будет писано в Енисейский острог к воеводе Ивану Ивановичу» *).

Отстроенный Похабовым в 1669 году острог имел две деревянных крепости: одну — находившуюся на берегу Ангары, против нынешнего собора и архиерейского дома, с тремя по углам и одной в середине башнями, с палисадом, рвом и рогатками, называвшуюся *кремлем*, и другую — окружавшую тогдашний город, также с палисадом и рвом. — Окружность *кремля* составляла 288 сажень. В 1672 году, в пяти верстах от Иркутска, старцем Герасимом² основан мужской Вознесенский монастырь. В том же году в Иркутске положено основание старейшей в нем Спасской церкви **).

В 1682 г. в Иркутске учреждено самостоятельное воеводство. Грамотой Сибирского приказа от 20 апреля 1686 года Иркутск возведен в город и к ведомству его причислены остроги Верхоленский, Балаганский, Идинский и слобода Бирюльская. В 1693 году возле города основан женский Знаменский монастырь, а в городе — Богоявленский собор и выстроена новая

*) Дополн. к Актам истор. Арх. комм. IV, № 104.

***) *Пежемский*: «Летопись города Иркутска».

деревянная крепость *). «Но, — повествует в своих письмах Мартос³, — в скором времени внутренние мятежи угрожали опасностью сему новому отдаленному русскому городу: боярский сын Петрушка Тайшин с гнусными сообщниками Ванькою Степановым, мунгальским законником Ерденею Ноиным и другими праздными, беспокойными людьми сделали бунт, начали грабить, но боясь преследования успели укрыться. Однакож иркутские казаки настигли мятежников и казнили зачинщиков бунта — Тайшина и Ерденею Ноина **»). Бунт этот происходил в 1695 году, в управление воеводы Савельева ***). В том же году назначенный, на место Савельева, воевода Полтев, не доехав до Иркутска, умер в Идинском остроге. Жена его с малолетним сыном на следующий год приехала в Иркутск. Недовольные Савельевым, иркутские казаки порешили заменить его малолетним Полтевым и, сообщив о том по начальству, ждать указа, в виду же малолетства Полтева придать ему для управления делами сына боярского Перфильева. При сдаче дел Савельевым Перфильеву, в канцелярию принесен был на руках и трехлетний воевода Полтев. Иркутску пришлось в первый год управления этого малолетка выдержать осаду бурят, сделавших набег из ближайших к городу кочевьев. Попытка эта осталась без успеха, и с тех пор Иркутск никаким более нападением извне не подвергался, чему много способствовало то, что он от более сильных и воинственных туземцев — тункинских бурят — был охраняем сторожевыми острожками, расположенными по течению Иркуты: Максимовским, Окининским и Усть-Иркутским. Первый из них был выстроен еще во времена Похабова казацким сотником Максимом Перфильевым, от которого и пошло название села — Максимовщины. В селе этом (9 верст от Иркутска) до

*) Там же.

**) Мартос: «Письма о Восточной Сибири». Москва, 1827 г.

***) Так назван он в «Летописи» Пежемского, в некоторых же других источниках он назван Савеловым.

сего времени существует фамилия Перфильевых и сохранилось предание о двухдневной битве их родоначальника с тункинскими бурятами на Монастырской долине, близ Введенщины^{*)}).

Что касается внутренней жизни Иркутска, то к данному периоду относятся указы Петра I (1696 и 1697 гг.), коими повелено было частную выкурку вина прекратить, а для казенной продажи «курить, соображаясь с хлебным урожаем, дабы людей не оголодить». При этом от воеводы требовалось сведение, можно ли в Иркутске выкуривать 2.000 ведер хорошего вина, так чтобы ведро из купленного хлеба обходилось в полтину, или около того.

В 1699 году из Москвы прибыл в Иркутск новый воевода Николаев, а воевода — младенец Полтев отпущен с матерью в Москву.

По мере того, как слухи об удобном местоположении нового города и выгодах, которыми пользовались его обыватели, расходились не только по Сибири, но и по Европейской России (где рассказывали, что иркутские женщины бьют соболей коромыслом), число его жителей возрастало^{**)}. По словам Семивского, «главное и значительное заселение Иркутска, с самого почти его завладения, началось особенно торговавшим там купечеством и разными промышленниками, выехавшими для того из разных городов и уездов бывшей Великоустюжской провинции, которые по торговле и промыслам своим остались навсегда иркутскими жителями». Население города значительно увеличилось после того, как, в 1697 году, правительством предписано было верхоленскому воеводе послать в Иркутск, для водворения в нем, или возле него, пятисот пашенных крестьян. Не осталась без влияния на увеличение Иркутска и ссылка в него при Петре I значительного числа стрельцов. Андриевич⁴⁾, в своей «Истории

^{*)} *Сельский*: «Путь до Култука». — *Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. Общ.*, т. X.

^{**)} *Гогемейстер*⁵⁾: «Статистическое обозрение Сибири».

Сибири», определяет число жителей в Иркутске в 1700 году в 726 чел. мужского пола, в 1722 году — в 3.447.

Иркутские воеводы того времени находились в непосредственном подчинении сперва Сибирскому приказу, а затем пребывавшим в Тобольске сибирским губернаторам, из коих первым был известный, казненный впоследствии Петром I за лихоимство, князь Гагарин. Несколько ранее того, та же участь постигла иркутского воеводу Ракитина, который, отправясь за Байкал на встречу возвращавшегося из Китая с караванною казною купца Гусятникова, ограбил его. Ракитина вызвали в Петербург и там казнили.

Для управления духовными делами, в Иркутске в 1707 году было учреждено викариатство Тобольской митрополии и место викарного епископа занял Варлаам Коссовский. В 1727 году учреждена самостоятельная Иркутская епархия, с назначением её епископом Иннокентия Кульчицкого, мощи которого ныне почитают в иркутском Вознесенском монастыре.

В 1731 году Иркутск наименован провинциальным городом и воеводы заменены в нем вице-губернаторами, из коих первым был статский советник Жолобов. Непомерное лихоимство Жолобова весьма скоро принудило правительство сменить его и послать, в качестве следователя и его преемника, статского советника Сытина. Приехав в Иркутск 5 января 1733 года и не успев вступить в должность, Сытин 2 февраля того же года умер от «огорчений», как говорит летопись, причиненных ему Жолобовым. Тогда дворянин Иван Литвинцев, с приписью подъячий Татаринов и казачий голова Лисовский, пригласив к себе многих дворян и детей боярских, положили не оставлять Жолобова вице-губернатором, а передать правление пятилетнему сыну умершаго Сытина, за малолетством которого определить к нему советником и опекуном полковника Бухгольца, для чего и вызвать последнего из Селенгинска. В решении этом самое деятельное

участие принял наместник Паисий, за смертью святителя Иннокентия и до прибытия нового епископа правивший архиерейским приказом. Недовольный Жолобовым, он собирает иркутское духовенство, призывает монашествующих и, заставив их подписать составленную Татариновым челобитную, отправляет ее в провинциальную канцелярию. От Жолобова немедленно полетел гонец в Тобольск с донесением о собрании «воровского казачьего прелиберийанского круга» и с жалобой на Паисия, заставившего духовенство подписать «возмутительную» бумагу. На стороне Жолобова оказались бургомистр и купцы. — Тобольское начальство дозволило ему исправлять вице-губернаторскую должность до приезда в Иркутск командированного следователя Сухарева. Время до прибытия последнего Жолобов употребил исключительно на расправу со своими противниками. Всего более досталось Татаринову и Литвинцеву, которых он ежедневно ставил на правеж, бил палками, пытал. Лисовского же, заковав в цепи, отправил в Тобольск. Неистовства эти кончились только с прибытием, в ноябре 1732 года, следователя Сухарева.

Арестованный по распоряжению Сухарева, Жолобов пробовал защищаться, но был обезоружен. Более года исследовал Сухарев действия Жолобова, который, в свою очередь, постоянно объявлял роковое в те времена «слово и дело» и на Сухарева, и на тобольского губернатора. Наконец, в октябре 1734 года приехал из Петербурга поручик Пущин и забрал с собой и Жолобова, и Сытина, и Литвинцева, с несколькими другими лицами. 1 июля 1736 года Жолобов был казнен в Петербурге, и указ об этом, с подробным изложением его преступлений, объявлен «во всенародное известие». Досталось и Паисию. Прибыв на место своего служения, новый епископ иркутский Иннокентий Нерунович немедленно потребовал объяснение от всех духовных лиц, подписавших петицию о назначении вице-губернатором малолетнего Сытина. Все объяснения сводились к тому,

что делалось это по требованию наместника Паисия, который на возражение, что духовным людям в это дело вмешиваться не следует, грозил повырывать бороды и отдуть дубиной. Сам же Паисий на допросе показал, что основывался на бывшем в Иркутске примере: «бывал-де здесь воеводою и судьёю сын господина Полтева и трехлетний». Но отговорка эта не помогла, и Паисий, за «вовлечение подчиненного ему духовенства в неподобающее дело, был приговорен к наказанию». Приговор этот приведен в исполнение 3 декабря 1733 года*).

О заменившем Жолобова вице-губернаторе Плещееве иркутская летопись говорит, что он «был в канцелярских делах несведущ, корыстолюбив, промышленных и торговых людей за недачу подарков драл плетью и кнутом и притеснял приказных служителей; приверженцев же своих любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна»**). Между ним и епископом Иннокентием Неруновичем, отличавшимся нравом суровым и вспыльчивым, отношения приняла столь враждебный характер, что в народе долго держалось предание, будто они перестреливались из пушек: архиерей — с левой стороны Ангары, из монастыря, вице-губернатор — с правой, из города. Это, конечно, вымысел, могущий только служить для характеристики тогдашних нравов и отношений между указанными лицами; но что имеет документальное подтверждение в жалобах и донесениях самого преосвященного, так это обиды, нанесенные ему Плещеевым в доме откупщика Глазунова, кончившиеся тем, что он должен был спасаться на лодке, в которой и доплыл от города до Вознесенского монастыря. Отношения между местными духовной и гражданской властями не улучшились и при преемнике Плещеева — вице-губернаторе Бибикове. Не имея возможности добиться осуждения главного виновника всех своих столкно-

*) *Иркутские Епархиальные Ведомости*. 1865 г., № 18.

**) Там же, 1868 г., № 3.

вений с Плещеевым и Бибиковым, некогда служившего по духовному ведомству и завладевшего монастырскими суммами Герасима Лебратовского, преосвященный прибег к совершенно исключительной мере: 22 октября 1738 года иркутяне были поражены опубликованной в церквях и прибитой к церковным входам грамотой архипастыря об отлучении Лебратовскаго от церкви. Узнав об этом, Св. Синод, указом от 20 ноября 1739 года, предписал Лебратовского от клятвы разрешить и впредь отлучению, «не описався в Святейший Синод с таковыми объяснениями, как *Духовным Регламентом* указано, и не получа на то указу, собою отнюдь не предавать»^{*)}).

При назначении Бибикова Сибирская губерния была разделена на две части: Тобольскую и Иркутскую, с подчинением их ведению Сибирского приказа и «с тем, чтобы в Иркутске был действительный вице-губернатор, которому дозволено сноситься с сибирским губернатором промемориями».

Следовавшие за Бибиковым вице-губернаторы Ланг^б и Вульф, по словам современников, были люди добрые, но слабые, вследствие чего управление находилось в руках секретарей Березовского и Иванова, и дела шли плохо. «Бедные терпели притеснения, оттого что нечем было им откупиться, а богатые посредством подарков всегда были правы и пользовались милостью начальства; умножились воровство и грабежи, особенно кража скота бурятами, а сыску не было: хотя воров неоднократно ловили, но виновных не оказывалось; сборы казенные были запускаемы; оброчные статьи отдавались дешевыми ценами, а подряды высокими»^{**)}. На придачу к таким секретарям, 28 марта 1758 г. приехал из Петербурга первый иркутский полицеймейстер секунд-майор Замощиков, человек «деятельный, но весьма корыстолюбивый»^{***)}. Выдающимся во время правления Вульфа

*) Там же, 1868 г., № 9.

**) «Летопись» *Пежемского*.

***) Там же.

событием было открытие в 1753 году школы навигации и геодезии. В 1758 году прибыл в Иркутск следователь по винокуренным делам, поверенный откупщика Глебова, Петр Никифоров Крылов.

Приезду Крылова предшествовало письмо откупщика Глебова, занимавшего в то время и должность обер-прокурора, к членам иркутского магистрата. В письме этом, наполненном укоризнами, Глебов, выражая свое неудовольствие на действия магистрата и местных купцов, между прочим, говорил: «Я крайне принужден удивиться странным вашим предприятиям и чудным поступкам, которые от человека честного света апробованы быть не могут». «Не только тонким образом шиканство⁶ свое употребляете, но и нагло, в противность законов, поступки свои оказываете, так что я принужден, видя такие странные дела, просить в Правительствующем Сенате об учинении следствия о всех ваших поведеньях, что принадлежит винной поставке и прочего, а через то самое иметь себе сатисфакцию и справедливость закона. Я иного понять не могу, что все вы свои дела производите в одной надежде, что в такой великой отдаленности от здешнего места находитесь. Буде вы надеетесь на свое богатство, то оно, всеконечно, сколько бы велико не было, не заплатит правосудно, ибо не пользуется в день ярости и гнева»^{*)}.

Везя с собой указ Сената о назначении его следователем по винокуренным делам, Крылов еще с дороги писал тому же магистрату, чтобы он приготовил для него несколько стоп бумаги и ведро чернил. Магистрат отвечал, что «бумага приготовлена, а чернильного мастера в Иркутске не имеется, а приготовлено несколько черепков китайской туши»^{**}).

Проведя некоторое время по приезде своем в Иркутск в бездействии и выгнав под рукой что и как делается, кто богат, кто

^{*)} Там же.

^{**}) В Иркутске чернилами начали писать с 1777 г., когда впервые были привезены чернильные орешки и купорос, а до того времени писали тушью.

беден, «Крылов, — говорит иркутский летописец, — вдруг переменялся в характере, вдался в разные дерзости, жестокости, в особенности к купечеству, занимавшемуся содержанием винокуренных заведений». Забрав к себе из магистрата и губернской канцелярии все дела с 1729 по 1758 год, касавшиеся питейных сборов, он арестовал и заковал членов магистрата и как у них, так и у более богатых купцов приказал описать дома, товары и проч. и «публиковал их ворами». Вслед за этим, пытками и истязаниями он вынудил бургомистра Бречалова показать, что вино, стоившее в выкурке от 50 до 60 к., занимавшие его выкуркой иркутские купцы ценили в рубль и излишние деньги делили между собой. Опираясь на это сознание, он отобрал у них более 150.000 р., не считая того, что при этом погроме захватил себе лично вещами и всяким имуществом. Более всех пострадал купец Иван Бичевин, считавшийся в то время первым в городе богачом. Дом его стоял у Тихвинской церкви, где впоследствии находился музей Географического Общества, уничтоженный пожаром 1879 г. О богатстве Бичевича сохранилось предание, что у него золотые и серебряные деньги хранились в бочонках, а медные — в бочках, прикованных к стенам его кладовых. Замученный пытками, он умер 13 декабря 1759 г. и похоронен в отстроенной им Тихвинской церкви, на стене которой находится и до настоящего времени хорошо сохранившаяся надгробная надпись.

Наводил Крылов страх не на одних купцов, но и на все городское население своей развратной и не знавшей удержу разгульной жизнью. Женщины боялись ему на глаза попадаться, детей пугали, и еще долго иркутяне, по словам летописца, вспоминали о «гибельных крыловских временах». Начальство бездействовало. Самого вице-губернатора Вульфа Крылов умудрился некоторое время продержать под арестом, а жителей тем временем заставил подписать челобитную о назначении на место Вульфа его, Крылова.

Но тут за город вступился преосвященный Софроний. Написав донесение Императрице и письмо петербургскому митрополиту, он тайно отправил их в Петербург со своим посланцем, сержантом Конюховым, успевшим, благодаря употребленной им хитрости, обогнать курьера, посланного Крыловым. Ходатайство преосвященного увенчалось успехом. На донесение его последовало, доставленное тем же Конюховым, распоряжение арестовать Крылова и скованным отправить в Москву, что и было, по получении в Иркутске указа, исполнено 20 ноября 1761 г. Дальнейшая судьба Крылова неизвестна: по одним источникам он был наказан кнутом и сослан на каторгу, а по другим — избег всякого наказания, благодаря покровительству обер-прокурора Глебова, и ездившие в Петербург иркутские купцы встречали его, будто бы, там мирно разгуливающим по улицам. Существует также рассказ, что деньги отобранные Крыловым у купцов были многим возвращены, но за всеми раздачами осталось еще до 15.000 р., которые хранились более двадцати лет и их, наконец, решено было отдать на сооружение в Иркутске каменной Благовещенской церкви. Действительно «гибельные времена» и «жестокое то были нравы»! В этот период своей истории Иркутск — сам жертва лихоимства, произвола и насилий — не раз бывал свидетелем жестокой развязки совершавшихся вдали от него переворотов, заговоров, преследований и т. п. Видел Иркутск и изгнанных из Москвы стрельцов, и гонимого Меньшиковым после смерти Петра арапа его⁷, и его же любимца, изуродованного Бироном, Соймонова⁸ и мн. др., но ничто не запечатлелось так живо в памяти очевидцев, как приезд в Иркутск 25 ноября 1740 года молодой 15-летней девушки, в сопровождении приставленной к ней пожилой женщины и лейб-гвардии Преображенского полка фургера Льва Чернышева, привезшего и указ Синода о немедленном пострижении в иркутском Знаменском монастыре «секретной особы» — девушки-ребёнка.

Началась тревога в стенах обители. Преклонная летами игуменья Акилина не знала за что взяться; старицы суетились; в деревянной монастырской церкви начались приготовления к постригу; обитель обступили любопытные: наконец явился Вознесенского монастыря архимандрит Корнилий. За ним ввели в церковь за конвоем постригаемую в сопровождении ее спутников. Корнилий приступил к обряду пострижения. На обычные вопросы об отречении от мира девушка оставалась безмолвной, но вопросы быстро следовали по чиноположению один за другим; безмолвную одели в иноческую мантию, покрыли кукелем, переименовали из Анны Анисией, дали в руку четки и обряд пострижения был кончен. Фургер вручил постригавшему архимандриту письменное удостоверение, что был очевидцем пострижения в монашество девицы Анны, дочери казненного Артемия Волынского, и тут же сдал юную невольную инокиню под строжайший присмотр и на вечное заключение. Привезшую её женщину разлучили с ней и, дозволив жить на свободе в Иркутске, строжайше воспретили видеться с юной монахиней и возвращаться назад.

Но вскоре по отправке в Сибирь детей Волынского скончалась Императрица Анна Иоанновна, свергнут был Бирон и в Иркутск прискакал курьер с именным указом правительницы Анны Леопольдовны, повелевавшим заключенную в Знаменский монастырь Артемия Волынского дочь Анну из ссылки освободить и ежели, паче чаяния, в монашеский чин она пострижена, то монашеский чин с неё снять и из Сибири отпустить*). Впоследствии Анна Волынская вышла замуж за графа Гендрикова и была статс-дамой при дворе Императрицы Елизаветы Петровны.

19 октября 1764 года последовал указ о наименовании Сибири Сибирским Царством и об учреждении в ней второй губер-

*) *Иркутские Епарх. Вед.*, 1868 г., № 27.

нии — Иркутской. «Иркутск, — говорит Словцов⁹, — поэтому поравнялся с Тобольском в степени государственной именованности, через 112 лет своего бытья»^{*}).

Первым иркутским губернатором был генерал-майор фон-Фрауендорф, обративший внимание на неустройство города. Постройки производили без планировки, где и как хотели: один выставлял на улицу ретираду, другой над воротами строил огромный навес. Особенно обезобразивались дома неровными окнами, с прибавлением так называемых волоковых. При домах же находились обширные овощные огороды, в которых первые места занимали хмельники с вьющимся хмелем по высоким тычинам. Улицы были узкие и кривые и во многих местах в летнее время, начиная с весны, стояла непроходимая грязь, целые озера и болота. Фрауендорф, говорит летописец, «крепкой рукой принялся за устройство города, что поначалу было в тягость, а после сами признали все это за полезное». При том же губернаторе выстроен и первый губернаторский дом возле Спасской церкви, где в то время находились и другие казенные здания: прежний воеводский дом, канцелярская палата, тюрьма и дом с застенком для пыток.

2 января 1767 г. Фрауендорф умер и его заменил присланный из Петербурга генерал-майор Адам Иванович Бриль. При нем учрежден в городе оспенный комитет и открыта ярмарка, происходившая два раза в год: с 15 марта по 1 мая и с 15 ноября по 1 января. Кроме того, «им подтверждено уничтожение хмельников, по укрывательству в них воров, наблюдение о чистоте улиц и штраф с бродячего скота»^{**}). Преемником Бриля, назначенного президентом Московской мануфактурной коллегии, был бригадир Немцов. По словам «Иркутской летописи», это «был человек неблагонамеренный, употреблявший непомерную

^{*}) Словцов: «Историческое обозрение Сибири».

^{**}) «Иркутская летопись».

строгость собственно для того только, чтобы более брать взятки и нажить более денег». «В некоторые дни ходил он по городу пешком, с нужным числом полицейских служителей, для того, что ранее приказал жителям строить около домов своих мостики (тротуары), а где их не было построено, вызывал хозяина и тут же сек его». Сохранилось также предание об его дружбе и сношениях с разбойничьим атаманом Гондюхиным, тайно проживавшим в Иркутске. Им же была учреждена в городе «глухая команда», которая под видом дозора грабила жителей.

Совсем иную память оставил после себя преемник Немцова генерал-майор Кличка. «Будучи добрым и справедливым начальником, он принимал и выслушивал всех ласково и благосклонно; словесные и письменные просьбы решал без отлагательства и без мздоимства; ссоры и споры старался прекращать дружелюбием и через посредников; смотрел внимательно и наблюдал за скорым и справедливым решением дел в судах; помогал сиротам и неимущим, поощрял торговлю и, словом, — говорит летопись, — благоразумием, добротой и благонамеренностью запечатлел в сердцах иркутских жителей надолго о себе славное воспоминание». При нем, 22 сентября 1782 года, торжественно открыто в Иркутске училище для детей всех сословий, и ему же Иркутск обязан основанием публичной библиотеки. В 1783 году он был переведен губернатором в Курск. В том же году учреждено Иркутское наместничество и в Иркутск прибыл первый наместник генерал-поручик Якобий¹⁰. С ним наехало множество чиновников, от наплыва которых с многочисленной прислугой жители города обременены были тяжелым постоем. Одних музыкантов Якобий привез до сорока человек. В памяти жителей надолго остались его пиры и в городе, и на Верхоленской горе, и на его даче, находившейся на берегу Иркуты, против Синюшиной горы. Здесь в большом деревянном доме пиры длились по несколько дней, на ближнем острове Иркуты пускались фейер-

верки, а вся дорога до города по ночам освещалась смоляными бочками. Теперь и следа не осталось от этой дачи; новые жильцы овражка заняли землю под свое владение; на ней крестьяне косят сено и женщины собирают лук-мангырь *)¹¹. Об Иркутске того времени шведский биограф¹² жившего тогда в Иркутске академика Лаксмана говорит, что, «подобно оазису в пустыне, лежащий близ Байкала Иркутск привлекал к себе торговые пути Азии, вместе с ними и людей различного восточного и западного происхождения, огромные капиталы и весьма оживленные торговые сношения. Народонаселение и богатство города возрастали с каждым годом; в нем уже было 20 тыс. жителей, 12 церквей, между которыми также и лютеранская, несколько училищ, библиотека, кабинет редкостей и театр, не говоря уже о банках, лечебницах и прочих обыкновенных публичных учреждениях. Вследствие чрезвычайной роскоши, уже называемый сибирским Петербургом, Иркутск вместе с тем замечателен был своим гостеприимством; генерал-губернатор Якобий, наместник Ламб и миллионер Медведев держали открытый стол и давали еженедельно по очереди обеды и балы. Погруженный в материальные интересы, Иркутск не чуждался и литературных занятий. Представителями их были преимущественно многочисленные частные учителя, главным образом из поляков, шведов, французов и иезуитов, которые встречались во всех более знатных семействах. Здесь жили естествовед Карамышев¹³ и весьма начитанный граф Мантейфель¹⁴; здесь гащивали сплошь и рядом иностранные исследователи: так, например, в начале 1785 г. француз Патрен¹⁵, корреспондент Палласа и монголист Йериг¹⁶; потом в 1786 и следующем году — Биллинг¹⁷ со своей большой экспедицией; в 1787 году весьма оригинальный англичанин Ледъярд¹⁸; в 1788 году Лессепс¹⁹, потом Сиверс²⁰ и пр. Сверх того, Иркутск был средоточием тех поездок и открытий,

*) *Сельский*: «Путь до Култука». Изв. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. X.

которые послужили началом Русско-Американской Компании; ими в то время руководил энергичный купец Шелихов, основатель фактории на алеутском острове Кадьяк и один из первых мореходцев между Азией и Америкой^{*)}). К этому же времени относится и открытие в Иркутске городской думы, по Положению 1785 года. Торжественное открытие её происходило 1 января 1787 года. По этому случаю иркутское купечество дало великолепный обед для всех чинов города и граждан, а вечером был бал с маскарадом и пушечной пальбой. Первым иркутским городским головой был избран степенный гражданин иркутский первой гильдии купец Михаил Васильевич Сибиряков^{**)}.

Но вся эта пышность торжества, обеды, балы, приезд и отъезд знатных и ученых иностранцев были казовою стороною дела, наружным, совершенно поверхностным слоем, обманчивым блеском. Жизнь города и всей необъятной страны, на которую распространялось его административное и экономическое влияние, шла своим чередом, и если добывались средства на эту пышность и блеск, то вместе с тем происходило и то глухое брожение, которое, проявляясь непрестанной сменой и неблагополучным завершением служения местных правителей, было верным показателем болезненного состояния местного общественного организма. Уволенного и преданного суду Якобия сменил Пиль, а за Пилем следовал Лецано, покинувший Иркутск, чтобы «предстать пред судом Сената», и смещенный Селифантовым, в свою очередь умершим под судом. Селифантова сменил, впоследствии также преданный суду и отрешенный от должности, Пестель. За этими сатрапами-правителями шла целая вереница губернаторов гражданских и военных, вице-губернаторов, комендантов и проч. Эта часть истории Сибири достаточно разработана. Фактическая сторона хорошо известна и, к тому

^{*)} «Эрик Лаксман» *Вильгельма Лагуса*. Перевод со шведского. Спб., 1890 г. Издание С.-Петербургской Академии Наук.

^{**)} «Летопись» *Пежемского*.

же, очень однообразна. Время Трескина, его страстной борьбы с крупнейшими представителями местного купечества, составляет только заключительную главу этого периода сибирской истории вообще и города Иркутска в частности. Дело не в Якобии, Селифантове и Трескине, их женах, любовницах и клеветах, в злых или добрых деяниях всех этих заклеянных судом истории лиц, а в тех условиях жизни местного общества, которые служили почвой для их деятельности. Справиться с Трескиным Сперанскому было не трудно, но изменить условия, при которых действовал Трескин, не смог и этот выдающийся и благонамеренный государственный деятель. «При нем, — говорят современники, — было лучше, тише несколько, а там опять пошло все по-старому». Лучший, правдивейший анализ этого «старого», его внутренних, так сказать, течений, дан Щаповым в статье «Сибирское общество до Сперанского»^{*)}.

По совершенно верному и прочно обоснованному утверждению этого исследователя, наиболее характерным явлением в истории сибирского общества было особенное развитие и общественное преобладание в сибирских городах купеческого сословия и его антагонизм к местному административному классу — чиновничеству. Эта особенность во всем расцвете проявилась в конце XVIII и начале XIX века, во времена Пестеля и Трескина, и была коренной причиной, обусловившей необходимость ревизии и реформы Сперанского в Сибири. Первые задатки для развития в Сибири общественного преобладания торгово-промышленного купеческого сословия и государственно-служилого класса чиновничества — заключались уже в самом составе колонизационных элементов Сибири. Первыми деятелями на поприще первоначальной колонизации и культуры Сибири были, с одной стороны, служилые и приказные люди с воеводами во главе, с другой — торговые и промышленные люди.

^{*)} *Известия Сибир. Отд. Русск. Геогр. Общества.* 1873 г., № 4, 5, 1874 г., № 1.

Великорусское боярство, игравшее такую деятельную роль в колонизации великорусской земли, в заселении Сибири не принимало почти никакого участия. Вследствие этого, в составе сибирских городских обществ не было дворянства, как особого сословия, землевладельческого класса, со своими дворянскими институтами, собраниями и т.п. Дворяне были лишь командированы в Сибирь на службу. При отсутствии дворянства, в сибирских городах естественно преобладал класс торгово-промышленный и ремесленный. Да и это сословие долго не имело надлежащей общественной организации. В то время, когда торговые и промышленные люди еще бродили вместе со служилыми людьми по отдаленным окраинам Сибири для соборных промыслов и торгов, посадское торгово-промышленное население было малоллюдно. Сибирские городские общества с трудом усваивали правильные благоустроенные формы гражданской экономической жизни, бедствовали от неразвитости городских искусств и ремесел и страдали от тягости городских налогов и разных физических зол — пожаров, наводнений и т.п. При таких условиях легко было возникнуть и развиваться в сибирских городских обществах и господству богатого купечества, и своевольству чиновничества. Первому в особенности благоприятствовали экономические условия Сибири. С одной стороны изобилие дорогой пушнины и соседство с Китаем вызывали развитие меновой торговли с китайцами и усиление торговавших с ними русских купцов, с другой — географическое распределение населения и разбросанность его на огромных пространствах необходимо требовали громадных средств для снабжения его во всех частях, во всех окраинах Сибири необходимыми жизненными припасами и разными товарами, чем и обуславливалось господство богатых купцов — откупщиков, подрядчиков, поставщиков, комиссионеров. Наконец, с распространением русской торговли, промышленности и колоний в северо-

восточной Азии и в северо-западной части Америки, на Алеутских и Курильских островах, по необходимости сложилось из разных промышленных артелей особое акционерное купеческое общество, называвшееся «сословием» *Российско-Американской Компании* и захватившее в свои руки не только промышленное, но и политическое господство. Особенным преимущественным средоточием купеческого владычества был город Иркутск. Здесь процветала и властвовала над общественным управлением олигархия знатных в Сибири купцов — именитых граждан, коммерции советников и т.п. Здесь положено основание *Российско-Американской Компании*, первыми деятелями которой были исключительно иркутские купцы: Шелихов в Иркутске и умер; Баранов перед переселением в Америку имел в Иркутске стеклянный и водочный заводы и занимался в нем подрядами и откупами; Мыльников и Киселев принадлежали к числу самых именитых иркутских купцов. Господствуя и в думе, и в магистрате, богатое и сильное иркутское купечество, в конце XVIII и в начале XIX столетия, заправляло всеми общественными городскими делами, и заправляло исключительно в своих интересах. Руководимая крупными капиталистами, вернее — из них одних составленная, иркутская дума чужда была интересам и нуждам не только рабочих классов городского общества, но и мелких купцов. Составляя городскую смету, дума не останавливалась перед стеснительными и неопределенными установлениями, вроде взимания штрафа за какую-то потаенную торговлю «с купцов иного звания людей», взыскивала пошлины с крестьян, торгующих сельскими произведениями, усиленно добивалась запрещения мещанам судоходства по Ангаре и Байкалу. Преобладание этой партии привело к тому, что все жизненные средства народа оказались в руках монополистов-откупщиков. Хлебная торговля, поставка соли, торг мясом, винокурение — все захвачено было откупщиками, поставщиками,

подрядчиками. Дело дошло до того, что право торговать мясом в Иркутске в 1810 году предоставлено было только трем купцам: Ланину, Попову и Кузнецову. В контракте они выговорили себе такое условие: «Никто кроме нас и тех, кому собственно от нас дано будет сие позволение, не должен торговать мясом в городе, ни в мясном ряду, ни в домах и нигде ни гуртом, ни в розницу». Наконец, партия крупных капиталистов до того усилилась в иркутском обществе, что запугивала народ и стремилась подчинить себе и местное управление, с представителями которого она находилась в постоянном антагонизме^{*)}). Эти два элемента при их развитии и постановке в Иркутске, в конце прошлого столетия, мирно между собой ужиться не могли. К этому выводу неизбежно приводит сопоставление, сделанной Щаповым, характеристики стремлений иркутского купечества с не менее верными и ценными данными о прошлом управлении Сибири, добытыми исследованиями Словцова, Вагина²¹, Андриевича, Ядринцева²², Штейнгеля²³ и др., которые в общем резюмируются так: В древнее время в Сибирь посылались воеводы облеченные громадной властью, им и предоставлялось неограниченно заведывать всеми частями управления: войском, судом, сбором ясака, ссыльными; кроме того, им поручались промышленные казенные монополии: торговля мехами, вином, табаком, ревенем, мамонтовой костью и проч. В первое же время бесконтрольность воевод породила такие злоупотребления, что московское правительство должно было начать борьбу с ними. Воеводы наживались, да и на самое назначение они смотрели как на наживу. Строгие приказы против грабителей посылались сюда постоянно, воевод часто сменяли, отдавали под суд, иногда даже били кнутом, но все это не помогало, — беспорядки в Сибири не прекращались, и обыватели терпели по-прежнему. Начиная с Петра I наказания правителей усилились, их пытали, ссылали

^{*)} Там же

на каторгу, рубили головы (Гагарин, Ракитин, Жолобов и др.); но ни каторга, ни казни не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы. Развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности. Правители, пока жили в Сибири, не боялись никого и ничего. Нигде самовластие не достигало таких размеров, нигде правители не являлись такими всемогущими, как в Сибири в прошлом столетии. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. В конце прошлого и начале настоящего столетия думали уничтожить зло большим доверием главным начальникам и усилением их власти. Для этого в 1783 году было открыто в Иркутске наместничество. Первым наместником, как уже сказано, был Якобий. «Пышно-весело жил» — единственное, оставленное им по себе воспоминание. С него начинается целый ряд правителей, метко прозванных бароном Штейнгелем сибирскими сатрапами^{*)}). Следующий за Якобием, Леццано был несколько лучше других, но и при нем «губерния наполнилась негодьями, нищими, начались воровство, убийства, разбои», и ревизовавший губернии Селифантов нашел ее «в таком бедственном положении, что без слез взирать на нее невозможно». Для приведения её в порядок генерал-губернатором назначен был этот же самый мягкосердный ревизор, с правом отрешать от должностей беспокойных чиновников и «ссылать их в отдаленнейшие места, где беспокойство их не может быть вредно»^{**)}). «Сначала, — пишет барон Штейнгель Алексею Петровичу Ермолову, — он приехал один с сыном своим Павлом Ивановичем, но вскоре, в самое то время, когда его жена с прочим семейством прибыла в Тобольск и, по его распоряжению, осталась там жить, наперсница ее мадам Бойе с дочерью приехала через Ишим

^{*)} *Исторический Вестник*. 1884 г., № 8. Статья бар. Штейнгеля «Сибирские сатрапы».

^{**)} *Андреевич: «Сибирь в XIX столетии»*. Спб., 1889 г.

в Иркутск и остановилась в генерал-губернаторском доме. Отношения сей матери и дочери к отцу и сыну не долго оставались двусмысленными. Тотчас догадались, через кого надобно обдѣлывать дела, и обдѣлывали, что хотели и как хотели...» Управление Пестеля было только завершением всего предшествовавшего. Полномочия и средства даны были Пестелю большие, чем всем его предшественникам, а данный на его имя Высочайший рескрипт обязывал его, между прочим, «постановить уравнение в земских повинностях, точность и бескорыстие в сборе податей, положить пределы злоупотреблению должностей и ввести в управление их соревнование и любовь к порядку, коего наиболее там недоставало»^{*)}). Пробыв всего неделю в Иркутске, Пестель съездил в Кяхту и затем, предоставив неограниченный простор действий им же привезенному иркутскому губернатору Трескину, в 1807 году выехал в Тобольск и оттуда в 1809 году переехал в Петербург, где в течение 10 лет всю свою энергию и свое значение направлял на упрочение своего положения, отстаивание всего что творилось его губернаторами и борьбу с их противниками. Что касается Трескина, то он в управлении губернией руководствовался исключительно собственным усмотрением. Губернию, по словам Геденштрама²⁴, он считал вотчиной, а себя — полновластным в ней приказчиком или управляющим. Но такой взгляд на вещи шел совсем в разрез с видами и направлением иркутских капиталистов, не могших примириться с произволом и самовластием чуждого им элемента в отмежеванном и насиженном ими для себя месте. «Местное купечество, — говорит один из иркутских старожил, — было так сильно, что пять или шесть губернаторов сряду — хорошо не знаю — были сменены по их жалобам. Когда поступил Трескин, купцы сначала присматривались, каков он будет: хорош — ладно, нехорош — можно и сменить. Трескину необходимо было

^{*)} Полн. Собр. Законов, № 22143.

показать свою силу. Поэтому при первом противоречии купцов он разослал их в разные места: Сибиряковых, Мыльниковых, Дуборовских, Одуевских, — одним словом, всех, кто был против него. Тогда увидели, что с Трескинным нельзя спорить» *). И действительно, с Трескиным и Пестелем спорить нельзя было. За спор с ними откупщик Передовщиков оказался в каторге, иркутский городской голова Сибиряков — в ссылке.

Брал ли сам Трескин взятки, или не брал — безразлично: все его главные сотрудники брали их немилосердно, с кого и как могли. Об управлении Трескина много писалось и говорилось. Всего лучше и полнее история этого управления разработана в обширном труде г. Вагина, посвященном деятельности Сперанского в Сибири. По отношению собственно к городу, «внимание Трескина, как хорошего и рачительного хозяина», каковым его и до сих пор многие считают, по необходимости должно было обратиться всего более на городское благоустройство: планировались улицы, ломались и сносились дома, стоявшие не так, как надо было, на место снесенных домов ставились заборы. Во всем этом Трескин «действовал деятельно, энергично». Велит дом сломать: хозяева еще утром спят, а полиция с арестантами уже и крышу сняла и потолки рубит. «Но что ж делать? Деспотический образ действий был в тогдашних нравах», добавляет рассказчик-очевидец **). Не знали, когда спит Трескин; его можно было встретить во всякое время дня и ночи. Заходил он и в частные дома и замечал все. Ходил он обыкновенно один, но полицейские следили издали и являлись куда нужно. Зайдет, бывало, к кому-нибудь в дом и видит: муж с утра ушел на работу, а жена дома. «А что ты, матушка, приготовила мужу поесть?» И в печь; а в печи ничего нет или беспорядок какой. Тотчас расправа. Заглядывал Трескин и в огороды, и если увидит, что

*) «Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири». Собраны В. Вагиным. Спб., 1872 г. Рассказ Булатова.

***) Там же.

в огороде посеян табак, то и тут расправа, а табак вон и вместо него велит посадить овощ. Самой крупной заслугой Трескина выставлялось приучение бурят к земледелию. Но делу этому положено начало — значительно ранее Трескина — устраивавшим забайкальские поселения Лабой²⁵, по убеждению которого хоринские буряты начали заниматься земледелием с 1796 года. Примеру их последовали идинские, кудинские и аларские, и в 1802 году, т. е. еще за несколько лет до Трескина, буряты доставили в Иркутск около 14.000 четвертей хлеба*). Другое, не менее восхвалявшееся и теперь еще иногда восхваляемое, деяние Трескина, вернее — исправника Лоскутова, — прикрепление ссыльных к местам поселений, — кончилось тем, что с исчезновением наведенного жестокостью Лоскутова панического страха ссыльные разбежались и поселения опустели. Вот оценка управления Трескина, сделанная епископом иркутским Михаилом: «Хотя лично, — пишет преосвященный князю А. Н. Голицыну, — ничего не терплю от губернатора, но стражду ежедневно в растерзываемой как бы волками пастве своей, коей непрерывный вопль проникает и сквозь толстые стены архиерейского дома. Нечестие и бесстыдное притворство; дерзость и самонадеянность с деспотизмом; презрение к людям и страданиям их; выбор и отличие чиновников, деятельных только к разорению поселян, особливо бурят; система обогащать себя и во всем монополия — сии черты отличают здешнее правительство от внутренних губерний России»**). Это писал человек, которым противники Трескина были недовольны за излишнюю к нему снисходительность и после смерти которого, когда уже и Трескина давно не было, иркутяне обращались к петербургскому митрополиту Серафиму с просьбой о назначении, на место скончавшегося, человека доброго, кроткого, не уклончивого,

*) Андреевич: «Сибирь в XIX столетии».

**) Бар. Корф: «Жизнь графа Сперанского». Изд. 1861 г.

такого владыки, который бы мог защитить Иркутск от властей, подобных Трескину, на что и последовало повеление Императора Николая Павловича: «избрать самого твердого и надежного и перевести в Иркутск»^{*)}). Несомненно, что переписка преосвященного Михаила с министром духовных дел и одним из самых приближенных к Императору Александру лиц, князем А. Н. Голицыным, в деле падения Пестеля и Трескина имела решающее значение, особенно усилившееся после того, как исправник Лоскутов высек нижеудинского соборного протоиерея Орлова, и притом сделал это в инородческом улусе, где оба они были по делам службы. Не дремали и самые настойчивые враги Трескина — иркутские купцы. Всех задавить и сослать и Пестелю с Трескиным не под силу было. Уцелевшие, хотя и притихли, но в Петербург слали донос за доносом. В доносах этих принимал деятельное участие, живший тогда в деревне Карлук, близ Иркутска, и пользовавшийся в Иркутске большим влиянием, уволенный по делу Передовщикова председатель уголовной палаты Гарновский. Умно и дельно составлявшиеся им доносы не раз обращали на себя внимание правительства и доставляли Трескину и Пестелю немало хлопот, заставляя их отписываться, изворачиваться, выставять Гарновского «тайным и начальственным духом ябеднической партии». Наконец, в то самое время, как в Петербург ехал один из приближенных Трескина с жалобой на преосвященного Михаила, не угодившего ему в деле Орлова; туда же, на средства, данные иркутскими купцами, главным образом Трапезниковыми, отправился иркутский мещанин Саламатов, человек огромного роста, с необыкновенно сильным голосом, ловкий находчивый и решительный. Чтоб обмануть в Нижнеудинске бдительность Лоскутова, он явился к нему просить пособия на закуп в Красноярске скота, и Лоскутов так был обманут его речами, что от себя еще дал

^{*)} *Иркутские Епарх. Вед.*, 1863 г., № 45.

ему поручение на покупку быков и снабдил его билетом на быстрый провоз до границы Иркутской губернии*). В Петербурге Саламатов умудрился подать донос лично Государю. Говорили, что при встрече с Государем он осмелился его остановить, и на сделанное замечание, что выбрал не место, Саламатов, не робея, отвечал, что с Государем говорить везде место. Государь обратил на него внимание, и он успел рассказать то, зачем прибыл. Он отдан был под особое попечение главнокомандующему и содержался на счете Кабинета. Наконец, 24 октября 1818 года, министр внутренних дел Козадовлев²⁶ внес в Комитет Министров записку, в которой, обрисовывая яркими красками сибирские злоупотребления, настойчиво указывал, что главная причина беспорядков — самовластие сибирского начальства. Чтобы ограничить это самовластие, министр признавал необходимым учредить верховное сибирское правительство из чиновников частью, определяемых от правительства; частью, избираемых жителями от разных сословий; генерал-губернатору предоставить только право председателя, имеющего перевес при равенстве голосов; учредить губернские советы из выборных лиц; усилить власть магистратов и городских управлений; но прежде всего сменить Пестеля, исследовать его действия и послать в Сибирь нового генерал-губернатора. С этим согласился и министр юстиции, а за ним и Комитет Министров признал возвращение Пестеля в Сибирь «несовместным» и заявил о необходимости назначить нового генерал-губернатора. Долго Император Александр был в затруднении, кем заменить Пестеля, наконец, выбор его остановился на Сперанском**).

Событие это в Иркутске стало известным 8 мая 1819 года. В записках секретаря и весьма близкого к Трескину человека, Тюменцева²⁷, получение этого известия отмечено так: «В 12-м

*) Там же.

**) В. Вагин: «Истор. свед. о деят. гр. Сперанского в Сибири».

часу получено никем неожиданное уведомление об определении на место И. Б. Пестеля сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанского, бывшего государственного секретаря и любимца Государя. Новость эта многих привела в совершенное расстройство, а других, напротив, оживила. Недовольные все были вне себя от радости, на других же была мертвая бледность; всех более страдал губернатор^{*)}). Переполох был общий. Правитель канцелярии Белявский и советник Кузнецов сошли с ума. В это же время главную руководительницу всякого рода поборов, жену Трескина, убили лошади. Городская молва разносила слухи о привидениях, появлявшихся в старом наместническом доме: то старик с тремя глазами, то волк с пламенной пастью, то носившаяся с огнем свеча; в полночь отворялись двери, брэнчали кандалы, выходил Леццано». «Месяц этот, — заключает тот же Тюменцев майскую часть своих записок, — вообще казался всем железным, особенно для иркутских чиновников. Туча злоключений висела и разрушалась повсечасно над головами их; громовые удары не столь бы сильны были поколебать их, как, напротив, происшествия: смена генерал-губернатора, едущий для ревизии сенатор, несчастная смерть губернаторши, сумасшествие советника и т. п. Словом, кажется, Провидение нарочно копило долгое время все нечистое, чтобы одним разом тронуть и разрушить беззаконие».

Примечания

¹ Семивский Николай Васильевич (1767-после 1817) — коллежский советник и кавалер, вице-губернатор Иркутской губернии (1806–1809), писатель. Во время службы в Сибири собирал материалы о жизни города Иркутска, укладе местного населения, достопримечательностях и природе, которые легли в основу книги «Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доньше не было всем известно». Книга была напечатана в 1817 году в Санкт-Петербурге в Военной типографии Главного Штаба с указанием, что тираж идет в пользу «малолетних сирот». Книга составлена на основе печатных и рукописных источников, а также личных наблюдений автора, в т. ч. во время плавания в 1806 году по Ангаре, в котором

^{*)} Там же.

его сопровождали советник Иркутской казенной экспедиции Василий Лаврентьевич Потресов и иркутский губернский архитектор Иван Антонович Лосев, по рисункам которого были выполнены восемь гравюр («виньет») с видами Иркутска и окрестностей, иллюстрирующие книгу. В книге также использованы материалы, собранные известным иркутским краеведом Антоном Ивановичем Лосевым. Подробному описанию Байкала (Ангарского провала) отведено 57 страниц, реке Лене — 16 страниц, реке Ангаре — 33 страницы, а городу Иркутску отведено около 70 страниц. В работе дано довольно подробное описание города, Вознесенского монастыря, отдельная глава повествует о святителе Иннокентии Кульчицком. Ссылка на издание книги Н. В. Семивского в 1871 году, вероятно, содержит опечатку, так как не обнаружено никаких сведений о переиздании этого сочинения после 1817 года.

² Герасим (?-1676) — схимонах, основатель иркутского Вознесенского монастыря. Прибыл в Восточную Сибирь с дружиной казаков, основавших острог. В 1672 году по благословению митрополита Сибирского Корнилия он заложил Вознесенскую пустынь, преобразованную позже в одноименный монастырь. Скончался в 1676 году и был погребен в монастырской ограде. В 1802 году при копании рва для монастырской стены гроб его был обретен нетленным. До настоящего времени захоронение старца Герасима не сохранилось.

³ Мартос Алексей Иванович (1790–1842) — действительный статский советник, писатель, историк, археолог. Образование получил в инженерном корпусе, который окончил в 1809 году. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1806–1812 года, Отечественной войне 1812 года. Личный адъютант А. А. Аракчеева. Служил в Сибири, был председателем Енисейского губернского суда с 1822 по 1827 год. В конце 1823 — начале 1824 года совершил поездку из Красноярска в Кяхту и Маймачен, посетил Иркутск, Верхнеудинск (в настоящее время — Улан-Удэ), Селенгинск и другие населенные пункты. Его путевые заметки, в форме дневника, стали основой для книги «Письма о Восточной Сибири», изданной в 1827 году. Повествование содержит ценные исторические, географические и статистические сведения о поселениях Восточной Сибири, в том числе подробное описание Иркутска.

⁴ Андриевич Владимир Константинович (1838–1898) — генерал, участник нескольких войн, Иркутский губернский воинский начальник и начальник Иркутского военного госпиталя (1885–1888). Занимался сбором и систематизацией статистических данных о казаках. В 1883–1885 годах были опубликованы подготовленные В. К. Андриевичем «Материалы для статистики населения в Забайкальском казачьем войске». Желание снабдить это издание очерком истории Забайкалья привело автора к изучению сибирской истории вообще, результатом чего стал цикл исторических трудов, в том числе опубликованная в 1889 году двухтомная «История Сибири», охватывающая древнейшую историю Сибири и период от 1660 до 1741 года.

⁵ Гагемейстер, фон Юлий Андреевич (1806–1878) — русский финансист и экономист, член-корреспондент Императорской Академии наук, тайный советник, сенатор. Ему принадлежит ряд произведений по финансам, экономике, торговле, статистике, истории России. Большую часть его научной и общественной деятельности составляло исследование экономического, географического и социального положения сибирского края. Будучи прикомандированным к «Сибирскому комитету», он составил «Статистическое обозрение Сибири», которое было опубликовано в 1854 году в трех томах. Издание включает в себя обширный материал по географии, экономике, народонаселению и системе управления в Сибири.

⁶ Шиканство (от фр. *chicanerie* — придирки, *chicaner* — придираться) — один из галлицизмов, вошедший в русский язык в 18 веке. Означает чинимые препятствия, придирки, ябдничество, крючкотворство, вредительство.

⁷ Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович (около 1696–1781) — русский военный инженер, генерал-аншеф. Крестник Петра I, прадед А. С. Пушкина. После смерти своего царственного покровителя был сослан А. Д. Меншиковым в Сибирь, где должен был по его распоряжению заниматься помощью селенгинскому коменданту И. Д. Бухгольцу в переносе крепости на новое место. Составил планы Селенгинска и Кяхты. В 1730 году возвращен из сибирской ссылки.

⁸ Соймонов Фёдор Иванович (1692–1780) — навигатор, гидрограф и картограф, исследователь и путешественник, губернатор Сибири (1757–1763), сенатор. Основатель навигацких школ в Иркутске и Нерчинске, морской школы в Охотске, геодезической школы в Томске. Автор сочинений «Известие о торгах сибирских» и «Сибирь — золотое дно».

⁹ Словцов Петр Андреевич (1767–1843) — историк, преподаватель, литератор, действительный статский советник. В 1803–1808 годах чиновник министерства коммерции. Сослан в Сибирь — сначала в Тобольск, с 1814 года в Иркутск. В 1815 году назначен иркутским совестным судьей, затем директором Иркутской губернской гимназии и всех училищ Иркутской губернии. Приложил большие усилия к восстановлению в Иркутске публичной библиотеки и музея, составил проект Сибирского университета. В 1819–1820 годах в Иркутске активно сотрудничал с генерал-губернатором М. М. Сперанским. Основной труд П. А. Словцова — «Историческое обозрение Сибири» (1838–1844), в котором выражена мысль о Сибири, как полноправной части России, о ее нуждах, настоящем и будущем, о ее экономике и политическом состоянии.

¹⁰ Якоби Иван Варфоломеевич (1726–1803) — общественный и военный деятель, генерал-губернатор Астраханский, Уфимский и Симбирский, генерал-губернатор Иркутского и Кольванского наместничества (1783–1789). Дед декабриста Ивана Анненкова.

¹¹ Лук стареющий, лат. *Allium senescens* (мангырь, мангир, лук-слизун, дикий лук) — многолетнее травянистое растение вид рода Лук (*Allium*) семейства Луковые (*Alliaceae*), которое произрастает в Монголии, Корею и в Сибири, а также на Кавказе, на Дальнем Востоке и на Севере Китая. Вкусная и полезная приправа, с давних пор употребляемая сибиряками в пищу.

¹² Лагус Вильгельм Габриэль (фин. *Wilhelm Gabriel Lagus*; 1786–1859) — финский юрист и историк, профессор, ректор Императорского Александровского университета (1845–1848). Один из основателей Финского общества наук и литературы. Ему принадлежит множество исторических сочинений, в том числе биография ученого Эрика Лаксмана — «Эрик Лаксман: его жизнь, путешествия, исследования и переписка», изданная в переводе на русский язык в Санкт-Петербурге в 1890 году.

¹³ Карамышев Александр Матвеевич (1744–1791) — ученый естествоиспытатель (химик, металлург, минералог, ботаник), преподаватель, доктор медицины, член-корреспондент Петербургской академии наук, корреспондент Шведской королевской академии наук; ученик Карла Линнея. В 1779 году А. М. Карамышев был назначен директором иркутской банковской ассигнационной конторы и занимал эту должность с некоторыми перерывами до 1789 года. В 1780–1781 годах временно исполнял должность начальника Нерчинских горных заводов.

¹⁴ Мантейфель, фон Андрей Андреевич (1762–1832) — камер-юнкер при дворе Екатерины II, путешественник и видный государственный деятель Российской империи (камергер, сенатор, тайный советник); попечитель Казанского учебного округа (1802–1803). Принимал участие в секретной экспедиции капитана Биллингса 1785–1793 годов, организованной по указу императрицы Екатерины II с целью изучения северо-восточного побережья Сибири и морей между Сибирью и Аляской.

¹⁵ Патрен Эжен Луи Мельхиор (фр. *Eugène Louis Melchior Patrin*, 1742–1815) — французский путешественник и ученый-натуралист, ботаник и минералог. Член-корреспондент Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. В 1780–1787 годах был в экспедициях на Урале, Алтае и в Забайкалье, собрал большую коллекцию минералов и горных пород. Экспедиция Патрена в Сибирь была организована при содействии П.-С. Палласа, по просьбе которого необходимо было собрать коллекции минералов, полезных ископаемых, гербарии и другие объекты естественной истории для Академии наук.

¹⁶ Йериг Йоханнес (нем. *Johannes Jährlig*, 1747–1795) — немецкий лингвист, специалист-монголист, переводчик тибетских и монгольских текстов. Принимал участие в двух экспедициях в Южную Сибирь — в 1780–1789 годах и в 1790–1795 годах.

¹⁷ Биллингс Джозеф (англ. *Joseph Billings*; около 1758–1806) — английский и российский мореплаватель, капитан-командор русского флота, гидрограф, исследователь восточных берегов Сибири и островов, лежащих около них и Северной Америки. Совместно с Гавриилом Сарычевым руководил экспедицией 1785–1794 годов по исследованию берегов Северо-Восточной Сибири. На оленях пересёк Чукотский полуостров, описав его северный берег от Берингова пролива до Колючинской губы. Вёл журнал путешествия и составил ряд карт. Первый европеец, составивший подробное описание земель и быта чукчей.

¹⁸ Ледьярд Джон (англ. *John Ledyard*, 1751–1789) — американский путешественник и исследователь. Принимал участие в третьем и последнем путешествии капитана Джеймса Кука, во время которого тот был убит. В 1786 году разработал проект кругосветного путешествия по суше и начал его осуществление. Прибыл в Санкт-Петербург летом 1787 года после семинедельного путешествия из Стокгольма, пройдя около 3 тыс. км пешком. Выехал из Санкт-Петербурга в июне 1787 года, проехал через Москву, Екатеринбург, Омск, Томск, Иркутск, Киренск, Якутск. После зимовки в Якутске вернулся в Иркутск, чтобы присоединиться к экспедиции Джозефа Биллингса. Однако этому осуществиться не было дано. В феврале 1788 года Дж. Ледьярд был арестован как английский шпион по приказу императрицы Екатерины II, возвращен в Москву, а затем выдворен из России.

¹⁹ Лессепс, де Жан-Батист Бартелеми (фр. *Jean-Baptiste Barthélemy de Lesseps*; 1766–1834) — французский дипломат и путешественник. Французский консул в Санкт-Петербурге и Кронштадте (в 1783–1812 годах, с перерывами); в 1812 году — назначенный Наполеоном комендант занятой французами Москвы. Участник экспедиции Лаперуза, единственный оставшийся в живых. Посетил Иркутск в 1788 году по пути с Камчатки в Версаль.

²⁰ Сиверс Иоганн (нем. *Johann August Carl Sievers*; 1762–1795) — путешественник, исследователь природы Сибири, ботаник, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Принял участие в экспедиции, снаряжённой Медицинской коллегией для ботанического и ресурсного изучения Сибири (1790–1794); посетил Кяхту, Иркутск, Красноярск, Абаканский острог, Барнаул, Бийск, Усть-Каменогорск, Томск, Семипалатинск, горы Тарбагатай. Собрал богатый гербарий растений южной Сибири.

²¹ Вагин Всеволод Иванович (1823–1900) — публицист, историк, географ, общественный деятель, прозаик, мемуарист, литератор. Редактор и издатель газеты «Сибирь»; член Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества; гласный Иркутской городской думы (1872–1888). Опубликовал свыше 200 работ по истории, географии, этнографии и экономике Сибири. Одна из наиболее значительных — «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.» (1872).

²² Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) — русский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон, столицы Чингисхана Каракорума и Орду-Балыка — столицы Уйгурского каганата в Монголии. Редактор газеты «Восточное обозрение». Автор таких острых публицистических сочинений, как «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872), «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (1882), «Культурное и промышленное состояние Сибири» (1884) и др.

²³ Штейнфельд Владимир Иванович (1783–1862) — декабрист, публицист, мемуарист, автор исторических и этнографических сочинений. Служил чиновником по особым поручениям при сибирском генерал-губернаторе И. Б. Пестеле (1810), подготовил проект экспедиции для исследования бассейна реки Амур (1811). Член «Северного общества», один из авторов «Манифеста к русскому народу». Осужден на вечную каторгу по III разряду. Наказание отбывал в Петровском заводе. В 1835 году определён на поселение в село Елань Иркутской губернии. В марте 1837 года по своему ходатайству переведён в город Ишим Тобольской губернии, в 1840 году — в город Тобольск. Занимался литературным творчеством, переводами, историческими, этнографическими, естественно-научными, социальными и экономико-географическими исследованиями. Автор литературных трудов о Сибири: «К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири», «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», «Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату» и др.

²⁴ Геденштром Матвей Матвеевич (нем. *Mathias von Hedenström*, ок. 1780–1845) — надворный советник, мореплаватель, исследователь севера Сибири. В 1808–1810 годах возглавлял экспедицию по съемке и исследованию Новосибирских островов, описал берег между устьями рек Яна и Колыма, совершил много поездок по Якутии и Забайкалью. В 1813 году принят на службу в канцелярию Иркутского губернатора, до 1818 года занимал должность Верхнеудинского исправника. Опубликовал ряд статей, содержащих результаты его научных исследований.

²⁵ Лаба Николай Осипович (1766–1816) — генерал-майор, генерал-провиантмейстер русской армии 1812 года, действительный статский советник. Занимался устройством быта переселенцев в Забайкалье.

²⁶ Козодавлев Осип Петрович (1754–1819) — деятель Русского Просвещения, сенатор, действительный тайный советник, министр внутренних дел Российской империи (1810–1819).

²⁷ Тюменцев Николай Егорович (1794–1856) — действительный статский советник, чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири.

II

Сперанский, значение его реформ и жизнь иркутского общества при нем и при его преемниках

«С приездом Сперанского, — говорит г. Вагин, — новой жизнью повеяло в Сибири. Сибиряки увидели в вельможе человека. Они снова начали жить и дышать свободно. Самовластие, лихоимство, всякого рода притеснения, на которые они жаловались так долго и так бесполезно, стали прекращаться мерами власти. Власть эта сделалась действительной, тем, чем надлежало ей быть — защитницей, а не гонительницей населения». «До энтузиазма одушевленный филантропическими идеями и чувствами, в беседах с Императором Александром I указывавший на достоинство человеческой природы, на закон всеобщей любви, яко единый источник бытия, порядка, счастья, всего изящного и высокого, Сперанский, — говорит, в свою очередь, Шапов, — и в Сибирь явился великим филантропом. В сибирском обществе он единственным своими друзьями называл колодников и чернь. Главным призванием своим в Сибири он считал установление и введение лучших, человеколюбивых учреждений, основанных на филантропических принципах, на идее улучшения быта забытых, угнетенных масс сибирского общества ссыльнопоселенцев, бедных городских и сельских жителей, страдавших от купеческой и чиновничей монополии в торговле хлебом и всеми жизненными припасами».

Личность Сперанского и образ его действий в Сибири сами по себе имели для нее цивилизирующее значение. Они пробудили в сибиряках сознание их прав и установили правильные отношения к местной власти. Пробыв в Сибири очень недолго, личным своим влиянием Сперанский не мог прочно укрепить в народе чувств законности и независимости от произвола, но чувство это зародилось отныне, и оно требовало пищи для своего дальнейшего развития. Именно тогда появились сибирские законы Сперанского. Все грамотные сибиряки того времени прочли эти законы и нашли в них понятия или вовсе еще не выражавшиеся в нашем законодательстве, или затертые во множестве частных указов. Огромное значение имело уже то, что законы эти ставили определенные правила и законный порядок на месте произвола; высказывали стремление облегчить местное население в налогах; обеспечить его продовольствием, предоставить ему свободу экономического развития*).

Мы намеренно почти дословно приводим взгляды на Сперанского и значение его реформы управления Сибирью гг. Вагина и Щапова, как потому, что взгляды эти принадлежат исследователям наиболее обстоятельно изучившим данный период сибирской истории, так равно и потому, что ни тот, ни другой не могут быть заподозрены в излишней симпатии к регламентации внешним воздействиям на народную жизнь. Оба, будучи сибиряками, ближе и лучше других могут судить о мере и свойстве психического, так сказать, влияния деятельности Сперанского на жизнь сибирского общества. Смотря на дело с разных точек зрения, но сходясь в общей оценке, они отводят значению Сперанского для Сибири именно то место, с которого не сведут его ни время, ни недостатки его реформ, ни замена установленных этими реформами учреждений другими. Если старой Сибири — Сибири времен Жолобовых, Крыловых, правителей-сатрапов,

*) В. Вагин: «Истор. свед. о деят. гр. Сперанского в Сибири».

купеческих вождений и гнета — чужды были понятия *законности и гуманности*, то заслуга Сперанского, главная и незыблемая, в неразделении этих нередко разлучаемых, но друг без друга для человеческого общества непригодных начал. Успешно или неуспешно действовали в Сибири выработанные для нее Сперанским законоположения, во всяком случае, они были первыми, хотя бы и слабыми, проводниками в жизнь сибирского общества не одной только законности, но и гуманного отношения к людям, — *гуманной законности*.

Плодом полуторагодовой службы в Сибири или, по более верному определению самого Сперанского, его *путешествия* по Сибири — явились утвержденные 22 июля 1822 года, в законодательном порядке *учреждения для управления сибирских губерний* и десять отдельных уставов и положений по разным отраслям сибирских дел^{*)}.

В 1841 году по повелению Императора Николая Павловича, Государственной Канцелярией отпечатано было *Обозрение главных оснований управления Сибири*. Этот, в высшей степени интересный памятник законодательной по отношению к Сибири деятельности правительства, почти всецело взят из отчета Сперанского и представляет собой изложение мотивов и положений, служивших при начертании вышеуказанного и в значительной части до сего времени действующего сибирского «учреждения». Сибирь, как известно, учреждением этим разделена на *Западную и Восточную*, причем в состав Восточной Сибири вошли губернии Иркутская и вновь тогда образованная Енисейская,

^{*)} Устав об управлении инородцев; устав об управлении сибирских киргизов; устав о сибирских городских казаках; устав о ссыльных; устав об этапах в сибирских губерниях; устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири; положение о земских повинностях в сибирских губерниях; положение о казенных хлебных запасных магазинах; положение о разбора исков по обязательствам, заключенным в сибирских губерниях обывателями разных сословий. — Учреждение для управления сибирских губерний, положение о земских повинностях и положение о хлебных запасах написаны Сперанским, остальные же уставы и положения — известным впоследствии декабристом Батеньковым.

Якутская область, два особых приморских управления — Охотское и Камчатское и пограничное Троицкосавское¹ управление. Деление это вызвано было нецелесообразностью прежнего, которое неудобно было в отношении к главному управлению, т. е. к генерал-губернатору. «Где бы сие управление, — объясняет *Обозрение*, — ни имело свое пребывание, оно не могло обнять Сибири на всем ее протяжении. Действуя из Тобольска, оно было, так сказать, в преддверии своего управления в отношении к Иркутску и особенно к Нерчинску и Якутску. Пребывая в Иркутске, оно представлялось точно в том же положении для Тобольска, как бы средоточие его было в Петербурге. Между тем и в Тобольске, и в Иркутске скорые и близкие разрешения, а, следовательно, пребывание главного управления, всегда были необходимы. В Тобольске производились все главные провиантские заготовления для войск внутри Сибири и на всей пограничной линии расположенных». «В Иркутске управление краем Нерчинским, Якутским и Камчаткой, содействие кяхтинской торговли, обширная пограничная стража и, что всего важней, пограничные с Китаем сношения — представляют род дел для Тобольска почти чуждых, но для Иркутска обширных, многосложных, часто настоятельных и всегда требующих непрерывного внимания главного начальства». Затем, переходя к вопросу об организации управления краем, тот же правительственный документ поясняет, что «до 1819 г. главное управление в Сибири было личное, так сказать — домашнее, и не имело определенных правил. Отсюда, — как изъяснял тайный советник Сперанский в отчете о ревизии Сибири в 1819 и 1820 годах, — проистекали следующие неудобства: 1) Власть личная удобно перерождается в злоупотребление и всегда почти имеет вид самовластия. Действуя без публичных законных участников и по причинам ей одной известным, она не может, даже при самой чистоте намерений, оградить себя от подозрений. В Сибири, где не было

и нет еще публичного мнения и где, по недостатку дворянства, и быть оно долго еще не может, подозрения сии действуют сильнее. Самые расстояния усиливают их, ибо предполагается, что до Высшей Власти ничто не доходит, потому что и в самом деле не доходит многое. По продолжительному навыку к сим подозрениям и по многим последствиям самовластного личного распорядка, вообще люди так думают, что зависят от произвола начальника, и о законности действий там еще менее имеют понятия, нежели в других местах. Один способ защиты и противодействия был в Сибири до 1819 года — жалобы и доносы. 2) Если бы личная власть, предоставленная до 1819 года бывшим в Сибири главным правителям, и ограждалась подробными и самыми верными правилами, то и тогда, бы удалена от надзора и не имея вокруг себя ни преграды, ни предостережения, она легко могла бы перейти в самовластие. Доверие к личным свойствам тут не защита, ибо в самовластие впадают постепенно, нечувствительно не всегда с худым намерением. Напротив, при намерениях самых лучших, по самому усердию к добру и желая дойти к нему кратчайшей дорогой или избрать решительнейшие меры, увлекаются в заблуждение, сперва для сокращения нарушают формы маловажные, потом идут к важнейшим, наконец касаются и существа дела и, таким образом, поступая всегда по добрым побуждениям, испровергают порядок и, действуя по совести, действуют противозаконно».

В силу этих соображений, главное управление в обеих частях Сибири было установлено в виде коллегиально действующего совета, под председательством генерал-губернатора. Совету этому придавалось значение *части министерского учреждения, действующей на месте*. В состав его входили члены делопроизводители и члены от министерств. В совещание его приглашались и начальники отдельных частей управления. Назначение его состояло в том, «чтобы местным надзором за

действиями подчиненных ему управлений удостоверить, сколь можно более, правильность их движения и точность исполнения, и чтобы в случаях настоятельных и чрезвычайных доставить всем частям местного управления ближайшее и скорейшее разрешение и тем отвратить в некоторой мере неудобство дальних расстояний». Исполнительная власть в совете главного управления принадлежала генерал-губернатору, а в отсутствие его — председательствовавшему в совете. Генерал-губернатор мог принять или отвергнуть мнение совета, и мнение совета без утверждения председателем считалось недействительным. Члены совета не могли останавливать исполнения, но они имели право представлять свое непринятое мнение высшим властям, члены от министерств — своим министерствам. Кроме прав, предоставленных власти генерал-губернатора по общему «учреждению» 1775 г., главному управлению дано было право определения, увольнения, отрешения и предания суду всех чиновников, за исключением определенных Высочайшими указами; в чрезвычайных обстоятельствах, особенно по продовольствию, ему предоставлялось право действовать всеми вверенными ему средствами; ему предоставлялось утверждать контракты на всякую сумму, утверждать окончательно уголовные приговоры по разногласию губернского суда с губернатором, за исключением приговоров о лишении гражданских прав, решать окончательно все дела по жалобам и протестам на губернские места в нарушении порядка производства дел; но главному управлению не дозволено было ни отменять или ограничивать новые издержки или сборы, или увеличивать существующие, ни располагать казенным имуществом, ни вмешиваться в подробный внутренний распорядок разных частей управления.

Сосредоточием управления в губернии по тому же «учреждению» и до настоящего времени служит *общее губернское управление*, имеющее свой, состоящий под председательством

губернатора, *губернский, совет*. Совет этот и теперь действует почти при том же, как и вначале, круге прав и обязанностей.

Таким образом, сибирское «учреждение» обладало следующими существенными особенностями: 1) власть генерал-губернатора в известных случаях умерялась советом и 2) губернатор отделялся от губернского правления и составлял особое учреждение, дела которого, в известных случаях, подвергались и подвергаются рассмотрению совета *).

Первым генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен А. С. Лавинский². Ранее этого, осенью 1821 года иркутским губернатором определен был, занимавший перед тем должность иркутского коменданта, И. Б. Цейдлер³, славившийся своим добродушием и хлебосольством. Назначением Цейдлера иркутяне были очень довольны, и преосвященный Михаил, от имени всего города, благодарит Сперанского за этот выбор. По указу Сената, от 11 сентября 1822 г., в Иркутске были открыты: губернское правление — 24, совет главного управления — 25 и губернский совет — 26 октября того же года. С открытием этих учреждений Иркутск делается административным центром страны, простирающейся от Енисея и его притоков до Восточного океана. Вводя такую обширную территорию в границы Восточной Сибири, правительство находило, что, хотя последняя «пространством значительно превосходит Западную, но что части ее, как ныне населенные, так и к будущему населению способные, все имеют довольно связи и смежности, когда сосредоточим их поставлен Иркутск» **).

Реформа Сперанского, охватившая почти все отрасли сибирского управления, не коснулась управления сибирских городов, по крайней мере, тех из них, которые, как Иркутск, отнесены были к разряду многолюдных ***). Городовое Положение, введен-

*) В. Вагин: «Истор. свед. о деят. гр. Сперанского в Сибири», т. II

***) «Обозрение главн. осн. управления Сибири».

***) По сибирскому «учреждению» города делились на многолюдные, средние и малолюдные.

ное в Иркутске в 1787 году, оставалось в силе и действовало до замены его в 1873 году Городовым Положением 1870 года; а так как прежнее Городовое Положение предоставляло управление городскими делами и городским хозяйством преимущественно купеческому сословию, то и городское управление Иркутска по-прежнему оставалось в руках местного купечества. Но переменились лица, взгляды и отношения. Пестеля и Трескина заменили Лавинский и Цейдлер; городским головой был сын уничтоженного Трескиным Михаила Сибирякова, Ксенофонт Михайлович. Вот рассказ современника очевидца об их отношениях: «Были выборы. Упрашивали Сибирякова остаться головой на третье трехлетие; он не соглашался. Вот и придумали послать депутацию к Лавинскому — просить его помощи. Он принял и говорит: «Ах, очень хорошо; я сам с вами сейчас поеду». Этого никто не ожидал. Приехал Лавинский в собрание. Просил всех сидеть; подходит к другому концу залы, — а биржевая зала была огромная, — где было, так сказать, присутствие, и говорит: «Ксенофонт Михайлович! Знаю, милостивые государи, — это он уже обратился к нам, — что мне говорить здесь не место, что я ни почему не должен быть здесь, только меня, говорит, просили, и я хочу просить Ксенофонта Михайловича не как генерал-губернатор, а как простой гражданин. И принялся просить. Сибиряков крепился, крепился, да как фыркнет — «Что говорить, ваше превосходительство: приедешь к начальству, просишь, просишь — все обещают, а приедешь домой — глядь, тебя и в затылок!» Лавинский так и опешил: ему в глаза говорят такие вещи. А Сибиряков и давай фыркать: и то, и другое, и третье; только что чубуком не машет, — оттого что чубука не было. Мы смотрим, да только и думаем: скоро ли тебя за речку отправят?*) Слушал, слушал Лавинский, да и говорит: «Успокойтесь, Ксенофонт Михайлович, успокойтесь: я здесь

*) За речкой Ушаковкой — тюрьма.

не генерал- губернатор, а простой гражданин; я прошу вас вместе с другими». Слышим, Сибиряков хоть и спорит, только уже другим голосом, потише. Лавинский и говорит: «Я, господа, вас оставлю; я уверен, что Ксенофонт Михайлович согласится на общую просьбу», и уехал. Мы приступили к Сибирякову. «Ну, говорим, теперь как знаешь: сам генерал-губернатор тебя просил». — «Нечего, говорит, делать, готов еще послужить»^{*)}).

По сведениям, находящимся в составленном Штерном⁴, на основании официальных данных, «Статистическом изображении городов и посадов в Российской империи за 1825 год», Иркутск в то время имел 14 тыс. жителей. В весьма же обстоятельных письмах Мартоса^{**)} население Иркутска в 1824 году показано в 15646 чел. По его же сведениям, жилых зданий в городе было в то время 1645, из коих каменных 33. Между всеми зданиями в Иркутске, — говорит он в одном из своих писем, — дом городского головы Сибирякова, на набережной Ангары построенный, занимает первое место. Фасад одного величественен и средний портик коринфского ордена пропорционален, причем нужно заметить, что купец Сибиряков строил по чертежам, проектированным в Петербурге. Внутренняя отделка богата, но жаль, что слишком много пестроты в аль-фреско⁵; впрочем, у каждого свой вкус. В высокой зале, которая лучшая в целом доме, есть прекрасная фламандская картина, тканная на Императорской мануфактуре с оригинала Ван-Дика⁶ и некогда назначенная в число подарков китайскому императору. По моему мнению, сия редкость есть лучшее богатство Иркутска^{***)}.

^{*)} В. Вагин: «Истор. свед. о деят. гр. Сперанского в Сибири»

^{**)} Письма о Восточной Сибири Александра Мартоса. Москва, 1827 г.

^{***)} Не знаем, о какой картине говорит Мартос. Вместе с другими вещами неудачного посольства графа Головкина, в Иркутск была привезена большая картина (гобелен). Чтобы не возить их обратно, вещи эти, после отъезда Головкина, распродавались. Картина (гобелен) была куплена Сибиряковым и затем воспитанником и наследником его, Александром Ксенофоновичем Сибиряковым (калмыком), вместе с домом продана казне⁷, обратившей этот дом в нынешнее генерал-губернаторское помещение, в котором эта картина и теперь находится.

В той же зале вы видите портрет Державина⁸: фигура сидячая, во весь рост: гений венчает бессмертного лирика Екатерины. Один взгляд на изображение творца Фелицы⁹, в самом отдаленнейшем из городов России, вселяет новое уважение к владельцу. Можно бы заметить нечто о колорите картины, но да следуют другие граждане Иркутска стезею, им проложенной почтенным Сибиряковым^{*}). О прочих домах можно пройти молчанием, исключая из сего разряда одну общественную залу, находящуюся на втором этаже Гостиного двора, построенного по дурному рисунку. Сия просторная зала отделана с величайшим вкусом; прежняя пестрота и хоры уничтожены и, сверх того, генерал-губернатор Александр Степанович Лавинский подарил городу большой портрет Государя, скопированный с Жерерда¹⁰ господином Олешковичем¹¹». На бале 12 числа декабря 1823 года, данном генерал-губернатором городу, в сей зале находилось с лишком 400 особ, и еще столько же человек она удобно могла вместить в себя.

Балы эти завел Сперанский. В одном из писем к дочери он пишет: «Раз в неделю, по воскресеньям, танцуют, и кто же? — большей частью купчихи и их дочери. Я, например, польский веду со старухой, одетою в газетовой юбке и шушуне и повязанною платком. И, тем не менее, все идет чинно и весело. Они сроду так свободно и приятно не живали, ибо до меня здесь была настоящая Испания». И он придавал серьезное значение под его попечением зарождавшейся общественности. «Мне нужны точки соединения, — пишет он дочери в другом письме, —

Большая часть других, оставленных графом Головкиным и весьма ценных вещей, куплена была иркутским купцом Дударовским.

^{*}) Портрет этот имеет свою историю. Сибиряков послал в подарок Державину богатую соболью шубу и шапку. Державин снялся в этом одеянии, и портрет прислал Сибирякову, по заказу которого, уже в Иркутске, над головой Державина был нарисован венчающий его гений. Впоследствии портрет, вместе с домом, перешел в казну, и один из генерал-губернаторов гения велел затереть. Портрет, принявший, благодаря этому, свой первоначальный вид, и до настоящего времени находится в генерал-губернаторском доме.

нужно снять оковы прежнего сурового, угрюмого правительства. Едва верят здешние обыватели, что они имеют некоторую степень свободы и могут без спроса и дозволения собираться, танцевать или ничего не делать». Но дело подвигалось туго. Вот как пишет об этом времени моряк Александров¹², направлявшийся в Камчатку и заброшенный в Иркутск в 1827 году: «Иркутск имел тогда физиономию чисто-сибирского города. В продолжение дня по улицам двигался простой народ: женщины — под накидками, мужчины промышленного разряда — в синих кафтанах, а буряты — в своих национальных костюмах, с озабоченными, угрюмыми лицами. Окна домов, выходявшие на улицу, задернуты были постоянно занавесками или закрыты китайскими шторами. Женщины среднего и высшего классов, казалось, вели еще затворническую жизнь и, по замечанию моему, не показывались на прогулки по вечерам, которые так восхитительно хороши в Иркутске весной и летом. Бродя по улицам на закате солнца, когда скатывалась с них волна дневной суматохи, я не слышал нигде ни одного музыкального звука, ни одной рулады вокального пения. Все было тихо, как в пустой храмине, только изредка в торговых домах звучали цепи сторожевых собак и раздавался тревожный набат поволоки. Если случалось встречать запоздалые дрожки, то они мчались по пустой улице опростею и моментально исчезали во дворе под воротами. Потом снова воцарялась могильная тишина. Трудно было, — говорит дальше Александров — в то время определить общий характер жителей Иркутска; казалось, он не имел тогда никакого местного колорита. Торговля и нажива — вот два термина, которые ярко блистали на горизонте иркутском в то время и в центре которого, как в фокусе зажигательного стекла, сосредоточивались жизнь и жизненная деятельность, — и нечему было удивляться: это — первородный элемент, осуществивший самое бытие Сибири» *).

*) М. Александров: «Воздушный тарантас и воспоминания о поездках по Восточной Сибири». Иркутск (лето 1827). Помещено в Сборнике *историко-статистических сведений о Сибири*.

Торговые обороты иркутского купечества того времени, главным образом, состояли в скупке пушнины у инородцев и в меновой торговле с Китаем. Обороты эти приносили огромную прибыль. Обогащались также откупам, подрядами, поставками, но эти способы наживы весьма быстро уступили место золотопромышленности, как только в тридцатых годах, сперва в одной, а затем во многих местностях Восточной Сибири обнаружилось присутствие золота. Еще в 1827 году по распоряжению Лавинского делались разведки золота на берегах Ангары, но найденные россыпи оказались столь бедными по содержанию, что не могли окупать разработки их. Тем не менее, разведки продолжались по рекам Иркутского округа и распространились на Нерчинский край. Признаки золота найдены были во многих реках, но нигде содержание песков не превышало 20 долей на 100 пудов. Посылались партии на Бирюсу и Тагул, но там они ничего не открыли. Затем, когда дозволения на поиски даны были частным лицам, то сначала в 1829 году купец Попов в Томской губернии, а позже в 1834 году Коростелев, Толкачев и Мошаров в Иркутской и Енисейской губерниях открыли богатые золотоносные пласты. Вначале добыча золота в Восточной Сибири была не велика: с 1834 по 1839 год на приисках Бирюсинской системы, единственно тогда в Восточной Сибири разрабатывавшихся, золота намыто было всего 69 пудов. С 1839 года началась разработка енисейских приисков, и дело так разрослось, что в операцию 1847 года в Восточной Сибири (в Бирюсинском и Енисейском округах) добыто было 1270 пудов*).

Партии золотоискателей рассыпались повсюду, и бирюсинские и енисейские леса, прежде известные только одним бродячим тунгусам и небольшому числу сибирских зверопромышленников, наполнились искателями приключений и счастья, и открытия одно за другим награждали за утрату здоровья,

*) Л. А. Карпинский: Графическая и цифровая таблица добычи золота в Вост. Сибири. — *Извест. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ.* 1890 г., № 4.

капитала, нередко самой жизни. Богатство россыпей казалось неиссякаемым. Как сами золотопромышленники, так и всякие иные крупные и мелкие спекулянты, прямо или косвенно, пустили свои капиталы в золотопромышленное дело. Быстрое обогащение влекло за собой и непомерную расточительность. Золотопромышленник не копил своих богатств; рассчитывая на новый прилив их, он старался превзойти в щедрости и бросаньи денег столь же, как и он, счастливых искателей золота. Смотря на хозяев, и служащие их: управляющие, доверенные, приказчики и даже рабочие, приобрета несколько сот рублей, пускались в разгул не по средствам. Пьянство, мотовство, страсть к играм и всегда с ними неразлучный разврат получили широкое развитие и охватили собой и деревню, и город. Большая часть местных производительных сил, в чаянии скорых и больших заработков, кинулась на прииски или же занялась еще более легким приобретением — обкрадыванием пьянствующих выходцев с промыслов. По деревням прежнюю спокойную и трудовую жизнь заменили: пьянство, неистовство, грабежи, разврат и убийства. Дороговизна на хлеб и другие продукты начала повышаться, а с нею и потребность в деньгах^{*)}). Чиновничество не могло удержаться от общего натиска и также пустилось в спекуляции. Уровень его бескорыстия сильно упал. В сороковых годах администрация Сибири представляет множество слабых сторон, и сохраняются еще до сего времени предания о грандиозных подвигах сибирского чиновничества на поприще обогащения^{**)}).

Но язва эта в рассматриваемое время обрушилась главным образом на Енисейскую губернию и города Енисейск, Красноярск — резиденции богачей-золотопромышленников. Иркутск много позже, только с открытием золота на Лене, непосредственно вошел в круг золотопромышленных предприятий.

^{*)} «Очерк частных золотых промыслов в Восточной Сибири» — *Иркутские Губернские Ведомости*. 1864 г., №№ 18 и 24.

^{**)} *Н. М. Ядринцев*: «Сибирь как колония». Спб., 1882 г.

В сороковых годах в Иркутске жил всего один крупный золото-промышленник Кузнецов, и только верхний, близко стоявший к центральному управлению края, слой иркутского чиновничества мог принимать, и действительно принимал, весьма выгодное для себя участие в делах золотопромышленников. Нет худа без добра: Иркутск сам по себе, как город, на золотопромышленность жаловаться не может. Несомненно, что именно золотопромышленность создала те капиталы и те условия жизни, которым Иркутск обязан и своим быстрым, сравнительно с другими сибирскими городами, ростом и своими образовательными и филантропическими учреждениями, ставящими его в этом отношении, если брать в соображение численность населения, во главе всех русских губернских городов. Иркутские учебные заведения, больницы, приюты, несколько миллионов, имеющих благотворительное и образовательное назначение капиталов, все это — плоды частной благотворительности, все это ею создано и ею держится. Начиная с конца тридцатых годов, основание этого рода учреждений идет одно за другим и продолжается до сего времени. Почин сделан с женского образования. В 1838 году в Иркутске основано первое женское воспитательное заведение — Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой, и для развития его средств учрежден единственный в то время в Сибири банк. В настоящее время капитал этого банка возрос до 1.350.000 руб., и содержащийся на доходы с него сиропитательный дом воспитывает до 200 детей женского пола. В 1845 году на средства, пожертвованные золотопромышленником Кузнецовым и другими, основан иркутский девичий институт. Несколько позднее (в 1854 году) на его средства открыто в Иркутске училище для девиц духовного звания. Кузнецовым же пожертвован капитал на постройку здания гражданской больницы и на его же пожертвование в Иркутске, в настоящее время, строится новый собор.

Тем не менее, до пробуждения в иркутском обществе стремления к сознательной умственной жизни, в рассматриваемый период, было еще далеко. Нужны были для этого другие факторы и другое время. В тридцатых и сороковых годах в Иркутске, по отзывам очевидцев, господствовала апатичная, бесцветная и ленивая жизнь; не было признаков высших духовных интересов, сознания гражданской правды, честности, как проявления общественных стремлений и самосознания*). Вспоминая это время, г. Вагин говорит, что иркутская общественная жизнь была очень однообразна, или, вернее, ее в Иркутске тогда вовсе не было. Семейные удовольствия, кроме именин, крестин, свадеб, состояли в святочных вечерах зимой и в загородных гуляниях летом**). Нравы тогдашнего духовенства в очень неприглядном, но, к сожалению, верном свете представлены в «Автобиографии» Шашкова***)¹³. Из причинившего в свое время много хлопот дела о соборном протоиерее Парнякове видно, что отрешение его от должности было вызвано, кроме многих других обстоятельств, его появлением в публичных местах в пьяном виде и учинением таких буйств, которые заставляли полицию выводить его силой. То же происходило и в других классах. Крупное купечество вело себя сравнительно степенно, но между чиновничеством, мелким купечеством и мещанством царило поголовное пьянство. «Да и как было не пить, — говорит Шашков, — в этой в высшей степени скучной и монотонной жизни, где все сводилось только к интересам брюха! Даже постоянные шатания по гостям развлекали мало, так как и в гостях, в сущности, было то же, что дома. Все добывали, по мере сил своих и ловкости, кусок хлеба, потом ели этот кусок, спали, женились, посягали и пили. В большие церковные и семейные праздники, например име-

*) «Начало печати в Сибири». — *Литературный Сборник Восточного Обозрения*.

***) В. Вагин: «Сороковые годы в Иркутске» — *Лит. Сборн. Вост. Обозр.*

***) *Восточное Обозрение*. 1882 г.

нины, пили и ели усиленно и только». «Общественных развлечений для большинства горожан, например, театра, в то время еще не было и лишь изредка устраивались любительские спектакли». «Вместо спектаклей горожане развлекались зрелищем столь частых в то время солдатских учений, парадов и разводов, привлекавших массы зрителей. Не менее народа привлекало гоняние солдат сквозь строй и наказание на эшафоте кнутом, или на кобылке плетью уголовных преступников». «Однажды наказывали шпицрутенами на смерть каких-то убийц и на эту ужасную сцену любовались даже многие дамы»^{*)}).

В низших слоях населения пьянство нередко осложнялось еще крайней ленью мужчин, их старанием свалить на жен не только все хлопоты по хозяйству, но и заботы о средствах к существованию. Дети тоже эксплуатировались родителями, как только в состоянии были что-нибудь делать; их отдавали в услужение и весь заработок брали себе. При пустоте общественной жизни, карты были всеобщим развлечением. Существовали кружки, специально преданные азартной игре. Эти кружки принадлежали преимущественно к высшему и среднему классу чиновничьего общества, в них участвовали и купцы, но очень немногие. Игре предавались и весьма образованные и почетные люди. Это общество не было, впрочем, слишком разборчиво; в него иногда пробирались довольно темные личности. Игра продолжалась иногда по целым суткам; тогда ставни оставались запертыми и днем, чтобы игры не было видно с улицы. Совсем иначе держал себя учительский персонал. «Учителя того времени, — говорит Вагин, — были педагоги, а не чиновники по учебной части». К ним примыкали все, в ком сохранялись еще потребности умственной жизни^{**)}). Некоторым удовлетворением одной из таких потребностей служила основанная в 1839 году

*) С. С. Пашков: «Автобиография».

***) В. Вагин: «Сороковые годы в Иркутске».

одним из молодых и образованных купцов А. М. Болдаковым¹⁴ публичная библиотека. Но дела библиотеки шли плохо. Она имела не более полусотни подписчиков; доходом от нее покрывался только расход на библиотекаря и на содержание квартиры; большая часть книг и журналов ложилась на средства содержания. Читались более всего журналы; из них в первые годы преимущественно *Библиотека для Чтения*, уступившая затем место *Отечественным Запискам*. С 1847 года и над *Отечественными Записками* взял верх преобразованный *Современник*. Читали преимущественно чиновники и немногие образованные купцы*). Местной периодической прессы в то время в Иркутске не существовало. Официальные органы печати — *Губернские и Епархиальные Ведомости* — появились в Иркутске много позже, но мысль о частной газете уже зарождалась. К сожалению, дело не пошло далее составления программы *Ангарского Вестника*, интересной в том отношении, что, среди присущей тридцатым годам риторики, в ней проглядывают заботы и стремления о благе своей родины лучшей, хотя и очень малочисленной, части тогдашнего сибирского общества**).

Самым образованным человеком из живших в Иркутске в сороковых годах, по отзыву г. Вагина, был архиепископ Нил¹⁵. Отзыв этот подтверждается всеми знавшими этого выдающегося человека и пастыря. Ему преимущественно Иркутск обязан поддерживаемым поныне благоустройством своих храмов, до него бывших в большом запущении. С большим успехом шли под его руководством и дела миссии по обращению в христианство инородцев-язычников. Возникшие впоследствии между ним и генерал-губернатором Муравьевым несогласия заставили его покинуть Иркутскую епархию. Значительно, ранее преосвященного Нила иркутскую кафедру занимал столь из-

*) Там же.

**) «Начало сибирской печати» — *Лит. Сборн. Вост. Обозр.*

вестный архиепископ Ириней, который именно и был переведен из Пензы в Иркутск, во исполнение повеления Императора Николая Павловича — «избрать самого твердого и надежного и перевести в Иркутск». В Иркутск преосвященный Ириней прибыл в 1830 году и пробыл всего год с небольшим. Лучшим памятником, хорошо характеризующим его взгляды и направление, служит инструкция, данная ученику иркутской духовной семинарии Добросердову*), посланному им в качестве миссионера к бурятам Аларского, Балаганского и Идинского ведомств. «Ты, — говорит в этой инструкции преосвященный, — достигнешь предположенной цели обращения сих племен к вере во Христа не иначе, как кротостью, любовью, терпением и вообще примерно-добрыми поступками. Докажи своим бескорыстием наипаче, что вера христианская и закон ее есть совершеннейшие и превосходнейшие. Святость твоя да будет доказательством святости христианства. Предлагать крещение должно уже по довольном научении и утверждении в вере, без чего крещение людям, не понимающим силы христианского учения, преподаваемое есть прямое злоупотребление одного из величайших таинств христианства. Никаких непристойных и до звания проповеднического не касающихся разглашений не чинить, особливо в разбирательство мирских дел не входить и никакой власти не ослаблять ни явными, ни тайными внушениями. Старайся, при обращении их в христианскую веру, употреблять больше духовные, нежели мирские побуждения, так чтобы сии последние служили некоторым возмездием, а не приманкой» **). Так думал и внушал тот, которого, по воле Императора, духовное правительство поставило как самого твердого и надежного иерарха во главе иркутской паствы. Но не так смотрели на это наиболее влиятельные представители местного духовенства, как

*) Впоследствии преосвященный астраханский Герасим.

***) *Русская Старина*. 1880 г., № 7.

это всего лучше видно из дела того же протоиерея Парнякова. Один из ближайших преемников Парнякова, кафедральный протоиерей Ф. П., по словам хорошо знавшего эту среду Шашкова, отличаясь взяточничеством, брал всем, чем только можно было: деньгами, мехами, яйцами, маслом, но в важных случаях исключительно золотою монетою. Особенно сильно наживался он от своего миссионерства, и однажды, когда он зимою возвращался от бурят, лошади провалились сквозь лед на Ушаковке; пришлось стогнать народ, чтобы вытащить тяжелый возок, который оказался набитым до верху мехами, мясом, рыбой, маслом. Легко понять, что тут почвы для единения главы епархии с его подчиненными не было. В один год, от природы раздражительный, болезненно-впечатлительный, преосвященный Ириней был доведен до положения, которое дало повод считать его находящимся не в здравом уме. Обстоятельством этим успешно воспользовался невзлюбивший его, за недостаточную угодливость, генерал-губернатор Лавинский, по представлению которого преосвященного Иринея велено было отправить, в сопровождении особого чиновника на испытание в Спасо-Прилуцкий монастырь Вологодской епархии. Не ожидая ничего подобного и приняв присланного к нему для исполнения этого распоряжения чиновника Голубова за самозванца и усомнившись в подлинности представленного им указа, преосвященный Ириней пришел в сильное раздражение, вывел Голубова на улицу и при помощи случившихся тут солдат отвел его на гауптвахту. По донесении об этом в Петербург, присланы были флигель-адъютант Гогель и жандармский штаб-офицер Брянченинов, которые и отвезли преосвященного в Вологду. Дело это известно под именем *бунта архиепископа Иринея*. Сперва он был признан поврежденным в уме и оставлен на жительство в Спасо-Прилуцком монастыре. Ведя там строго-подвижническую жизнь, он успел заслужить глубокое уважение жителей Вологды. Впоследствии

он получил разрешение на архиерейское служение и был переведен в ярославский Толгский первоклассный монастырь с правом управления им. Там он и скончался 18 мая 1864 года. По сделанному Синодом расследованию, многие из указаний преосвященного Иринея, послуживших к его неприязненным отношениям к Лавинскому, подтвердились. Как ни старался причт Воскресенской (Тихвинской) церкви замять дело об особых неустановленных почестях, оказывавшихся им во время богослужения посещавшему эту церковь генерал-губернатору Лавинскому, все-таки обнаружилось, что до прибытия в церковь Лавинского и его дочери служба не начиналась, при выходе с Евангелием священнодействующий делал генерал-губернатору особый поклон и перед окончанием обедни через дьякона подносились ему просфора и красное вино. Устройство в церкви для генерал-губернатора и его дочери отдельного возвышения, против чего так восставал преосвященный Иринея, причтом Тихвинской церкви в объяснении, писанном протоиереем Прокопием Громовым, упорно отвергалось, но в остальном пришлось сознаться, и Синод, указом на имя преемника Иринея, архиепископа Мелетия, запретил оказывать генерал-губернатору в церкви какие либо почести. Вскоре после того и сам Лавинский от должности генерал-губернатора был уволен.

Среди общественной косности и неурядиц, доводивших лучших людей своего времени до исступления, большую пользу умственной и общественной жизни Иркутска принесли ссыльные поляки и декабристы. Первые, пользуясь гуманным отношением к ним генерал-губернатора Руперта и будучи людьми образованными, свободно учили детей в Иркутске; некоторые из них — пианист Кашевский и живописец Немировский — преподавали даже в доме самого Руперта. Декабристы первоначально через Иркутск были только провозимы, причем некоторые из них отсылались на непродолжительное время на заводы близкие

к Иркутску. Так были посланы в Усолье — Оболенский и Якубович, на Александровский завод — Муравьев и Давыдов, на Николаевский — братья Борисовы, Трубецкой и Волконский. Все они вскоре были отправлены в Нерчинские рудники, а затем переведены в Читу и Петровский завод. Проведя несколько лет в заключении, они только в тридцатых годах появляются сперва в находящихся недалеко от Иркутска селах (Урике, Оёке, Разводной, Смоленщине и друг.), а затем и в самом Иркутске: Муравьевы, Трубецкие, Волконские, Бесчастный, Вадковский, Торсон, Якубович, Юшневский, Поджио, Мазалевский, Репнин, оба Борисовы, Кюхельбекер. Один из наименее скомпрометированных в заговоре Муравьевых, Александр Николаевич, был еще при Лавинском прислан в Иркутск городничим^{*)}). Для Иркутска появление в нем этих лиц служило притоком умственной, живительной силы. «Государственные преступники, — говорит Максимов¹⁶, — принесли краю несомненную и громадную пользу, подняв уровень образования значительно выше того, какой имеется для России»^{**)}). Своей педагогической деятельностью в Иркутске особенно выдавались А. П. Юшневский и А. В. Поджио. Другие занялись сельским хозяйством. Так, Бесчастный в Смоленщине улучшил и расширил посевы конопли — продукта своей родины, Малороссии, и в настоящее время вся Смоленская волость возделывает пеньку в большом количестве. Он же, в компании с купцом А. В. Белоголовым устроил маслобойку, и Иркутск перестал нуждаться в масле, привозившемся из Ирбита и России. Если же затем перейти к нравственной деятельности, нравственной поддержке советом и утешением, защите, то тут влияние декабристов в Сибири является еще в более благоприятном свете. Независимо от врачебного и всякого другого рода пособия, от посещения больных и страждущих, декабри-

^{*)} Впоследствии он губернаторствовал в Нижнем Новгороде.

^{**)} С. В. Максимов «Сибирь и каторга».

сты являются защитниками народа против злоупотреблений чиновничества двояким действием: или предстательством у высшей администрации, которая, всегда могла смело положиться на добросовестность их указания, или обуздывая низшую администрацию своим нравственным влиянием, так как были примеры, что люди самые закоренелые в злоупотреблениях совестились перед ними. Благодаря такому нравственному значению их, они, вне всякого официального звания или положения, были во многих местах настоящими мировыми посредниками и судьями, как бы официально признанными самим главным начальством, и были во всяком случае лучшими советниками и покровителями народа и даже людей стоящих выше его^{*)}. Известно, например, каким влиянием в Забайкалье пользовался Завалишин. Было время, когда он руководил всеми делами области. Сенатор-ревизор Толстой и состоявшие при нем чиновники пользовались его указаниями. Один из них, граф А. К. Сиверс, еще в 1844 году, т.е. за 4 года до появления в Сибири Н. Н. Муравьева, писал Завалишину: «Сообщенные мне сведения о преобразовании края, и для пользы самого края, и в видах приготовления к разрешению амурского вопроса, я читал с живейшим вниманием и не могу не отдать полной справедливости наблюдательному уму, высоте и ясности видов составившего оные, и потому вы легко себе представить можете, с каким нетерпением я ожидаю продолжения». Первое время своего управления краем Муравьев много пользовался советами Завалишина, его знакомством с местными условиями и влиянием на местных жителей, но затем, когда ход амурских дел поставил этих двух самолюбивых, умных и неуступчивых людей во враждебные отношения, то в нем же Муравьев нашел самого упорного, смелого и много хлопот наделавшего, а еще более крови ему напортившего противника. С полным уважением и участием относился Муравьев

^{*)} С. В. Максимов: «Сибирь и каторга».

ко всем декабристам вообще, а на сделанный по этому поводу иркутским губернатором Пятницким донос он не колеблясь объяснил, что «убежден, что так называемые декабристы теперь (т. е. в мае 1848 г.), искупив заблуждения своей молодости тяжелой карою, принадлежат к числу лучших подданных Русского Царя, что никакое наказание не должно быть пожизненным и так как цель наказания есть исправление, а это вполне достигнуто по отношению к декабристам, и что нет основания оставлять их изверженными навсегда из общества, в составе которого они имеют право числиться по своему образованию, своим нравственным качествам и по своим теперешним политическим убеждениям». На объяснении этом Император Николай Павлович написал: «Благодарю. Муравьев меня понял», — а губернатора Пятницкого повелел за донос немедленно уволить от службы без прощения*).

Что касается хода дел по управлению Восточной Сибири при ближайших преемниках Сперанского — Лавинском, Сулиме, Броневском и Руперте, то о нем пока известно весьма мало. Это неразработанный, вернее совсем еще нетронутый, лежащий в архивах период истории Сибири. К сожалению, большая часть иркутских архивов в пожаре 1879 года сгорела. Уцелел архив главного управления Восточной Сибири, в нем хранятся дела с 1823 года, т. е. со времени введения реформ Сперанского, и для будущих работ по истории Сибири данного периода на него вся надежда.

Во всяком случае, и после Сперанского дела шли далеко не так, как желали и составитель «учреждения», и правительство, даровавшее его Сибири. «Учреждения без людей тщетны», — писал Сперанский, жалуясь на недостаток в людях, который считал величайшим препятствием к осуществлению наилучших узаконений. «Большинство исполнителей — говорит г. Вагин, —

*) Б. В. Струве: «Воспоминания о Сибири».

вовсе неспособно было понять идеи Сперанского и провести их в свою деятельность, а те, кто понимал их, искали в них только орудия для своих интересов»^{*)}). При таких исполнителях только преемники Сперанского, главные, по своему значению, исполнители его планов, могли, в известной степени, дать должное направление деятельности своих подчиненных, но они далеко не стояли на высоте своего призвания. Даже ближайшие из них не понимали его взглядов и намерений. В первые годы по изданию сибирского «учреждения» в сибирский комитет нередко поступали представления, прямо противоречившие основным идеям этого учреждения. Если таковы были представлены в комитет, которые, во всяком случае, требовали серьезных соображений и обдуманности, то, несомненно, что те меры, которые приводились в действие без утверждения высшего правительства, могли еще более отклониться от идей законодателя^{**)}).

Сперанский имел полное право жаловаться на недостаток в людях. В Сибири, при тогдашнем строе ее общества, их неоткуда было взять, а большинство тех, которые ехали для службы в ней, влекли слухи, что Сибирь – золотое дно, что в ней можно нажиться службой лучше и скорее, чем в других местах торговли. Взятничество чиновников было всеобщее. Служебные командировки давались только для наживы^{***)}). В самих учреждениях, данных Сибири реформой Сперанского, было немало органических недостатков и недоделок. Особенно наглядно выяснились они впоследствии. Не входя здесь в рассмотрение их, можно вполне согласиться с указанием г. Ядринцева, что «основные цели программы Сперанского — контроль, гласность и публичность управления — не были им достигнуты, вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им. Ошибка была в принципе. Сперанский слишком положил-

^{*)} В. Вагин: «Истор. свед. о Сперанском».

^{**)} Там же.

^{***)} В. Вагин: «Сороковые годы в Иркутске».

ся на одни официальные, коллегиальные учреждения. Он мало придавал значения общественному развитию и подготовке общества и администрации к той деятельности, которую должен был всегда иметь законодатель в будущем*). А как низок был уровень этого развития, лучше всего показывают лестные и задушевные отзывы современников Трескина об его деятельности и их скептическое отношение к филантропичности Сперанского. Отзывы эти в изобилии и мастерски собраны г. Вагиным в его известном труде о Сперанском. Это — целая галерея живых людей, на себе вынесших управление Трескина, это — доброе старое время». В *Иркутских Епархиальных Ведомостях* 1863 года помещена любопытная статья: «Припоминание мелочей, уясняющих отношения между иркутским преосвященным Михаилом и губернатором Николаем Ивановичем Трескиным», в которой автор, вспоминая свое детство и юность, рисует целую идиллию, где главным действующим лицом является Трескин. Припоминая его первоначальную дружбу с преосвященным Михаилом и архимандритом Павлом, он сетует на то, что злосчастное дело Орлова вооружило преосвященного Михаила против Трескина, и словами самого Орлова силится объяснить сечение его шуткой пьяных людей. При таких взглядах, при таком уровне понятий, держащихся еще и до сего времени, почва, на которой насаждались реформы Сперанского, действительно была еще далеко для того не подготовленной. И нет потому ничего удивительного, что, несмотря на эти реформы, дела управления в Сибири шли так, что с каждым годом все более и более требовали принятия для упорядочения их особых, сильнодействующих мер. К числу таких мер обыкновенно относятся сенаторские ревизии. В Западной Сибири такая ревизия производилась через шесть лет по введении сибирского «учреждения». Восточная Сибирь ждала ревизии гораздо дольше. Запутанность дел и злоупотребления,

*) Н. М. Ядринцев: «Сибирь как колония».

особенно усилившиеся в управление Руперта, вызвали, наконец, в 1844 году назначение ревизии и в Восточной Сибири. Ревизию эту производил сенатор Толстой. Результаты ее мало известны. Труды ее покоятся до сего времени в архивах, а между тем в них несомненно находится много ценных материалов. Имевший случай ознакомиться с делами ревизии, покойный Б. А. Милютин¹⁷ в своем *Сборнике материалов по истории и статистике Сибири* поместил добытую им записку сенатора Толстого о водных путях в Восточной Сибири, сопроводив ее заметкой, в которой высказывает, что ревизия Толстого, как и всякая сенаторская ревизия, имела широкую задачу и характер ее был не исключительно бюрократический. Целью ее было обнаружить не одни только канцелярские беспорядки и злоупотребления, но изучить в то же время всесторонне экономическое и культурное положение Восточной Сибири, для принятия со стороны правительства соответственных радикальных мер. «Она, — говорит Милютин, — производилась около четырех лет, при содействии многих лиц, остающихся в живых и занимающих ныне высшие государственные должности. Производилась она тщательно; в основу ее были положены довольно широкие взгляды. Результаты ревизии не были настолько громки, как результаты ревизии Сперанского. Тем не менее, они сопровождались не только сменой, но даже возбуждением ответственности главного начальника края. Прямым последствием ее было назначение нового, энергического генерал-губернатора». «К сожалению, о ней ничего не упоминалось в печати. На месте, в обществе, случалось слышать об этой ревизии самые противоречащие слухи: с одной стороны — безусловные похвалы (люди нового времени); с другой стороны — безапелляционная хула со стороны пострадавших или, по крайней мере, потерявших значение и силу. В местных архивах, по большей части расхищенных, очень мало данных, да и те свидетельствуют единственно о противодействии, которое встречали

ревизующие в своей деятельности. Это обстоятельство, как кажется, представляется лучшим доводом в пользу необходимости оценки направления ревизионной деятельности, с тем вместе и значения тех подлинных документов ревизии, которые сохранились». К сожалению, Милютину, писавшему это в 1875 году, не удалось привести в исполнение свое намерение изучить труды ревизии и поделиться этим изучением с читателями его *Сборника*: сперва *Сборник* перестал выходить, а затем и сам Милютин умер. Выше мы видели, что ревизующие, между прочим, интересовались вопросом об Амуре, об общем положении края, и не отступали перед собиранием сведений и мнений от воочию видевших, на себе многое испытавших и, в силу своего образования, могших доставить верные и ценные сведения декабристов.

Одно это уже указывает, что оценка Милютина не преувеличена и что исследователи истории Восточной Сибири и ее экономического положения, за время от Сперанского до гр. Муравьева-Амурского, найдут в трудах ревизии Толстого существенный для них материал. В настоящее время известны только немногочисленные наружные, так сказать, результаты этой ревизии, главнейшим из коих было назначение генерал-губернатором Восточной Сибири, на место уволенного Руперта Николая Николаевича Муравьева.

Примечания

¹ Троицкосавск — название г. Кяхты в период с 1727 по 1734 год.

² Лавинский Александр Степанович (1776—1844) — государственный деятель, сенатор, Восточно-Сибирский генерал-губернатор в 1822—1833 годах. Действительный тайный советник. Во время службы в Сибири претворил в жизнь положения, содержащиеся в «Учреждении для управления сибирских губерний» 1822 года, разработанных М. М. Сперанским: образовал Енисейскую губернию, учредил Главное управление Восточной Сибири и Иркутский губернский суд. Участвовал в разработке инструкции, определившей условия пребывания декабристов на каторге и в ссылке; покровительствовал декабристу А. Н. Муравьеву и добился его назначения на должность городничего в Иркутске, а затем председателя Иркутского губернского правления. При Лавинском был составлен план города Иркутска.

³ Цейдлер Иван Богданович (нем. Johann Gottfried von Ceidler; 1777—1853) — российский государственный деятель немецкого происхождения, иркутский гражданский губернатор в 1821–1835 годах. Действительный статский советник. Участник русской-турецкой войны 1806–1811 годов, Отечественной войны 1812 года. В 1819 году назначен комендантом города Иркутска, а в 1821 году — Иркутским гражданским губернатором. Цейдлер руководил комиссией, учрежденной для переписи инородцев и обложения их ясаком; заботился о развитии у них земледелия и скотоводства. Занимался вопросами просвещения и образования. Поддерживал мирные отношения с Китаем.

⁴ Штер Матвей Петрович (1776–1847) — российский государственный и общественный деятель, сенатор, действительный тайный советник. С 1816 года директор Департамента внутренней торговли Министерства финансов Российской империи; с 1820 года — директор Департамента полиции; 12 июля 1823 года был назначен заведующим Статистическим отделом при Министерстве внутренних дел Российской империи. Подготовил издание «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 году: составленное из официальных сведений».

⁵ Альфреско (ит. *al fresco* — по свежему) — техника настенной росписи, которая проводится по влажной поверхности. Настенная и потолочная роспись в технике альфреско украшала греческие и римские храмы, позже — византийские дворцы, романские виллы. Главным художественным мотивом картин, выполненных методом альфреско, были сцены их античной мифологии, библейские сцены, а также пейзажи.

⁸ Речь идет о шелковом гобелене ручной работы императорской мануфактуры, созданном с картины Антониса Ван Дейка «Портрет Елизаветы и Филадельфии Уортон» из эрмитажной коллекции. Гобелен значился среди подарков от императора Александра I китайскому богдыхану Цзяцину, но тот отказался принимать русское посольство и, соответственно, не получил предназначенных ему даров. При распродаже имущества непринятого в Китае русского посланника Ю. А. Головкина гобелен приобрел М. В. Сибиряков. В настоящее время гобелен находится в фондах Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева.

⁷ Сибиряковский дворец в казну был продан наследниками Натальи Дмитриевны Сибиряковой, а не Александром Ксенофонтовичем Сибиряковым.

⁸ Портрет Г. Р. Державина был написан по заказу поэта в 1801 году итальянским художником Сальваторе Тончи и отправлен в Иркутск М. В. Сибирякову в благодарность за подаренные им соболью шубу и шапку. После передачи Сибиряковского дома казне долгое время находился на складе хозяйственно-го имущества. Губернатор Н. П. Синельников при осмотре подсобных помещений увидел запыленный портрет, приказал его извлечь и реставрировать. Восстановлением картины занимался ссыльный польский художник Станислав Вронский. Он по желанию Синельникова убрал аллегорическую фигуру гения, венчающего портрет, а за скалой изобразил зимний Иркутск на фоне Хамар-Дабана.

⁹ «Фелица» — первое стихотворение, сделавшее имя Гавриила Романовича Державина знаменитым. Оно стало ярким образцом нового стиля в русской поэзии. Стихотворение имеет подзаголовок, в котором говорится: «Ода к премудрой Киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная Татарским Мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге. Переведена с арабского языка». Такое необычное название это произведение получило от имени героини «Сказки о царевиче Хлоре», автором которой была

императрица Екатерина II. Этим именем, которое в переводе с латинского значит «счастье», она названа и в оде Державина, прославляющей императрицу.

¹⁰ Жерар Франсуа Паскаль Симон (фр. *François Pascal Simon Gérard*, 1770–1837) — французский живописец эпохи ампира, ведущий портретист наполеоновского двора. Написал несколько портретов императора Александра I, которые в настоящее время находятся в Эрмитаже, Мальмезоне и Версале.

¹¹ Олешкевич Юзеф (пол. *Józef Oleszkiewicz*, 1777–1830) — польско-литовский и белорусский художник; автор картин на исторические, религиозные, мифологические сюжеты, а также портретов. Член императорской Академии художеств.

¹² Александров Матвей Алексеевич (1798 — около 1860) — поэт и прозаик. Служил стряпчим в Якутске, окружным судьей в Красноярске, исправником в Канске. Последние годы жизни провёл в Иркутске. Автор автобиографического очерка-воспоминания «Воздушный тарантас» (1849), посвященного жизни города Иркутска 1820-х годов.

¹³ Шашков Серафим Серафимович (1841–1882) — публицист, писатель и этнограф, полиглот, деятель раннего сибирского областничества. Написал более тысячи работ по разнообразным вопросам.

¹⁴ На самом деле первая частная публичная библиотека в Иркутске была открыта купцом Михаилом Афанасьевичем Болдаковым. Здесь очевидно ошибка в инициалах.

¹⁵ Архиепископ Нил (в миру – Исакович Николай Фёдорович; 1799–1874) — архиерей Русской православной церкви, миссионер, переводчик, писатель. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии. Иркутский архиепископ с 1838 по 1853 год. Занимался улучшением постановки учебного дела в местной духовной семинарии. Изучал тибетский буддизм, образ жизни и язык бурят; осуществил перевод Евангелия и ряда богослужебных текстов на монголо-бурятский язык. Автор фундаментального труда «О буддизме». За 15 лет архипастырского служения им было построено более 70 церквей, в том числе в Якутии и на Камчатке.

¹⁶ Максимов Сергей Васильевич (1831–1901) — русский этнограф и писатель, мемуарист, путешественник, почётный академик Петербургской академии наук. Среди основных тем его прозы, освещающей различные стороны русской духовной и материальной культуры, — народный быт центральных губерний, промыслы и ремёсла российских окраин, уклад старообрядцев в основных местах их расселения, народные верования, приметы и суеверия, сибирская каторга, странничество и нищенство. В 1860–1861 годах совершил путешествие на Дальний Восток через Сибирь, после чего опубликовал книгу «Сибирь и каторга», в которой представлен материал, собранный автором в ходе поездки об истории сибирских тюрем, особенностях содержания в них заключённых, психологии преступников, истории каторжного режима России.

¹⁷ Милютин Борис Алексеевич (1831–1886) — русский военный юрист, писатель и журналист; действительный статский советник, член Совета Главного управления Восточной Сибири от Министерства финансов. Гласный Иркутской городской думы (1872–1874). Служил чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, генерале Николае Петровиче Синельникове. Исполнял обязанности председателя иркутского губернского суда, был прокурором полевого военного суда и управлял Забайкальской областью. Вместе с М. В. Загоскиным был редактором газеты «Амур» (1862), издавал и редактировал газету «Сибирский вестник» (1864). Определённым итогом сибирского периода жизни Милютина стал «Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах», изданный в 1875 году в Петербурге.

III

Граф Муравьев-Амурский и его время

Перед назначением своим в Восточную Сибирь Н. Н. Муравьев был губернатором в Туле. Это был первый из русских губернаторов, который поднял вопрос об освобождении крепостных. По его внушению, девять помещиков подписали составленный им адрес Государю об освобождении крестьян. Император Николай Павлович был очень доволен, но продолжать это дело повелел с крайней осторожностью и, прежде всего, находил необходимым собрать большее число помещичьих подписей под адресом; а так как этого не удалось достигнуть, то дело на том и стало. Государь не забыл либерала-губернатора и в 1848 году, когда он был еще молодым генерал-майором, послал его управлять Восточной Сибирью.

Деятельность графа Муравьева в этой части империи еще всем памятна. Присоединение Амурского края, борьба с откупщиками и золотопромышленниками, коренная реформа кяхтинской торговли, обуздание чиновников горного ведомства, преследование взяточничества — вот в чем, главным образом, выразилось его управление Восточной Сибирью. Достаточно взглянуть на карту Сибири до-муравьевского времени, чтобы убедиться в заслуге, оказанной им России присоединением Амурского края. Нужно, кроме того, иметь в виду, что это

присоединение совершено Муравьевым вопреки упорному и долговому противодействию, встреченному им в высших министерских сферах, совершено за свой страх и риск и, притом, одними только домашними, так сказать, средствами Восточной Сибири.

Политическое и государственное значение этого дела заслуживает собой внутреннюю деятельность Муравьева, имевшую, тем не менее, в свое время весьма серьезное значение для экономической жизни находившейся под его управлением страны. В этой сфере первыми обратили на себя внимание Муравьева золотопромышленность и откуп. Большим местом золотопромышленности того времени была погоня за так называемыми *казенными остатками*. По действовавшему тогда закону, заявителю золотосодержащей площади отводилось пространство в 5 верст длины и 100 сажень ширины; места, оставшиеся за этими пределами, считались *казенными остатками* и уже в виде монаршей милости раздавались разным высокопоставленным лицам. Места эти нередко бывали богаче золотом, чем отведенные площади, и потому, говорит один из ближайших сотрудников Муравьева, Струве¹, «составляли предмет самой гнусной, постыдной эксплуатации. Никогда и нигде подкуп не проявлялся в такой нахальной форме и в таких широких размерах, как в деле золотопромышленном. Самые высокопоставленные лица не гнушались участвовать в подобных спекуляциях. Целые шайки бесчестных людей были заняты подыскиванием причин для зачисления того или другого прииска, на основании закона, казенным остатком. Сегодня это зачисление совершалось, а завтра уже поступает к Царю ходатайство о предоставлении права разработки этого прииска какому-либо высокопоставленному лицу», или компании, в которой это лицо негласно участвует^{*)}). Погоня за казенными остатками и вообще за богатыми приисками

^{*)} Б. В. Струве: «Воспоминания о Сибири». 1889 г.

вызывала множество тяжб, возникавших по самым ничтожным предложениям. Одной из таких тяжб было знаменитое в свое время дело об Ольгинском и Платоновском приисках. Другой темной стороной золотопромышленного дела была самая беззастенчивая эксплуатация рабочего населения. Борьбу с злоупотреблениями золотопромышленников Муравьев начал с самого въезда в Восточную Сибирь. По прибытии в Красноярск он немедленно поручил Струве рассмотреть Ольгинско-Платоновское дело. Знакомство с этим и другими делами, говорит Струве, привело Муравьева к убеждению, что поклонение богатству составляет отличительную черту не только чиновников, но и присутственных мест. В виду этого, чтобы сразу показать свое отношение к делу, он не только отказался от предложенного ему в Канске, жившими там, богачами-золотопромышленниками Мошаровыми обеда, но даже нарушил данное им прежде обещание заехать к ним. В Иркутске на первом же приеме самому влиятельному в золотопромышленных делах лицу, начальнику золотого стола главного управления Мангазееву, он прямо заявил свою надежду, что тот не останется служить, и когда оказалось, что служба Мангазееву, как принадлежащему к горному ведомству, обязательна, то приказал, несмотря на цветущее здоровье этого чиновника, снабдить его необходимым для выхода в отставку медицинским свидетельством*). Несколько дней спустя (25 марта 1848 года) Муравьев отправил Государю записку, в которой со свойственной ему прямою высказывал, между прочим, следующее: «Золотопромышленность, недавно еще возбуждавшая всеобщее внимание к неисчерпаемым богатствам Восточной Сибири, клонится уже к упадку: прииски с бедным содержанием оставлены без разработки по чрезмерной дороговизне в содержании рабочих, богатые прииски вырабатываются, а новых значительных открытий не делается. По всем вероятностям, однако

*) В. Вагин: «Сороковые годы в Иркутске».

же, можно заключить, что в Восточной Сибири золотые россыпи действительно неисчерпаемы. Не смею разрешить вопроса: полезно ли для государства, чтобы частная золотопромышленность распространялась, но я убежден в том, что доколе она существует и дозволена, то Вашему Величеству угодно, чтобы богатства эти распределялись более справедливо и правильно, чем это до сих пор делается. А между тем существующий порядок способствует к захватам одними лицами больших золотonosных пространств, к захватам чужих открытий и к разорению промышленников, не имеющих россыпей чрезмерно богатого содержания. Соображая различные законоположения, по этому предмету существующие, местное по ним исполнение, порядок судопроизводства, состав и направление присутственных мест, я осмеливаюсь сказать, что в настоящем виде, при всех благих намерениях Вашего Величества, предмет этот, возбуждающий в высшей степени наиболее свойственную человеку слабость — корысть и любостыжание, будет источником несправедливостей, неправосудия и общего развращения нравов во всех состояниях, до него касающихся. Если бы споры и тяжбы между частными открывателями и владельцами приисков, обыкновенно о старшинстве и неопределенности первоначальных заявок и неправильности в измерении отведенных площадей, — говорит далее Муравьев, — могли оканчиваться в пользу одной или другой стороны, то дело бы это подходило под общий порядок судопроизводства в целом государстве; на золотonosных же россыпях, при всяком споре, возникающем между частными лицами от вышесказанных причин, является, в силу существующих узаконений, третья сторона со своими уже правами на открытую россыпь: это — казна, — и дело немедленно запутывается более и более. По всей строгости существующих узаконений весьма редкий золотой прииск мог бы оставаться за настоящим своим открывателем или владельцем.

Почти везде есть отступления, достаточные для того, чтобы по законам прииск обратить в казну, но казна до сих пор объявляла обыкновенно свои права на прииски *богатого содержания и по особым только случаям*. Ваше Величество! я здесь, как старший блюститель законов и первый защитник казны, должен бы, не ожидая доносов, искательств и споров, сделать строгую проверку по первоначальным заявкам всем золотоносным площадям, отведенным в частное владение, и большая часть их, на основании узаконений, была бы зачислена в казну; но я уже сказал выше, что новые открытия не делаются и частная золотопромышленность клонится к упадку вследствие тех особых случаев, которыми казна воспользовалась, чтобы отобрать от частных лиц только *некоторые прииски*»^{*)}).

Вслед за отправкой этой, удостоившейся одобрения Государя, записки Муравьев сделал распоряжение о препровождении рабочих до мест их жительства. Цель этого распоряжения заключалась в желании удержать рабочих от пьянства и сохранить заработанные деньги на домообзаводство и устройство их быта.

Всего более возмущала Муравьева тесная связь золотопромышленности с откупом. В борьбе с последним главным препятствием служило ему министерство финансов в лице министра Вронченко, ревнивого охранителя откупа и всяких монополий. «Все хлопоты министерства финансов клонились, — пишет Муравьев по этому поводу поддерживавшему его министру внутренних дел Перовскому, — не к пользам казны, а к поощрению злоупотреблений и незаконных выгод откупщиков. Нравственное здесь (в Сибири) развращение народа заключается не в одном пьянстве, но и в подвластности откупщику». Указывая далее на необходимость возможно большего разъединения откупов и золотопромышленности, он говорит, что этому соединению двух *могуществ* не находит другого названия как монополия,

^{*)} Б. В. Струве: «Воспоминания о Сибири».

а с этим связано понятие вреда: золотопромышленник заманивает работника к усиленному и изнурительному труду денежным вознаграждением, которое он уверен воротит как откупщик». «Не должно, — пишет Муравьев, — жертвовать зародышем народонаселения для выгод откупщиков, а не казны, и даже не откупов, являющихся финансовой операцией, необходимой при существующем порядке. Необходимо увеличить выгоды казны, сократив безнравственные злоупотребления откупщиков, и этим облегчить народ». Меры, которые в этих видах проводил Муравьев, заключались в недопущении разделения полугарного вина на обыкновенное и улучшенное и в разрешении свободной продажи вина, по выпуске его из магазинов контрагента, с оплатой патентным сбором в назначенных местах и заведениях и не иначе, как на вынос и в запечатанной посуде. — В проведении этих мероприятий Муравьеву пришлось встретиться с большими затруднениями. Откупщики употребили все свое влияние, чтобы дело осталось на прежних основаниях, и когда это им не удалось, то рассчитывая, что без них не обойдутся, на новые торги ни в Петербурге, ни в Иркутске не явились, и откуп остался не снятым. Положение Муравьева было крайне затруднительно, пока ему не удалось передать с января 1851 года управление питейными сборами Восточной Сибири, на проектированных им началах, верхотурскому купцу Соловьеву.

С самого вступления своего в управление краем Муравьев хотел упорядочить кяхтинскую торговлю и по возможности уменьшить, творившиеся там под прикрытием правил 1800 года грандиозные злоупотребления, настаивал на необходимости сделать кяхтинский торг свободным, на общих правилах внешней торговли империи, не стесняя его никакими ограничениями, ни совещаниями общества, ни расценкой, и разрешить производство торговли на Кяхте как меною, так и на наличные деньги, не только в монете, но и кредитными билетами. — Реформу эту,

также благодаря затруднениям, делавшимся министерством финансов, ему удалось провести только в 1855 году.

Якутская область и Забайкалье по сибирскому «учреждению» были подведомственны иркутскому губернскому правлению. Одно уж расстояние указывает, какие стеснения должны были, вследствие такого подчинения, испытывать жители этих отдаленных от Иркутска мест. Мысль об отделении Забайкалья в отдельную от Иркутской губернии область высказывалась еще генерал-губернатором Броневским, не успевшим привести ее в исполнение. Муравьев резко порицал Сперанского за обнаруженное им таким сосредоточением недостаточное внимание к интересам Якутской области и Забайкальских округов, вследствие чего там, как он не без основания говорил, *бумажное управление господствовало над настоящей администрацией*. По его настоянию, из Забайкалья была образована новая область и в ней, а равно и в Якутской, 1 января 1852 года были открыты областные учреждения с правами губернских. Немало было сделано перемен и в устройстве быта сельского населения Забайкальской области. Из них самой крупной было освобождение нерчинских горнозаводских крестьян от обязательных отношений к заводам и перечисление их в казачье сословие.

Довольно близко знавший ход дел Восточной Сибири при Муравьеве, Милютин в «Воспоминаниях» своих говорит, что вначале деятельность Муравьева направлена была исключительно на подъем материального и нравственного благосостояния народа. «Эта симпатичная деятельность, так сказать внутренняя, эта непрестанная борьба с эксплуатацией и злоупотреблениями, свившими себе гнездо в Восточной Сибири, эта непрерывная попечительность об интересах народа — со стороны Муравьева продолжались до тех пор, пока его не увлекли политические соображения вообще и Амур в частности»^{*)}. Управление

^{*)} «Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири». *Истор. Вестник*, 1888 г., №№ 11 и 12.

свое для населения Восточной Сибири Муравьев сам считал тяжелым и не раз откровенно это высказывал. Присоединение Амурского края не было увлечением или фантазией Муравьева. Значительно ранее постройки в устье Иркута, обратившейся в город Иркутск *хижины*, русские владели Амуром, но столкнувшись здесь с могущественным и крепко организованным государством, вынуждены были от владения этого отказаться. При Екатерине II вновь возникает идея о занятии Амура, но на запрос, сделанный наместнику Якобию, сколько потребно войска для успеха предприятия, оказалось, что, в виду ненадежности забайкальских инородцев, нужно такое количество, какого Забайкальский край не в состоянии продовольствовать, поэтому затевавшееся предприятие осталось тогда без исполнения. Отсюда ряд мер, принятых в конце царствования Екатерины II, при Императорах Павле и Александре I, для заселения Забайкалья. Император Николай Павлович всегда лелеял мысль о занятии Амурского края, об исследовании нижнего течения, как он говорил, *русской реки Амура*. Мы уже видели, что вопрос этот интересовал и лиц живших в крае, и тех, которые приезжали с ревизовавшим Восточную Сибирь сенатором Толстым. Из этого следует, что заслуга Муравьева не в инициативе этого дела, принадлежащей не кому иному, как самому покорившему Сибирь русскому народу, а в том, что вопрос об Амуре он поставил ребром и разрешил его в такое время, в такой момент, когда многие колебались, считали это преждевременным, опасным, невыполнимым; между тем, упустив этот момент, можно было навсегда утратить возможность разрешения вопроса в интересах России. И надо было быть Муравьевым, чтобы выполнить эту задачу при тех условиях, при каких он ее выполнил. После долгих хлопот, настояний, целого ряда представлений, упорной борьбы с наиболее влиятельными в подобных делах министрами – иностранных дел и финансов, 11 января 1854 года

Муравьев получил, наконец, Высочайшее разрешение «*плыть по Амуру*», но «*чтобы при этом не пахло порохом*», — добавил Император Николай I. Совершить эту экспедицию Муравьеву предоставлено было на местные средства Восточной Сибири, и население ее доставило ему и средства, и людей, а его личная нравственная сила привела к успеху. Человек², воплотивший в художественные образы много русских типов и встретивши Муравьева в самый разгар его деятельности на Амуре, так характеризует его: «Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями, с *batons dans les roues*³, как он выражался, которыми тормозили его ретивый пыл! Небольшого роста, нервный, подвижный. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видал у него. Это боевой, отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях. У меня еще так свеж в памяти образ настоящего пионера-бойца с природой, с людьми на месте — с инородцами, разными тунгусами, ороचनाми, с соседними с Сибирью китайцами, чтобы отвоевать от них Амур, и в то же время бороться с графом Несельроде⁴, о котором он не мог говорить хладнокровно, да и обо всех, кто кидал ему *batons dans les roues* — в Петербурге с одной стороны, с другой — там, на месте, он одолевал природу, оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни. Пылкий, предприимчивый дух этого энергического борца возмущался, человек не выдерживал, и тогда плохо было нарушителю закона^{*}). Таким является Муравьев в представлении одного из самых сильных русских художников, на расстоянии почти сорока лет, когда и самого Муравьева давно уже нет в живых. Возраст маститого писателя и всегда отличающее его, присущее ему, как художнику, чувство меры исключают предположение об излишнем увлечении. И как бы ни судили, как

^{*}) И. А. Гончаров: «По Восточной Сибири». *Русское Обозрение*, 1891 г., № 1.

бы ни хулили действий Муравьева, он сделал, что мог. Россия, Сибирь в особенности, обязана ему выходом в море — одной из крупнейших заручек ее будущего благоденствия. В этом была государственная необходимость; руководился ли он, удовлетворяя ее честолюбием, или чувствами более высокими — дело его совести; во всяком случае, задачу, миссию свою он выполнил!..

Возвращаясь затем к внутреннему управлению краем, необходимо признать основательность многих указаний на неудовлетворительный ход некоторых отраслей, из числа даже тех, которые обращали на себя особое внимание Муравьева. Ни вредное влияние золотопромышленности, ни солидарность его с питейным делом, ни злоупотребления в кяхтинской торговле и при нем значительно не понизились. Тот же Соловьев соединял в своих руках и откупное комиссионерство, и наиболее крупные золотопромышленные предприятия; на Кяхте своим порядком процветала контрабанда, и золото не менее прежнего уходило в Китай. Те же, по словам Муравьева, наиболее свойственные человеку слабости — корысть и любостяжание — продолжали и продолжают и до наших дней делать свое дело на столь благодатной для них почве, как золотопромышленность и питейная торговля, несмотря на коренную перемену руководящих этими предприятиями систем и уставов. Дело, стало быть, не в уставах, системах, единичных усилиях более или менее выдающихся лиц, а в чем-то более сильном, действительном и прочном, — в самом населении, поднятии его нравственного и умственного уровня, обеспеченности его экономического положения. А в этом направлении Муравьев, вопреки своему несомненному народолюбию, обречен был делать многое прямо вредившее экономическому благосостоянию местного населения. Он, убеждавший в Чите собравших на общем представлении чиновников, что «не должно покровительствовать богатым», что «покровительство должно быть оказываемо бедным», делав-

ший распоряжения о точном применении закона, о непризнании действительными бездокументных долгов крестьян и инородцев, чем совершенно была разорена одна нажившаяся на счет крестьян и инородцев крупная Забайкальская фирма, преследовавший всякого рода кулачество и эксплуатацию крестьянского населения, — должен был обкладывать это же население реквизициями, принудительной поставкой провианта, истощать перевозкой грузов, переселениями в пустынные, неудобные для жительства места, внедрять в его среду штрафованных и до крайнего нравственного падения дошедших солдат.

Первая амурская экспедиция 1854 года обошлась в 110 т.р., вторая в 1855 году — в 174 т.р., обе в 285 037 р. 37 к. Деньги эти были добыты путем крайней экономии местных средств и из пожертвований золотопромышленников и откупщиков (преимущественно Кузнецова и Соловьева) на сумму 112 т.р. Само собой разумеется, что совершить две экспедиции исключительно на такие скудные средства было немислимо. Все недостающее дало население натурой, а этого недостающего было очень много. Тяжесть этих жертв усугублялась еще тем обстоятельством, что взимать, распоряжаться, руководить ими Муравьеву приходилось при посредстве исполнителей неумелых и даже, что нередко бывало, недобросовестных. Средством для борьбы с ненавистным ему взяточничеством и чиновничьи злоупотреблениями он избрал меру, которая сама по себе могла казаться целесообразной; он привлек на службу новых людей, образованных, молодых, с общественным положением, дававшим право надеяться, что в отправление своих обязанностей они внесут иные начала. Восточная Сибирь впервые увидела у себя на службе целую фалангу лицейстов и правоведов. Студентов Муравьев почему-то принципиально не любил и ходу им не давал. Со школьной скамьи попавшие в Иркутск, воспитанники названных учебных заведений быстро достигали

высоких должностей. Энергия, свойственная молодости, быть может, ускоряла ход дел, но рядом с ней задор, бестактность, незнание местных условий, самомнение этих администраторов наделали много хлопот и неприятностей и Муравьеву, и местному обществу, уважение и любовь которого они заслужить не сумели. — Да и между ними самими не было ни солидарности, ни взаимной поддержки, в хорошем смысле товарищеских отношений. Между ними были и достойные люди, но Муравьев по слабости, свойственной многим выдающимся деятелям, любил наущничество, возводил даже эту свою склонность в принцип, объясняя тем, что без нее начальнику обойтись нельзя, тем более в таком крае, где, как он говорил, «нравственные начала попораны и где лихоимство и взяточничество были так развиты»^{*)}. Этим пользовались те, которые ничем иным выслужиться не могли, для удаления со своего пути более способных. Пользоваться этой слабостью Муравьева было тем удобнее, что он, как человек до крайности пылкий, нервный, раздражительный, страдавший болезнью сердца, позволял себе нередко такие выходки, которые сразу и бесповоротно рвали самые лучшие отношения. Так именно разошелся он с пользовавшимися в Иркутске хорошей репутацией Стадлером⁵, Струве, Зориним⁶ и некоторыми другими. Немногочисленная кучка способных сотрудников редела, зато с каждым годом все более наполнялись ряды приближенных совсем иной и до сего времени памятной иркутянам категорией. Личное нахождение генерал-губернатора в Иркутске, хотя до некоторой степени сдерживало этих лиц, зато каждое возвращение его — с Камчатки ли, с Амура ли, или Петербурга — сопряжено было с разбором натворенного в его отсутствие, и притом с разбором часто направленным к пристрастному обелению его любимцев. А объявлять приходилось многих и во многом. Призванные им искоренять взяточничество

^{*)} А. И. Заборинский: «Граф Н. Н. Муравьев — Амурский. Рус. Старина, 1883 г., № 6.

оказывались причастными к делам, подобным Занадворовскому; молодежь, по профессии своей предназначенная укреплять в обществе понятия о законности и праве, быстро усвоила себе, в то время уже и в Сибири отошедшие в область предания, приемы и повадки Трескина и Лоскутова. — Идеалы молодости, если таковые в этой среде когда-либо и были, быстро сменились и в общественной, и частной жизни полной беспорядочностью, приведшей, в конце концов, к прогремевшей по всей России дуэли Беклемишева с Неклюдовым.

Эти два дела — Занадворовское и Неклюдовское — чрезвычайно характерны: в них вырисовались многие элементы иркутской общественной жизни того времени, направление некоторых групп иркутского общества и личный характер пользовавшихся в нем наибольшим влиянием лиц. Первое из этих дел заключалось в том, что муж одной из наследниц золотопромышленника Е. А. Кузнецова, Занадворов, находившийся при нем во время смерти, обвинялся в утайке и присвоении значительной части оставшегося после Кузнецова капитала. Кроме того, против него было возбуждено преследование по обвинению в том, что он, ехавши на прииски, пустил «пал» и сжег огромное пространство тайги, лишив тем окрестных тунгусов места их звероловного промысла. Муравьев был недоволен на Занадворова за грубо выраженный отказ на просьбу его продолжать, по примеру Кузнецова, пожертвования на амурские экспедиции. Следствия по обоим делам вел чиновник Молчанов⁷. Ему же было поручено и рассмотрение дела по производству следствия. Сильно уповая на силу своего богатства, Занадворов не стеснялся, где был случай, бранить Муравьева и на одном из больших обедов распространился том, что Муравьев преследует мелкое взяточничество, а между тем его приближенные берут взятки уже не мелкие, а крупные, и в доказательство этого заявил, что Молчанов взял с него 20 т. р. что теперь назначен другой следователь,

Бибиков, который требует, чтобы он, Занадворов, ехал в непроездное время в тайгу, на место пожарища, вероятно с целью получить столько же. Узнав об этом, Муравьев в полном собрании совета потребовал от Занадворова, чтобы тот подтвердил им сказанное, и когда Занадворов не только от слов своих не отказался, но в присутствии самого Молчанова подтвердил, что он действительно дал ему 20 т.р. и что последствием этого было рассмотрение дела в неподлежащем отделении, то Муравьев, не обратив на последнее обстоятельство никакого внимания, обратился к Молчанову и, как рассказывают, спросил его *не как начальник, а как дворянин дворянина*, действительно ли это так. Молчанов отверг взведенное на него обвинение, причем он, как говорят, усердно просил Муравьева никакого дела по этому поводу не возбуждать. Но Муравьев поступил иначе. Немедленно, прямо из заседания совета, Занадворов, как обвиняющийся в оклеветании должностного лица, был отправлен в тюрьму. Знакомые его, люди более или менее значительные, в том числе даже некоторые члены совета главного управления, стали было его там посещать. Узнав об этом, Муравьев назначил у себя общий прием и на приеме объявил, что сочтет своим личным врагом всякого, кто будет поддерживать сношения с Занадворовым. После такого заявления Занадворов был всеми покинут. Жена его подала жалобу в Сенат. Указом Сената Занадворова предписано было освободить, Муравьев указа не исполнил и, опираясь на необходимость упрочения авторитета власти, испросил Высочайшее повеление содержать Занадворова в тюрьме до окончания производившегося о нем дела. Сенат, когда на рассмотрение его через много лет перешло все производство, оправдал Занадворова.

Неклюдовское дело в ином роде. На Пасхе 1859 года один из состоявших при генерал-губернаторе чиновников Неклюдов и член совета главного управления Беклемишев нанесли

друг другу тяжкие оскорбления. Вскоре после этого, а именно 16 апреля, между ними состоялась дуэль, на которой Неклюдов был убит. Муравьев в то время находился на Амуре, должность его в Иркутске правил губернатор Венцель, а последнего по должности губернатора заступал председатель губернского правления Извольский. Дуэль происходила на Кукуевской заимке⁸ рано утром. Происшествие это всполошило весь Иркутск. Рассказывали, что об имеющей быть дуэли знали все власти, начиная от губернатора, и чем могли, способствовали ей; что пистолеты принадлежали исправлявшему должность губернатора, а полицмейстер Сухотин с Успенской колокольни наблюдал за ходом поединка; что Неклюдов не хотел драться и покидая службу в Сибири, торопился уехать, но чуть ли не силой был задержан. Проведя все время своего непродолжительного служения в командировках и почти никого в Иркутске не зная, он не мог найти секундантов, пока друзья Беклемишева, Молчанов и Шелехов, не предложили ему свои услуги. Распространился говор, что дуэли никакой не было и что Неклюдов прямо убит. Народ толпами ходил в квартиру Неклюдова, и когда его хоронили, весь город провожал его на Иерусалимское кладбище. В городе поднялся сильный ропот на начальство за оставление на свободе Беклемишева и секундантов и за потворство им во время дуэли. Вскоре после этого, на каком-то парадном обеде, преосвященный Евсевий резко и неодобрительно высказался по поводу волновавшего город происшествия, и высказался, конечно, не в пользу виновников его. Полицеймейстер и участвовавшие в дуэли лица не раз подвергались уличным оскорблениям, и в городе появилась целая масса направленных против них рукописных стихотворений и памфлетов, на которые они отвечали тем же^{*}).

Вернувшись с Амура, Муравьев на первом же приеме обрушился на все иркутское общество, в особенности на молодежь

^{*}) «Воспоминания» Милютин в *Истор. Вестнике*; Шашкова («Автобиография») в *Восточном Обозрении*.

и купечество, за произведенные по поводу дуэли демонстрации. К преосвященному Евсевию он стал в прямо враждебные отношения, окончившиеся переходом первого в другую епархию. Назначено было два следствия: одно об уличных манифестациях, другое — о дуэли. Первое кончилось ничем, так как не было добыто никаких данных для привлечения кого бы то ни было к ответственности, второе привело к результату совершенно неожиданному. Под влиянием общественного мнения и на основании экспертизы, произведенной над трупом Неклюдова, иркутско-верхоленский суд единогласно обвинил Беклемишева и секундантов в умышленном убийстве и приговорил их к каторжным работам. Дело перешло в губернский суд, в котором мнения судей разделились: двое отвергли обвинение в убийстве, третий — Ольдекоп⁹ — остался при мнении, подтвердившем правильность приговора окружного суда. Дело поступило в Сенат, который и приговорил Беклемишева к годовому заключению, а секундантов — к аресту на месяц или на два *), и, признав в действиях окружного суда и советника губернского суда Ольдекопа неправосудие, предоставил генерал-губернатору возбудить против них уголовное преследование. Немедленно все они были заключены под стражу.

О впечатлении, которое произвело это на местное общество, всего лучше свидетельствует, напечатанное в *Русской Старине*, письмо Ф. Н. Львова к Завалишину: «Вам, вероятно, известно, — пишет Львов, — что в Иркутске разыгрывается в настоящее время самое вопиющее дело, — это суд над судьями N (по делу Неклюдова), который имеет характер личной мести администрации за показание малейшего признака самостоятельности в судьях. Страшно подумать, что преступники NN и секунданты, просидев комфортабельно несколько недель в остроге, ускакали в Петербург за губернаторскими и председательскими местами,

*) Сроки эти за последовавшим ходатайством Муравьева были значительно сокращены.

а судьи до приговора еще томятся шесть месяцев в самом тяжком заключении в остроге за свое судейское мнение, и над ними производится такой строгий, инквизиционный суд, как будто бы они были государственные преступники в блаженные времена Анны Иоанновны». Исполнителем воли великодушного графа был М., сделанный для этой оказии помощником председателя губернского суда*)).

Из «Воспоминаний» Милютин видно, что этот М. был ни кто иной, как он сам. Поручение Муравьева он исполнил в точности, с полным усердием. Это было в начале его долголетней службы в Сибири. И много впоследствии оказал Милютин действительных и крупных заслуг перед иркутским обществом, но никогда не могло оно окончательно примириться с ним и забыть его неблагоприятную роль в деле осуждения несчастных судей. Оправдываясь, он в «Воспоминаниях» своих говорит, что «ставили в упрек Муравьеву, что в Неклюдовском деле он повлиял на решение Сената. Дело темное; но если бы и действительно было так, то мог ли он поступить иначе? Дело было обставлено такими побочными декорациями, что впечатление, ими произведенное, должно было быть изглажено, хотя бы и крутой мерой. Авторитет власти необходимо было восстановить **)». Казалось бы, что власть, разумно, покойно и правильно действующая, как действовать ей только подобает, в восстановлении подобными мерами не нуждается. За преследуемых судей вступился, наконец, министр юстиции. Ольдекоп, в вознаграждение за несправедливое преследование, был назначен прокурором в Казань, а Образцов (член окружного суда) освобожден, и дело о нем прекращено.

Неклюдовское дело породило целую литературу. О нем писалось и в *Русском Инвалиде*, и в *Колоколе* Герцена, о нем

*) *Русская Старина*, 1881 г., № 10: «Документы, относящиеся к Сибири», стр. 404.

**) *Милютин*: «Губернаторство Н. Н. Муравьева-Амурского». *Историч. Вестник*, 1888 г., № 12.

пишут Милютин, Шашков, Завалишин, оно подробно изложено в сборнике известных процессов Любавского; в *Искре* помещена была карикатура, изображающая полицмейстера с колокольни, в подзорную трубу смотрящего на поединок, действующие лица которого представляли собой довольно верные портреты участников Неклюдовской дуэли. До сего времени, по прошествии более тридцати лет, в Иркутске, вспоминая времена Муравьева, еще часто говорят и о Неклюдовском, и о Занадворовском деле.

В обоих этих делах важно не то, взял или не взял Молчанов взятку с Занадворова, убил ли Беклемишев Неклюдова по правилам чести или вопреки этим правилам, а то положение, в которое стал в обоих случаях правитель края, столь выдающийся и по своим заслугам, и по личным своим свойствам. Оба эти дела характеризуют личный состав среды, окружавшей этого государственного деятеля, и наглядно показывают, при содействии каких лиц приходилось ему работать на пользу края, проводить свои полезные, но тотчас по выходе из его собственных рук извращавшиеся начинания. Фаворитизм, слабость к приближенным, самолюбивое и энергичное отстаивание их были большим местом Муравьева, много вредившим и ему лично, и его общественной и государственной деятельности. Независимо от этого, Неклюдовское дело в истории иркутского общества занимает довольно существенное место тем, что было поводом к первому, ясно определенному проявлению в Иркутске общественного мнения. Проявление это Муравьев свернул на вопрос об уличной демонстрации, — оно было серьезнее, глубже этого: оно указывало на пробуждение в иркутском обществе сознательной жизни. — Показание это было верно, как верно и то, что в пробуждении этом Иркутск многим обязан тому же Муравьеву.

Мы видели гуманное и одобренное Императором Николаем отношение его к декабристам. Не менее гуманно отнесся он к Петрашевскому и его сотоварищам по ссылке — Львову

и Спешневу. Когда Петрашевский и Львов после облегчения их участи явились к нему, он обнял их, разрешил Петрашевскому жить в Иркутске, а Спешнева и Львова определил на службу при главном управлении. Затем, когда, утвержденными 6 декабря 1856 года штатами сибирских управлений, установлено было издание *Губернских Ведомостей* при всех сибирских губернских правлениях, редактором *Иркутских Губернских Ведомостей* Муравьев назначил Спешнева, человека весьма даровитого и основательно образованного. 16 мая 1857 года появился первый номер *Иркутских Ведомостей*. Это было событием. Пересматривающий теперь эти *Ведомости*, отпечатанные избитым, аляповатым шрифтом, на серой, чуть ли не оберточной бумаге, поражается полным контрастом содержания их неофициальной части с тем, что обыкновенно представляют собой этого рода издания. *Иркутские Ведомости*, по своим живым, бойким и интересным статьям, в течение нескольких лет успешно заменяли собой орган частной периодической печати. Тот, кто хочет знать, как жилось, что делалось и думалось в Иркутске, как центре Восточной Сибири, в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов, должен пересмотреть *Иркутские Ведомости* того времени, и он убедится, что в Иркутске тогда уже существовал, большой или малый, но во всяком случае кружок людей, живших той жизнью, которую переживала тогда лучшая часть русского образованного общества. Ближайшими сотрудниками *Иркутских Ведомостей* в первые годы их существования были Сельский, член совета главного управления, он же и первый правитель дел основанного Муравьевым в 1851 году Сибирского отдела Географического Общества, Петрашевский, Львов, М. В. Загоскин¹⁰, Пергачевский, Шашков, только что начинавший свое литературное поприще, и другие. Место Спешнева, отвлекавшегося служебными поручениями, на другой год издания *Ведомостей* занял М. В. Загоскин. Муравьев, тогда уже граф

и осыпанный милостями Государя за окончательное укрепление за Россией Амурского края, поощрял и смело поддерживал созданный им орган печати. В одном из первых номеров редакцией было заявлено, что она уполномочена печатать всякого рода статьи, касающиеся пользы края, а также и обличения всяческих злоупотреблений. Министерство внутренних дел указывало на неприличие такого направления в официальном органе, но граф Муравьев продолжал разрешать помещение обличительных статей, даже сам принимал их к сведению, и *Ведомости* сделались грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков*). — В образовавшемся при редакции *Губернских Ведомостей* кружке возникла мысль об издании в Иркутске частной газеты. В предприятии этом приняли участие и несколько образованных молодых людей из купеческого сословия. Разрешение на издание было испрашено на имя М. В. Загоскина. Местное обозрение принял на себя Петрашевский, общее внутреннее — Шестунов, иностранное — Горбунов, бывший воспитатель Трубецких. К новому изданию, названному *Амур*, граф Муравьев относился с полным сочувствием, сам его цензуровал и настолько доверял редакции, что, не читая, подписывал цензурные листы. В числе сотрудников газеты находились начальник его штаба Кукель и бывший в то время посланником в Китае г. Бютцов. Все это, однако, не гарантировало ни редактора, ни авторов от строгих внушений, как только в газете появлялось что-либо, затрагивавшее положение дел на Амуре, или касавшееся любимцев графа.

Одновременно с появлением в Иркутске этих двух первых органов печати, библиотека, основанная Болдаковым, перешла в руки М. П. Шестунова, значительно ее улучшившего, благодаря чему она очень скоро сделалась местом, куда сходились почитать и «отвести душу» все, кто требовал от жизни большего, чем карты, пьянство и разгул. Людей, нуждавшихся в печатном сло-

*) «Начало печати в Сибири». *Литерат. Сборник Вост. Обзор.*, 1885 г.

ве и в обмене мыслей, в то время в Иркутске набиралось если не очень много, то, во всяком случае, достаточно для составления порядочного по численности и сплоченного по убеждениям кружка. В состав его входили сотрудники обеих иркутских газет, несколько местных педагогов, более развитая часть купеческой молодежи и несколько приехавших на службу в Восточной Сибири университетских молодых людей, которым Муравьев, вообще не любивший студентов, мест соответствующих их образованию не давал. Понятно, что кружок этот никогда не мог сойтись с лицами, окружавшими Муравьева; понятно также и то, что эта часть иркутского общества всего более проявляла свое негодование по поводу Неклюдовского дела. Рассказывают, что Петрашевский, испросив у растерявшегося Венцеля разрешение на напечатание пригласительных билетов на похороны Неклюдова, расклеил их по всему городу и тем содействовал многочисленности публики, участвовавшей в похоронной процессии. Муравьев Петрашевского сам не тронул, — он уже Корсаковым был выслан в Минусинск. Пострадал более всех Львов, лишившийся места в главном управлении и высланный Муравьевым в деревню Олонки*). Редактор *Губернских Ведомостей* Загоскин за помещение в *Ведомостях* статьи, в которой высказывалось только неодобрение дуэлей вообще, получил лично от Муравьева выговор, а студенты-чиновники выслушали на общем приеме непомерно резкое внушение.

Не давало Муравьеву покоя и Амурское дело. В Забайкалье прочно сидел и зорко следил за всем происходившим главный супостат его в этом деле, когда-то ему близкий, Завалишин. Много лет живя в Забайкальской области, занимаясь там хозяйством, нередко участвуя словом и делом в управлении областью, интересуясь всем, что происходило на Амуре, Завалишин мог знать, и действительно хорошо знал, что и как там делается.

*) Получив впоследствии разрешение жить в Петербурге, Львов занимал там место секретаря Русского Технического Общества.

Разойдясь с Муравьевым и будучи недоволен ходом местных дел, он поместил о них целый ряд статей в *Морском Сборнике* и в издававшемся в Москве Чижовым *Вестнике Промышленности*. Статьи эти, писанные в разгар общего увлечения Амуром, производили большую сенсацию. Дельно и с большим задором составленные, корреспонденции очевидца поселяли во многих разочарование в новой окраине и представляли в самом невыгодном свете управление Муравьева и деятельность наиболее приближенных к нему лиц. В статьях Завалишина, несомненно, много дельного, много верных взглядов; надо предположить, что и факты, в них сообщаемые, если не все, то в большинстве верны. Но статьи эти — не исследования, а памфлеты, — выводы их односторонни и предвзяты. Желчь, недовольство скорей людьми, чем делом, проникают их насквозь. Они как нельзя более приходились на руку части высших петербургских сфер, недовольной Муравьевым и почему-либо не одобрявшей присоединения Амурского края, а эта часть петербургского общества была в то время все еще многочисленна. Производили статьи эти еще большее впечатление в Иркутске. Тут уже дело было не в одном только Муравьеве, но и в целой сети более сложных и перепутанных чувств и побуждений. Амурское дело в управлении Муравьева занимало такое центральное место, что все, от мала до велика служивших в крае, так или иначе, прямо или косвенно соприкасались с ним, интересовало и затрагивало оно и вообще всех, кто жил и работал тогда в Иркутске, в Забайкалье и в новых областях. Среди многих излишеств и личных нападок в статьях Завалишина, не проходивших цензуры Муравьева, можно было встретить много ценных и для многих пригодных указаний, но таких, которые никогда не могли бы появиться на страницах местной, подвластной Муравьеву печати. А потому понятно, что статьи эти читались нарасхват и в Петербурге, и в Европейской России, а в Иркутске в особенности. «Статья

ваша «Амур», — пишут Завалишину, — произвела такой восторг в Иркутске, что число требований на *Вестник Промышленности* с первою же почтою увеличилось до огромных размеров, тогда как до этого времени только один экземпляр, и то случайно, получался в библиотеке для чтения. Произошло то же, что было летом с *Морским Сборником*. С утра до ночи библиотека не вмещала в себе читающих, многие нарочно для этого подписались в библиотеке. Чтобы удовлетворить желающих, надо было читать вслух. Библиотека обратилась к редакциям с просьбою присылать ваши статьи отдельно, по несколько экземпляров»^{*)}.

Легко себе представить, что Муравьеву нравится это не могло. Сперва он пробовал избавиться от Завалишина посредством перевода его в Минусинский округ. Предлогом к переводу, о котором Завалишин не думал и не просил, служила его болезнь, требовавшая, по уверениям Муравьева, лучшего, чем в Забайкалье, климата. Мера эта не была приведена в исполнение только потому, что Корсаков, на которого она была возложена, будучи назначен губернатором Забайкальской области, счел более удобным Завалишина оттуда не высылать. Вслед за тем, при посредстве нескольких лиц: Кукеля, Карпова, Романова, Мехеды и др., Муравьев вступил с Завалишиным в самую жаркую полемику; но так как последний печатал статьи свои в столичных изданиях, а возражения его оппонентов помещались в *Иркутских Губернских Ведомостях* и местной же газете *Амур*, то эта чиновничья полемика и служила только *pro domo sua*¹¹. Убедившись, что это ни к чему не служит, Муравьев прибег к мере более действительной: по настоянию его *Морской* и *Военный Сборники* и *Русский Инвалид* статьи Завалишина перестали печатать. Видя, что статьи его не появляются, Завалишин поручил одной своей родственнице, жившей в Петербурге, навести справку в редакции *Морского Сборника*. «Наконец-то добралась

^{*)} *Русская Старина*, 1881 г., октябрь: «Документы, относящиеся к Сибири».

я толку в редакции, — отвечает она сестре Завалишина, — видела адмирала Матюшкина¹², и он велел написать Дмитрию Ирриарховичу, чтобы тот прислал от себя письмо в редакцию, что он просит, чтобы его сочинения возвратили ему, передав их мне, а иначе он, Матюшкин, их никому не выдаст, причем сказал: «мы все от них в восторге, но от начальства строго запрещено их печатать. Их читали и велено положить в архив для будущего поколения» *). Сам адмирал Матюшкин по этому поводу, несколько времени спустя, писал Завалишину: «В уверенности, что NN прежде вас прочтет эти строки, скажу вам только, что поручение ваше исполнено и ваши бумаги из архива морского ученого комитета переданы сестре вашей». Предвидение Матюшкина оказалось верным, — письмо его Завалишин получил распечатанным. В военном министерстве статьи, присланные Завалишиным для напечатания в *Военном Сборнике* и *Русском Инвалиде*, долго ходили из одной канцелярии в другую, доходили до министра, из них составлялись целые записки и доклады. Одна из таких записок была передана заместившему Муравьева Корсакову с требованием от него объяснений. Неизвестно, какие объяснения дал Корсаков, но известно, что Завалишин был выслан им в Европейскую Россию.

Как бы то ни было, статьи и корреспонденции Завалишина служили сильной помехой Муравьеву в Петербурге во многих его ходатайствах, касавшихся Приамурского края. Одним из них было выделение приамурской и приморской территорий в генерал-губернаторство, отдельное от Иркутского, и в установлении над ними в лице его наместничества. Вариантом этого проекта служило предположение о назначении генерал-губернатору Восточной Сибири двух помощников, из коих один заведывал бы Приамурским краем, другой — остальными губерниями и областями. Дело ограничилось назначением од-

*) *Русская Старина*, 1881 г., октябрь: «Документы, относящиеся к Сибири».

ного помощника без всякого территориального разграничения. Должность эту занял ближайший сотрудник и родственник Муравьева — М. С. Корсаков. Существует предположение, что эта неудача в связи с Неклюдовским делом, происходившей в то же время в Петербурге развязкой Занадворовского процесса и шумом, наделанным статьями Завалишина, настолько поколебали положение Муравьева, что он решился оставить свой пост. Действительно все это столпилось в одно время. Учреждение должности помощника генерал-губернатора произошло за несколько месяцев до отъезда Муравьева из Восточной Сибири. Статьи Завалишина, не попадая в печать, именно в это время ходили в Петербурге по всем департаментам и управлениям, а приведенное выше письмо Львова о происходившем в Иркутске гонении на судей почти совпало с отъездом Муравьева. Дело, конечно, не в письмах и статьях, а в тех обстоятельствах и происшествиях, которые их породили и которые все, вместе взятые, могли поколебать самое прочное положение, тем более в такое время, когда в России право и законность, по воле покойного Императора, все более входили в программу правительственной деятельности.

Последний отъезд Муравьева из Иркутска происходил 17 января 1861 года. Он сохранял еще свою должность, но всем было известно, что он не вернется. Устроенные ему проводы, каких по единодушию и искренности чувств целой толпы ни раньше, ни позже Иркутск не видал, доказывают, что в глазах иркутян и вообще населения Восточной Сибири ничто не могло заслонить его действительных, неоспоримых заслуг. Граф Муравьев не был только талантливым администратором: это был, вместе с тем, увлекавшийся, способный на все доброе и любивший свое дело работник. Деятельность его не укладывается в рамки беглого очерка. До сего времени этот интереснейший период истории Восточной Сибири остается, как и предшествовавшее ему время, от Сперанского до графа Муравьева, совершенно

неисследованным. Говорили, что некоторыми из сотрудников Муравьева составляется его биография. Струве в своих воспоминаниях поясняет, что он было принялся за это дело, но что не зависевшие от него обстоятельства помешали ему выполнить это намерение. Он ограничился выпуском в свет своих «Воспоминаний о Сибири 1848–1854 гг.». Эта небольшая книжка дает некоторое представление о ходе управления Восточной Сибирью в первое время деятельности Муравьева. Хотя и впавший в немилость Муравьева и через это покинувший свою службу в Сибири, Струве до конца дней своих остался преданным поклонником графа Муравьева и как человека, и как государственного деятеля. Черта эта, рекомендуя с хорошей стороны того и другого, осталась не без влияния на содержание и направление «Воспоминаний», писанных под впечатлением совершенно личных чувств. Получилось не объективное изложение событий, хода дел, деятельности начальника края, а скорее панегирик графу Муравьеву. Милютин, поместивший свои «Воспоминания» в *Историческом Вестнике* 1888 года и озаглавивший их «Губернаторство Н. Н. Муравьева», о Муравьеве и его деятельности говорит сравнительно мало. Вся весьма интересная статья Милютина касается скорей деятельности его самого и к тому же более во время управления Корсакова, а не Муравьева. Боевые, дельные, богатые интересными деталями, статьи и корреспонденции Завалишина составляют прямой контраст с «Воспоминаниями» Струве и являются памфлетом всего, что предпринималось Муравьевым в деле присоединения Амурского края. Вот и все или почти все, что, имея предметом своим деятельность гр. Муравьева, появилось до настоящего времени в печати. Материал для беспристрастной и основательной оценки этой деятельности лежит еще никем не тронутый в архивах. Граф Муравьев и по своим личным качествам, и по своей государственной деятельности слишком крупная личность, чтобы нуждаться в панегириках

или бояться памфлетов. Но общество и государство, которым он служил, нуждаются в беспристрастной биографии этого деятеля, в основательном исследовании его управления громаднейшей и к тому еще увеличенной им окраиной нашего отечества.

Свойство, характер деятельности, личные качества и недостатки графа Муравьева были таковы, что не могли не вызывать самых противоположных о них мнений, самых крайних проявлений к нему дружбы, поклонений и вражды. Представив в нашем очерке только крупницы плодотворной, честной, проникнутой любовью к народу деятельности этого выдающегося администратора, мы не остановились перед довольно подробным изложением всех тех случаев, которые характеризуют его как человека, обладавшего также и неудобными, и нежелательными для правителя слабостями. Мы намеренно и безбоязненно выставили все, чем многие в свое время думали очернить его и как человека, и как общественного и государственного деятеля, и полагаем, что внимательное рассмотрение этого всего не сдвинет его с того места, которое он, соответственно своим достоинствам, занял среди лучших людей Русского государства. Несомненно, что и в Неклюдовском, и в Занадворовском происшествиях он видел нападки, направленные против лиц, которым он, безусловно, верил и при помощи которых он думал уничтожить ненавистные ему хищничество, взяточничество и вообще всю старую закваску местного чиновничества. Он, быть может, ошибался в оценке личных качеств своих приближенных но, во всяком случае, ничто не дает повода предполагать, чтобы убеждение в их невинности не было искренно. Несомненно, также, что на дуэль он смотрел как на необходимую в делах чести развязку. Надо думать, что именно этот укоренившийся в известной среде и чуждый местному обществу взгляд и был главной причиной дуэли Неклюдова и отношения к ней местных властей. Трудно представить, чтобы Муравьев мог допустить,

среди окружавших его лиц, не смытый по усвоенным им правилам чести позор. Но самым дорогим, излюбленным, стоившим ему многих трудов, усилия, хлопот, детищем его был Амурский край. Все, что касалось этого дела, затрагивало, можно сказать, всю жизнь, все существо Муравьева, и требовать от этого пылкого, энергичного и увлекавшегося человека, при отражении нападков на это дело, хладнокровия и чувства меры было бы трудно. Изображение Муравьева в мощном и образном слове, вылитое Гончаровым и выше нами приведенное, лучше всего показывает, что хладнокровие и объективность не были в его натуре; более того, все его остальные свойства, делавшие его таким нравственно-крупным человеком, прямо исключали их. Отсюда — неумеренность его преследования, весьма часто повторявшаяся неправильная оценка людей, чересчур самовластное распоряжение всем, что в данное время представлялось ему препятствием к достижению казавшегося ему нужным и желаемым; но отсюда же и та сила, та мощь, та интенсивность желаний и действий, которые давали ему возможность служить своему отечеству так, как он служил; отсюда же то благородство, выпренность, смелость убеждений, взглядов и поступков, которых у него никто не оспаривает, да и оспорить не может. Его неумеренная, нередко выходившая из границ дозволенного, вспыльчивость наделала ему немало врагов и причинила много вреда. Еще в самом начале управления его Восточной Сибирью, министр внутренних дел, граф Перовский, человек искренно к нему расположенный, предупреждал его об этом. «Здесь, — пишет ему Перовский в июле 1848 года, — распускают слухи о вашей вспыльчивости, которая будто бы выходит часто из дозволенных границ, и о поспешности, с которой вы осуждаете людей, прежде чем имели время их узнать или даже выслушать. Нет сомнения, что чиновники, вредные для службы, от которой вы их удалили, суть распространители этих слухов; не менее

того, не теряйте из вида, что у изгнанных есть здесь всегда более или менее покровителей, которые готовы вторить своим клиентам, т. е. громко сожалеть о мнимых жертвах, осуждать ваши действия, жаловаться на них и кричать. Я совершенно понимаю ваше положение: вы не любите злоупотреблений, которых во вверенном вам крае бездна, и потому принимаете все к сердцу. В ваши лета я преследовал всякий беспорядок и всякую несправедливость или злоупотребление с горячностью и настойчивостью; теперь же та же настойчивость у меня осталась, но горячности уже нет, и едва ли последняя метода не лучше прежней. Это ведет меня к тому, чтобы дать вам дружески совет: действуйте сколь можно осмотрительнее, хладнокровнее, без шума, и отдаляйте всякий повод к нареканиям и жалобам»^{*)}). Но время на Муравьева мало действовало. Вспыльчивость, способность к увлечениям и несдержанность он, по-видимому, сохранил до самой смерти. Говоря о его последних годах жизни, хорошо знавший его г. Венюков¹³ называет его стариком-юношей и в короткой заметке-некрологе сообщает несколько весьма ценных для характеристики Муравьева фактов из его жизни по оставлении службы в Сибири. Мы узнаем здесь, что в начале польского восстания ему был предложен пост наместника Царства Польского, но он отклонил это назначение словами: «Пусть мне скажут сначала, что хочет правительство в Варшаве: искреннего мира, или полицейского спокойствия и порядка, — уступок полякам, или усмирения их? Тогда я пойду. А вилить не в моем характере». Несколько времени спустя, при увольнении князя Барятинского, на вопрос уполномоченного на то лица, пойдет ли он на наместническое место в Тифлис: «Как! Разве князь Барятинский умер?» отвечал, вскочив со стула, Муравьев. — «Нет, но он увольняется». — «Так, помилуйте, как же я могу быть его преемником. Ведь влияние его сохранится, на все кавказское

^{*)} Б. В. Струве «Воспоминания о Сибири».

будут смотреть его глазами, а я, наместник, буду пешкою». На вопрос, что же нужно ответить: «А так и скажите, что слышали, да прибавьте, что, по мнению моему, после князя Барятинского самостоятельным правителем Кавказа может быть только член Императорской Фамилии». Так оно и вышло^{*)}). В этих двух случаях сказался весь Муравьев, с его взглядами, пониманиями и личными свойствами. И каковы ни были его ошибки, промахи, увлечения, имя графа Муравьева-Амурского навсегда останется среди немногих на сумрачном горизонте прошлого Сибири ярким блеском выдающихся имен.

Оставив Сибирь и живя затем большей частью в Париже, где он и умер 18 ноября 1881 года, бывший правитель Восточной Сибири высоко ценил внимание сибиряков, иногда привозивших ему байкальских омулей и амурские яблоки, иногда присылавших сочувственные телеграммы.

Десятилетнее управление Восточной Сибирью М. С. Корсакова было, в сущности, эпилогом Муравьевского времени, в особенности по отношению к Амурскому краю. Корсаков если не столь ревностно и энергично, то столь же ревниво относился к этому делу. Одним из первых самостоятельных актов его была высылка Завалишина из Забайкальской области в Европейскую Россию. Затем является усиленное наполнение *Губернских Ведомостей* и в особенности газеты *Амур* статьями, обеляющими деятельность амурской администрации и полемизирующими со всякой появлявшейся в столичных газетах заметкой об Амуре. Редактор газеты находился в невозможном положении. Корсаков сам цензуровал газету, и нередко приходилось снова набирать целые номера и вместо набранного печатать то, что приказывалось. Издатели решили закрыть газету. Редактор М. В. Загоскин доложил об этом Корсакову. «Газета должна существовать», — ответил Корсаков. Г. Загоскин возразил, что, за отказом издате-

^{*)} М. И. Венюков: «Граф Н. Н. Муравьев». *Русская Старина*, 1882 г., № 2.

лей и по малочисленности подписчиков, газета не будет окупать издержек и потому существование ее немыслимо. Корсаков обещал помочь изданию, лишь бы оно не прекращалось. И действительно, в пособие газете было ассигновано из амурских сумм по 800 руб. в год. Все прежние сотрудники отстали от газеты, и г. Загоскин передал редакторство Милютину, который очень скоро довел хозяйственную часть издания до того, что в апреле 1862 года набранный номер был задержан типографией впредь до окончания расчетов. Номер не вышел, и издание прекратилось. Года через два Милютин возобновил издание под другим заглавием (*Сибирский Вестник*), но оно не имело успеха и существовало очень недолго. С тех пор до 1873 года Иркутск имел только Официальные органы печати — *Губернские* и основанные в 1863 году *Епархиальные Ведомости*. Но *Губернские Ведомости* были далеко уже не те, что при графе Муравьеве, хотя почти до конца шестидесятих годов в них, время от времени, продолжали появляться дельные и интересные статьи. *Епархиальные Ведомости* в первые годы своего существования редактировались известным в свое время, талантливym протоиереем о. Прокопием Громовым¹⁴, который наполнял их своими крайне интересными статьями по истории Иркутской епархии. При нем же *Епархиальные Ведомости* вступали нередко в довольно оживленную полемику с *Иркутскими Губернскими Ведомостями* преимущественно по вопросу об обеспечении духовенства и месте постройки в Иркутске нового собора. Полемика эта в 1864 году дошла до весьма сильного и редкого между официальными органами печати возбуждения*), главным поводом для которого послужило неутверждение иркутским губернатором ассигнования киренской городской думой пособия из городских сумм местному духовенству**).

*) *Иркут. Епархиальные Ведомости*, 1864 г., № 29 и др.

***) *Иркут. Губернские Ведомости*, 1864 г., № 32 и др.

Время управления Корсакова совпало со временем польского мятежа 1863 года и прибытием в Восточную Сибирь значительного числа сосланных по этому мятежу поляков. Этот новый, случайный элемент принес Сибири вообще и Иркутску в частности большую пользу. Проведя несколько лет в работах и на поселении в дальних местах, значительное число ссыльных поляков стянулось после этого к Иркутску и упрочилось в нем и возле него. Занявшись торговлей и промыслами, они много способствовали развитию здесь ремесел и огородничества. Их учтивость, сдержанность, такт, гуманное обращение с прислугой остались не без влияния на местное общество. Между ними было немало людей высокообразованных или же образовавшихся в ссылке чрез близкое и постоянное общение с первыми. Многие из этой категории ссыльных поляков примкнули к Восточно-Сибирскому отделу Географического Общества, ныне справедливо гордящемуся их трудами.

Отдел этот, до основания в 1877 году в Омске Западно-Сибирского именовавшегося Сибирским, будучи основан Муравьевым в 1851 году, особенно оживился с присоединением Амурского края. В конце пятидесятых и в течение шестидесятих годов отделом снаряжались ученые экспедиции, собирались коллекции, издавались «Записки» и печатались весьма обстоятельные отчеты. Возле отдела группировалась вся мыслящая часть местного общества. Люди состоятельные давали средства на экспедиции и издание их трудов (Виллойская и Уссурийская экспедиции Маака¹⁵ и др.). Вообще в жизни Иркутска это было хорошее время. Умственное движение, охватившее в шестидесятих годах всю Россию, сказалось тогда и в нем. И тут увлеченная этим движением лучшая часть общества бодро и энергично переживала эти светлые дни пробужденной и обновлявшейся России. Сибирь не знала крепостного права, ей не пришлось на себе изведать радость его падения, но все, что вне этого влек-

ло и волновало тогда русское общество, близко, в некоторых случаях даже более жизненно касалось и ее. Сибирь глубже Европейской России тонула во мраке невежества и имела значительно менее средств к выходу из него, — выходу, обуславливающему все ее будущее. Понятно отсюда то стремление к развитию народного образования, в широком смысле этого слова, которое проявляет сибирское общество, и сознательное начало которого относится именно к шестидесятым годам. В течение первой половины этого десятилетия в Иркутске устраиваются мужские и женские воскресные школы, женское училище, преобразованное потом в женскую гимназию, составляется общество, учреждающее публичную библиотеку, при ней открываются литературно-разговорные вечера, на которых читаются рефераты, обсуждаются общественные вопросы, юридические вечера, посвященные обсуждению положения готовившейся тогда судебной реформы, основываются сперва вечерние собрания, затем общества врачей, читаются публичные лекции, развивают свою деятельность тюремный и статистический комитеты, *Губернские Ведомости* настойчиво проводят мысль о необходимости иметь свой университет. «Нам нужно, — говорит автор одной из посвященных этому вопросу статей*) — не то чтобы по временам бывали у нас хорошие чиновники, отличные дельцы и проч. Нам хотелось бы самим сделаться людьми образованными, зажечь своей разумной жизнью, иметь своих судей, исполнителей, знатоков дела, и так далее. Словом, нам необходимо сосредоточие умственной жизни, необходима светлая точка, куда бы взоры наши всегда обращались с любовью и надеждой, нам необходим свой университет». «Нам необходим университет хотя бы для того, чтобы недоучкам не давались места, им не принадлежащие. Да кроме того, нужно нам увеличение числа средних учебных заведений». «Если мы, — продолжает автор —

*) Там же, 1863 г., марта 30. М. В. Загоскин. «Что нам необходимо в особенности».

пойдем такими же шагами, как шли доселе, то еще целые века пройдут прежде, чем мы воспользуемся сотою долей тех богатств, которыми одарена наша страна». «Мы даже не знаем этих богатств и действуем как в потемках, или увлекаясь примером, или следуя рутине». «И пока мы останемся чуждыми высшего научного образования, мы, как скупой над золотом, все будем жаловаться на бедность, недостаток капиталов и средств к жизни». Вопрос о высшем и среднем образовании не заслонял в глазах местного общества и вопроса о народных школах. В октябре 1864 года в *Губернских Ведомостях* появилось следующее воззвание: «Потребность распространения в Иркутской губернии, да и вообще в Восточной Сибири, первоначальных народных элементарных школ представляется столь насущной и существенной, а участие в этом деле обществ и частных лиц столь необходимым, что некоторые лица возымели мысль об устройстве здесь для этой цели особого частного общества. Рассмотрев составленный проект подобного общества, они уполномочили нижеподписавшихся ходатайствовать об утверждении его. Но так как проекту может быть дан официальный ход не прежде представления ручательств, что задуманное общество будет располагать достаточными денежными средствами, то нижеподписавшиеся просили и получили разрешение местного начальства — воззвать предварительно к обществу». С этой целью на 13 октября, в 6 часов пополудни, назначалось заседание в зале иркутского Благородного Собрания, к участию в котором приглашались, как говорилось в воззвании, «все лица сознающие потребность в распространении народного образования и сочувствующие этой цели». Воззвание было подписано Загоскиным, Милютиним, Пиленковым и Поповым. Собралось более 100 лиц с генерал-губернатором Корсаковым во главе. Кроме ранее поступивших значительных пожертвований, на заседании было собрано около 500 рублей, но устав общества не был утвержден.

Во второй половине шестидесятых годов учреждены были в Иркутске женская прогимназия, мужская реальная прогимназия, преобразованная впоследствии в техническое училище, «Детский Сад», отделение Русского Технического Общества, устраивались педагогические съезды и выставки местных произведений. На все это нужны были средства, и средства находились. Начиная именно с этого времени идут одно за другим, почти непрерывно до настоящего времени, те крупные пожертвования, которые дали Иркутску возможность стать в деле народного образования в занимаемое им ныне, выдающееся среди других городов, положение. Медведников, Солдатов, Кузнецов, Трапезниковы, Сибиряковы, Пономарев, Хаминова, Базанов, Немчинов, Михеев, Портнова – жертвуют крупные суммы, учреждают и поддерживают благотворительные и учебные заведения. Но среди всех этих пожертвований дело народного образования, просвещения, занимает первое главное место, на его долю выпадает и большее число и большая сумма пожертвований. Из этого видно, что убеждение в необходимости просвещения крепко залегло в сознании иркутского общества. Идея о нем стала дорога не одним только представителям интеллигенции, но и людям, руками своими составившим себе большие состояния и на пути к обогащению успевшим убедиться в необходимости для их родины знания, науки, просвещения народной массы. Каковы бы ни были внутренние, сокровенные побуждения людей, жертвующих на дело народного образования целые состояния, заслуга их уже тем велика, что предметом своих забот и своих жертв они избрали это насущное, краеугольное для блага страны дело. И надо заметить, что люди, наиболее в этом отношении сделавшие, не примешивали к этому никаких сторонних, побочных или суетных стремлений. И Трапезников, и Пономарев жили вне Иркутска; первый жил последнее время своей жизни в Москве, где и умер, второй жил и работал в Китае, а умер в Петербурге.

Оба они отдали свое достояние после смерти, и при жизни ни за какими отличиями не гонялись и их не получали.

Но, как бы ни было, плоды подобных стремлений лучших людей иркутского общества – дело будущего. В рассматриваемое же время усиленная, более поднятая и возбужденная умственная деятельность верхнего, в интеллектуальном отношении, слоя этого общества не могла проникнуть настолько глубоко, чтобы с успехом бороться, с темными, веками упрочившимися, сторонами местной общественной жизни. Прежняя закваска чиновничества, играющего в ней такую существенную роль, его нравы и повадка если и менялись или, вернее, видоизменялись, то совсем не к лучшему. По отъезде графа Муравьева большинство близких к нему лиц, так быстро им выдвинутых, покинуло службу свою в Восточной Сибири. Обстоятельство это к невыгоде ее не послужило, — их заменили чиновники-дельцы, те самые, которые, начав свою службу при Руперте, представляли при его преемнике ту разумную рабочую силу, без которой никакое дело идти не может. Остался кое-кто и из «Муравьевских», но это были или те немногие, которые подобно самому Корсакову «пришлись, что называется, ко двору» и упрочились здесь, или как, например, Милютин, прибыли в Иркутск чуть не перед самым отбытием Муравьева. Здесь долг справедливости требует заметить, что свое предосудительное участие в деле осуждения судей по Неклюдовскому делу, объясняемое, к тому же весьма соответствующим его характеру искренним заблуждением, Милютин впоследствии искупил энергичной, ревностной, увлекавшей других деятельностью в деле учреждения женской гимназии, технического общества, реальной прогимназии, выставок, — словом, самым живым участием во всем, чем интересовалось, чем жило в то время это общество. Время участия Милютина в иркутском тюремном и статистическом комитетах было лучшим временем их деятельности. Что же касается общей

массы чиновничества, то тут, как и на все косное и пребывающее в застое, затишье Корсаковского управления могло действовать только развивающим внутреннее разложение способом. Тут время делало тоже свое дело. Препрежнее патриархальное отношение к служебным обязанностям заменилось более ухищренными приемами, большей требовательностью и изобретательностью, клонившимися к той же цели, но обходившимися дороже. Развитие золотопромышленных дел на Витиме и Олекме сильно влияло на склад иркутской жизни и, совместно с питейным делом и казенными поставками и подрядами, служило тучной почвой для наживы, развитию любостыжательных инстинктов и удовлетворения их. И потому нет ничего удивительного, что преемнику Корсакова, сенатору Н. П. Синельникову, занявшему в 1871 году пост генерал-губернатора Восточной Сибири, пришлось, прежде всего, приняться за энергичную и притом вполне соответствовавшую его личным наклонностям борьбу все с теми же спокон веку свившими себе в Сибири гнездо и только видоизменявшимися чиновничьими злоупотреблениями. Совершенно зачухавшие к тому времени *Иркутские Губернские Ведомости* вдруг оживились непрерывным рядом грозных, требовательных и по-своему красноречивых циркуляров начальника края к начальникам губерний и областей. Находя недостаточным производить такое общение раз в неделю, генерал-губернатор сделал распоряжение о выпуске *Губернских Ведомостей* три раза в неделю, причем редкий номер обходился без его циркуляра, по содержанию своему могшего заменить передовую, посвященную внутренней жизни края и его управлению статью. Не только будущему историку, но и бытописателю Сибири циркуляры эти послужат весьма ценным материалом. Одновременно с изданием циркуляров шла быстрая и энергичная кара виновных. Но дело, по-видимому, улучшалось мало, так как почти в конце, правда, не очень продолжительного, управления сенатора

Синельникова в тех же *Ведомостях* появился циркуляр следующего содержания: «Прошу гг. начальников губерний и областей строго подтвердить и наблюдать, чтобы циркуляры мои не оставались мертвыми буквально, но исполнялись непременно. Я еще до сих пор не мог вступить в мою настоящую обязанность наблюдателя за благоустройством и порядком, вводить же и поддерживать законный порядок была и есть их обязанность прежде меня. При исполнении этих обязанностей и самые просьбы не поступали бы ко мне в таком множестве, тем более, что из этих просьб неосновательных меньшая часть»^{*)}).

Но это более касается общего управления краем. В ходе же собственно городских дел, в рассматриваемое время, выдающимся событием было применение к Иркутску в 1873 году нового Городового Положения. Это пока из всех больших реформ прошлого царствования единственная, примененная и к Сибири. За неимением в Сибири земских учреждений, городские представляют собой единственные органы местного самоуправления. Тем существеннее проследить и основательно ознакомиться с их деятельностью. Такое ознакомление может дать наиболее прочные и верные данные для решения вопроса, достаточно ли местное население подготовлено для восприятия других в этом направлении реформ. Но, помимо этого, городская реформа выдвинула управление делами города из сословно-купеческой замкнутости и привлекла к нему в большей или меньшей степени, прямо или косвенно, всех граждан. Она же распространила и круг ведения этого управления на все главнейшие стороны не только городского хозяйства, но и жизни городского общества. Такая постановка этой реформы, в особенности в сравнении с прежней организацией городского управления, дает право считать применение ее эрой, началом нового, текущего еще периода истории города и обязывает рассматривать главнейшие события

^{*)} Там же, 1872 г., № 128.

этого периода не иначе, как в связи с ходом дел ореформленного городского управления.

Обращаясь к прошлому Иркутска, нельзя не обратить внимания, что на долю его выпало быть местом пребывания и деятельности таких выдающихся государственных людей, как граф Сперанский и граф Муравьев-Амурский. Оба они, каждый в свое время и в своей сфере, сделали много хорошего для Сибири. Графу Муравьеву воздвигается памятник на месте, овладением которого обязана ему Россия. В 1889 году исполнилось пятьдесят лет со дня кончины Сперанского. В заседании иркутской городской думы, происходившем 26 апреля того же года, городской голова, напомнив гласным в кратком очерке главные моменты жизни этого государственного деятеля, высказал, что Сибирь не забудет Сперанского и что теперь, когда исполнилось 50 лет со дня его смерти, когда Сибирь начинает расставаться с учреждениями, им установленными, приличнее всего почтить память великого деятеля постановкой ему памятника в Иркутске, на площади носящей его имя. Городская дума единогласно приняла это предложение и постановила возбудить в надлежащем порядке ходатайство о разрешении подписки на памятник и сооружении его в Иркутске, на площади Графа Сперанского. Ходатайство это правительством уважено.

И граф Сперанский, и граф Муравьев — не сибиряки, но Сибирь их чтит. И да послужат воздвигаемые им памятники неопровержимым доказательством того, что Сибирь помнит добро, ей делаемое, и что сибирякам дорого все, что служит к славе и величию их отечества — России и благоденствию их родины.

Примечания

¹ Струве Бернгард Васильевич (1827–1889) — действительный статский советник, служил в Восточной Сибири при генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве с 1847 по 1855 год, позже Астраханский (1857–1861) и Пермский (1865–1870) губернатор. Биограф Н. Н. Муравьева-Амурского: в «Русском Вестнике» за 1888 год напечатаны его «Воспоминания о Сибири», представляющие богатую новыми фактами характеристику деятельности Н. Н. Муравьева-Амурского;

в «Русской Старине» опубликованы его статьи «Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Из воспоминаний о его деятельности». (1885), «Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в 1849 году. Эпизод из его жизни» (1883).

² Речь идет о И. А. Гончарове и его очерке «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске», впервые опубликованном в 1891 году в журнале «Русское обозрение». Очерк представляет собой воспоминания писателя о кругосветном путешествии (1852–1855), которое он совершил в качестве секретаря, принимая участие в дальневосточной дипломатической миссии адмирала графа Е. В. Путятина. В очерке И. А. Гончаров дает характеристику якутскому и иркутскому обществу, а также свою оценку двум центральным фигурам повествования: Иннокентию (Вениаминову), на тот момент епископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому, и генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву.

³ *Batons dans les roues* (фр.) — палки в колеса. Фразеологизм, означающий «препятствия», «помехи».

⁴ Нессельроде Карл Васильевич, или Карл Роберт фон Нессельроде-Эрешовен (нем. *Karl Robert Reichsgraf von Nesselrode-Ehreshoven*, 1780–1862.) — русский государственный деятель немецкого происхождения, канцлер Российской империи, министр иностранных дел. Нессельроде был против укрепления позиций России на Дальнем Востоке, опасаясь возможности разрыва с Китаем, неудовольствия Европы, в особенности англичан. Предлагал признать амурский бассейн принадлежащим Китаю и отказаться от него навсегда, что входило в противоречие с взглядами Н. Н. Муравьева.

⁵ Стадлер Андрей Осипович (ок. 1817 — после 1866) — член Совета Главного управления Восточной Сибири (1848–1850), председатель губернского суда Енисейской губернии (1850–1857). А. О. Стадлер был одним из первых трех чиновников, приехавших в Сибирь с Н. Н. Муравьевым, пользовавшийся его полным доверием.

⁶ Зарин Владимир Николаевич (1802–1854) — иркутский гражданский губернатор в 1848–1851 годах. Н. Н. Муравьев предложил В. Н. Зарину эту должность, так как хорошо знал его в те годы, когда оба они воевали на Кавказе и были в приятельских отношениях. Между В. Н. Зариным и бригадным командиром П. И. Запольским (главой военной администрации в Иркутской губернии) возник конфликт, в результате которого решено было обоих перевести в другие города. Запольского назначили в Забайкальскую область, а Зарин был назначен гражданским губернатором в г. Владимир.

⁷ Молчанов Дмитрий Васильевич (ок. 1824–1857) — выпускник Училища правоведения, управляющий отделением и член Совета Главного управления Восточной Сибири (1850–1854), муж дочери декабриста С. Г. Волконского Елены.

⁸ Кукуевская, или Кокуевская заимка — участок земли на склоне Иерусалимской горы на окраине Иркутска, принадлежавший председателю Иркутской казенной палаты статскому советнику Павлу Ивановичу Кокуеву. В настоящее время на этом месте расположена усадьба В. П. Сукачева.

⁹ Ольдекоп Федор Федорович (ок. 1822 — ок. 1870) — выпускник Главного педагогического института; преподаватель Иркутской губернской гимназии (1842–1852), столоначальник Главного управления Восточной Сибири (1852–1854), советник Иркутского губернского суда (1854–1860).

¹⁰ Загоскин Михаил Васильевич (1830 — 1904) — педагог, писатель, журналист, общественный деятель. Гласный Иркутской городской думы (1872 – 1879, 1881 – 1884). Выпускник Казанской духовной академии. Был главным

редактором газеты «Иркутские губернские ведомости»; в 1860—1862 годах издавал первую в Иркутске частную газету «Амур»; затем продолжил свою деятельность в «Сибирском вестнике», одновременно сотрудничая с газетой «Сибирь», редактором которой стал в 1876 году. Был сторонником введения земского самоуправления в Сибири, судебной реформы, развитие просвещения, открытия университета в Сибири.

¹¹ Pro domo sua (лат.) — для своего дома. Фразеологизм, означающий «в личных интересах», «в защиту своих дел».

¹² Матюшкин Фёдор Фёдорович (1799 — 1872) — мореплаватель, полярный исследователь, адмирал, сенатор. Окончил Царскосельский лицей; дружил с А. С. Пушкиным. Участвовал в 1817–1819 годах в кругосветном плавании В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка»; в 1820–1824 годах – в арктической экспедиции Ф. П. Врангеля; в 1825–1827 годах – в кругосветном плавании В. Ф. Врангеля на шлюпе «Кроткий». Участник русско-турецкой войны 1828–1829 годов, Крымской войны 1853–1856. С 1852 года – на высших административных должностях в военно-морском ведомстве.

¹³ Венюков Михаил Иванович (1832–1901) — путешественник, этнограф и военный географ, писатель. Исследователь Дальнего Востока. Генерал-майор. Автор многих статей, очерков и иных сочинений по разным отраслям знания.

¹⁴ Громов Прокопий Васильевич (1801–1880) — выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия, историк христианства, кафедральный протоиерей. Членом Иркутской консистории — руководитель следственного стола и цензором проповедей. Редактор «Иркутских епархиальных ведомостей» (1862–1870). Один из учредителей и деятельный член Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, коллекционер старинных рукописей и документов, кавалер нескольких орденов.

¹⁵ Маак Ричард (Рихард) Карлович (нем. *Richard Otto Maack*; 1825–1886) — педагог, натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока. Директор училищ Иркутской губернии, главный инспектор училищ Восточной Сибири. Руководитель Вилуйской экспедиции (1854–1855), организованной Сибирским отделом Императорского Русского географического общества, впервые описавшей орографию, геологию и быт населения района рек Вилуя, Олекмы и Чоны. Результатом экспедиции явился обширный труд «Вилуйский округ Якутской области», изданный в трёх частях с многочисленными планами и таблицами. Экспедиция финансировалась, прежде всего, из средств, выделенных купцом и золотопромышленником С. Ф. Соловьевым. В ходе Уссурийской экспедиции (1859) Р. К. Маак исследовал и описал Уссурийскую низменность до озера Ханка. Деньги на экспедицию дали частные жертвователи по подписке.

IV

Текущий период жизни Иркутска. — Городские дела и выяснившиеся потребности местного общества

В 1862 году министерство внутренних дел разослало по городам программы для составления соображений об улучшении городского управления и предложило местным начальникам образовать для этой цели комиссии из сведущих лиц и депутатов от всех сословий. В заключительных словах программы министерство указывало, что «от местных жителей будет зависеть воспользоваться делаемым доверием и оказать правительству свое содействие к установлению правильных оснований в предприняемом преобразовании» и что «равнодушие и небрежность их в настоящем случае может отразиться на них же самих неблагоприятными последствиями».

Составленная на основании этого предложения иркутская комиссия поручила составление проекта требовавшихся соображений одному из своих членов, М. В. Загоскину. В составленном им и представленном на рассмотрение комиссии проекте указывалось, что недостатки деятельности городского управления при его прежней организации вытекали, главным образом, из того, что «городская дума представляла собою только часть городского общества; значительная часть обывателей оставалась чуждою городским интересам и не принима-

ла никакого участия в управлении городским хозяйством. При этом городская дума, составляя род низшего присутственного места, не имела никакой самостоятельности и, будучи в зависимости и от общества, и от администрации, нередко приходила в затруднительное положение и не знала, быть ли ей исполнительницей решений общества или приказаний административных лиц». Для выхода из такого положения составитель проекта находил необходимым: 1) «дать обществу полное право постановлять приговоры, производить расходы, постройки и т. д., не испрашивая ни у кого разрешения, а только представляя копии с приговоров, смет и проч. местному начальству; если последнее усмотрит в них несогласие с законами, то должно немедленно донести о том министру внутренних дел, остановив исполнение приговора; 2) контроль городских расходов должен неотъемлемо принадлежать обществу, которое поверяет действия своих агентов через особые комиссии, и 3) все приговоры, сметы и отчеты печатать и подвергать свободному обсуждению; равно и действия служащих по выборам лиц должны в кругу их общественной деятельности подлежать полной гласности». Затем в проекте указывалось, что, «по смыслу программы, для Иркутска общая дума должна быть составлена не более как из 21 гласного от каждого из трех разрядов обывателей, а потому при праве гласных собираться в числе одной трети, без различия сословий, легко может случиться, что общественные дела за все общество будут решать 21 человек». «Могут ли, — спрашивал составитель проекта, — избравшие их поручиться, что эти 21 человек не будут увлечены какою-либо влиятельною личностью, даже из среды своей, и не станут руководиться своекорыстными видами?» В виду этих соображений докладчик предлагал высказаться против учреждения в Иркутске думы и за оставление по прежнему общественного собрания. Сперва предложение это всей комисси-

ей было принято, но затем городской голова и весь купеческий, а за ним и мещанский состав комиссии высказались за полезность замены общего собрания не столь численной по своему составу думой. Такое решение, постановленное значительным большинством голосов, и было внесено комиссией в ее ответы на программу министерства *)).

В 1870 году Высочайшим указом Сенату повелено было изданное 16 июня 1870 года новое *Городское Положение* ввести в числе прочих городов и в сибирских, причем в городах Иркутске, Красноярске, Семипалатинске, Тобольске и Томске повелевалось ввести это Положение немедленно, в прочих же — «в ближайший по возможности срок». Тем не менее, в Иркутске введение нового Городового Положения затянулось до августа 1872 года. Из списков избирателей видно, что право участия в первых избирательных собраниях имели 2 213 обывателей. Из этого числа на собрание *первого разряда* приходилось 50, *второго* — 305 и *третьего* — 1 852. По сословиям избиратели распределялись так: дворян и чиновников — 341, духовных — 50, почетных граждан и купцов — 193, мещан и разночинцев — 1 629. Избирательное собрание первого разряда составилось из 4 дворян и чиновников, 51 почетных граждан и купцов и 1 мещанина. В собраниях второго и третьего разрядов весьма значительное большинство составляли мещане: во 2-м разряде их значилось 131, в 3-м — 1 497.

В выборах гласных на первое четырехлетие участвовало 222 избирателя. Избранные ими по Положению 72 гласных Иркутской городской думы по разрядам и сословиям распределялись так:

*) *Акционер*. 1863 г., №№ 2 и 4. «Иркутские заседания для составления соображений об улучшении городского управления».

	Дворян и чинов- ников	Духов- ных	Купцов и по- томств. почетн. граждан	Мещан и разно- чинц.	ВСЕГО:
По первому разряду	4	2	15	3	24
По второму разряду	10	2	10	2	24
По третьему разряду	4	–	11	9	24
ВСЕГО:	18	4	36	14	72

Из этого видно, что преобладающим элементом в составе новой думы осталось, как и прежде, хотя и в меньшей степени, купеческое сословие (50%), второе место заняли дворяне и чиновники (25%).

Первым городским головой по новому Положению был избран статский советник В. В. Петров¹.

Дума вступила в исполнение своих обязанностей 28 ноября, а управа 7 декабря 1872 года.

В первое же время своей деятельности иркутская городская дума выработала действующую и по сие время инструкцию, как о порядке своих заседаний, так и для руководства действиями городской управы и других органов городского управления. Для составления росписи городских доходов и расходов и вообще для установления порядка ведения финансовых дел города дума в декабре 1872 года избрала *подготовительную комиссию*, в состав которой вошли гласные: Б. А. Милютин, К. А. Антонов, Я. Н. Артемов, В. И. Вагин, П. М. Герасимов, М. В. Загоскин и М. П. Шестунов. В мае 1873 года комиссия эта представила на рассмотрение думы составленную ею роспись² и объяснительный к ней доклад, в котором были подробно изложены положения имущественных дел города и предположения о дальнейшем ведении их. Этот почтенный труд положил основание той системы, которая до последнего времени применялась иркутским

городским управлением к данной отрасли городских дел. В докладе комиссии имеется также много интересных данных для верного представления о том положении, в котором дела эти застала городская реформа. «Известно, — говорит, между прочим, комиссия, — что в прежнее время система нашего городского хозяйства была довольно своеобразна. У нас существовало как бы два сундука, а, следовательно, как бы два бюджета: один — официальный, строго контролировавшийся, вложить в который что-либо или вынуть можно было не иначе, как с надлежащего разрешения; другой сундук, хотя и гласный, состоял в непосредственном распоряжении городского общества, составляя как бы неотъемлемую его собственность. Общество распоряжалось им довольно оригинально: им заведовала та же дума, но только без составления предварительных смет. Расходы разрешались в частных случаях приговорами общества, а отчеты если и представлялись, то контролировались через депутатов общества не особенно строго. Главный способ приращения этих капиталов заключался в раздаче их под векселя, но эта раздача не сопровождалась никакими формальностями, завися в большей части случаев от личного усмотрения первенствовавших в обществе лиц, производилась не всегда осторожно». «Не вдаваясь в рассмотрение законности существования подобного сундука, надо заметить, — говорит далее комиссия, — что существование его, при прежней системе управления, приносило громадную пользу, именно потому, что благодаря ему общество имело возможность умерять слишком притязательные требования, предъявляемые к городу, ссылаясь в сем случае на недостаточность сумм в официальном сундуке, каковой недостаток покрывался так называемой добровольной раскладкой с граждан, с другой же стороны воспособлять городу и в удовлетворении таких потребностей, необходимость которых сознавало само общество и которые на язык теперешнего времени назывались бы *необязательными*.

Существованию этого безгласного сундука город обязан, например, тем, что имеет женскую гимназию, не говоря о других действительно полезных расходах, из него, производившихся. Но, с другой стороны, существование этого отдельного сундука сопряжено было и с некоторыми неудобствами. Понятно, почему движение и обороты так называемых общественных капиталов, благодаря безгласности, слыли не совсем безукоризненными. С изменением системы управления отдельное существование обоих этих сундуков сделалось уже ненужным, а потому дума и определила слить их; благодаря этой мере, город приобрел особые средства, но в то же время на него возложились и определенные обязанности, в виду необходимости исполнения тех условий, при которых образовались те или другие отдельные капиталы. С тем вместе и роспись должна была несколько усложниться включением в нее таких ресурсов и расходов, которых при прежней системе город не знал».

Официально известная часть доходов города Иркутска в 1836 году составляла 77 247 р. ассигнациями, что составляет около 22 тыс. руб. на серебро. Весь этот доход был израсходован полностью, причем большая его часть, около 30 тыс. р. ассигн., истрачена была на содержание полиции и пожарной части. На благотворительные и учебные заведения уделено было всего 1 050 р. ассигн. Двадцать лет спустя, а именно в 1857 году, доходы города составили 25 505 р. сер., расходы — 29 540 р., из них на благотворительные и учебные заведения издержано 1 419 р. Еще через десять лет, в 1867 году доходы достигли 49 028 р., расходы — 49 727 р., расходы на благотворительные и учебные заведения — 2 026 р. В год, предшествовавший введению в Иркутске нового Городового Положения (1871), доходы поступили в сумме 72 595 р. 57¼ к., остаток от 1870 года составлял 24 949 р. 56 к., израсходовано было 66 133 р. 89 к. в том числе на содержание приходских училищ, ремонт занимаемых ими зданий

и содержание параллельного класса при уездном училище — 3 131 р. 23 к. Расход по охранению народного здоровья ограничивался 177 р. 20 к., которые, только в одном 1871 году были уплачены городом повивальным бабкам. Каковы были обороты сумм, поступавших в тот второй сундук, о котором говорит в своем докладе комиссия, как, когда эти суммы поступали и куда расходовались — неизвестно. Если сведения о том когда-либо и имелись, то часть их, относящаяся ко времени 1849–1873 годов вместе с другими делами управы сгорела в пожаре 1879 года. Во всяком случае, такие предметы городских потребностей, как содержание учебных и благотворительных заведений, оказание врачебной помощи и т.п., удовлетворялись из этих *неофициальных* средств. Относительно же *официальных* средств города Иркутска в *дореформенное время* подготовительная комиссия в докладе своем говорит, что они, как и средства всякого другого города, образовывались тогда «из доходов с имуществ, принадлежащих городу и заключавшихся в домах и земле, которыми он владел на праве полной или неполной собственности, и, наконец, из доходов, так сказать, неокладных, размер коих обуславливался большим или меньшим развитием торговли, промышленности и городской жизни вообще. Развитие средств города, как и везде, шло медленнее развития потребностей: последние увеличивались непропорционально средствам; от этого в прошлом выводились постоянно дефициты, покрывавшиеся официально добровольной подпиской, на деле же — позаймствованиями из так называемых общественных капиталов. Не надо забывать при этом, что отправление квартирной повинности в прежнее время производилось отдельно — не из городских средств, а прямым сбором, отчасти с домовладельцев, отчасти же с лиц торгующих, не владеющих движимостью». «Кроме того, — продолжает комиссия, — необходимо иметь в виду, что несоразмерность в развитии средств и потребностей если

и представлялась результатом причин совершенно посторонних, то в этом остается виновато и прежнее управление, которое пренебрегало изыскивать средства к извлечению наибольшего дохода с источников, представляющихся постоянными, и предпочитало, наоборот, увеличивать свое общественное достояние, действуя в сем случае даже в ущерб городу».

Капиталов, принадлежавших городу или находившихся в заведывании городского управления, 1 января числилось и поступило в распоряжение новых городских учреждений 1 886 492 р. 57¼ к.

В составленной подготовительной комиссией росписи на 1873 год расходы города были исчислены в 379 450 р. Сумма эта балансировалась такою же суммой доходов. «Хотя, таким образом, — объясняет в своем докладе комиссия, — цель, по-видимому, достигнута и равновесие в бюджете соблюдено, причем с принятием предположений комиссии город не только удовлетворит обязательные расходы, но с первого же года действия нового порядка управления введет много действительных и насущных улучшений, тем не менее, комиссия не выполнила бы своего долга, если бы старалась, выставляя этот благоприятный результат, ввести им в заблуждение думу. Цель достигнута ничем другим, как расчетом на пополнение долгов и недоимок, — расчетом не совсем верным, — и, наконец, позаимствованием из запасных капиталов до 20 тыс. рублей, что сопряжено с принятием на следующие три росписи обязательного расхода по 7 300 р. в год. Правда, что до 19 тыс. р. из этой суммы предположено употребить на капитальное сооружение, но при этом надо иметь в виду, что у города есть немало таких капитальных расходов, которые по необходимости откладываются. «Комиссия не может не обратить внимания думы, что текущих доходов по росписи исчислено 142 708 р., а одних обязательных расходов — 189 тыс. р., следовательно, текущих средств города на удовлетворение

означенных обыкновенных потребностей не хватает». «Из этого очевидно, — заключает комиссия, — что все заботы городского общественного управления должны быть устремлены на изыскание новых источников дохода, извлечение из существующих ныне, за исключением лишь прямых сборов, возможно большей выгоды и возможную заботливость в производстве расходов».

Дума, рассмотрев роспись, понизила расходный бюджет до 348 т. р.

В следующие затем два года расходы и доходы города по росписям были исчислены:

	На 1874 г.	На 1875 г.
Доходы	253.834 р. 71 к.	210.406 р. 35 к.
Расходы	257.415 р. 56 к.	230.390 р. 45 к.

Дефициты в 1874 году на сумму 3 580 р. 85 к., а в 1875 году на 19 984 р. 10 к. предполагалось покрывать остатками от неисполненных расходов.

В 1876 году кончился срок службы гласных первого четырехлетия нового городского управления. Право участия в выборе гласных на следующий срок имели 1 825 обывателей. Из них в избирательных собраниях участвовали 192. Кандидатов в гласные было предложено 421. Выборы дали в думу 40 гласных из прежнего состава и 32 новоизбранных. Всего более обновился состав гласных от третьего разряда: прежних гласных осталось 10, новых было избрано 14, из коих 11 принадлежали к мещанскому сословию, один к купеческому и двое чиновников. По второму разряду новых гласных вошло 10 и по первому — 8. Купеческий элемент в думе увеличился 3 гласными, благодаря чему в числе 72 гласных купцов на 2-е четырехлетие было 39. Гласных из духовного звания в составе думы второго четырехлетия не было ни одного, число дворян и чиновников с 18 понизилось на 11, мещане и разночинцы вместо 14 заняли 22 места.

Городской голова В. В. Петров до конца четырехлетия не дослужил, его заменил М. И. Пономарев³. На второе и на третье четырехлетия городским головой был избираем потомственный почетный гражданин Д. Д. Демидов⁴, остававшийся в этой должности до 1885 года.

Введение в Иркутске нового Городового Положения совпало со временем наибольшего развития золотопромышленности на Лене, в системах рек Олекмы и Витима. Разработка золота в этой местности началась в 1851 году, в котором там было добыто всего два пуда золота. В 1860 году добыча возросла до 200, а в 1870 году до 612 пудов. В течение семидесятих годов на Ленских приисках ежегодно вырабатывалось от 595 до 928 пудов золота^{*)}. Обстоятельство это имело громадное влияние на развитие торговых оборотов Иркутска и вообще на весь строй его жизни.

Из всех золотоносных систем Восточной Сибири одни только Ленские прииски находятся, в силу своего географического положения, в прямом, непосредственном сношении с Иркутском, который, снабжая их всем нужным, служит местопребыванием их комиссионеров и центром их оборотов. Блистательный результат деятельности нескольких лиц, занявшихся золотопромышленностью на Лене, породил, как это всегда бывает, массу подражателей, и было время, когда все, что в Иркутске имели на то средства, занялись этим делом. Образовался целый ряд новых крупных капиталов, приобретенных если не прямо удачной разработкой золотых приисков, то торговыми операциями по снабжению приисков материалами, припасами и оборотными средствами. Число людей со значительными и даже очень крупными средствами в Иркутске сразу увеличилось. Многие с удовольствием вспоминают это время, говорят, что хорошо тогда жилось в Иркутске: весело, шумно, крупная игра, новый

^{*)} Л. А. Карпинский: «Графическая и цифровая таблица добычи золота в Восточной Сибири». *Известия Вост-Сиб. Отд. Геогр. Общ.*, 1890 г., № 4.

театр, маскарады, балы, вечера, ели и пили много. Правда, Иркутск никогда не знал золотопромышленных оргий других городов Сибири, тридцатых и сороковых годов, — время, нравы, да и люди были другие, — но денег в семидесятых годах в Иркутске действительно тратилось много, что, конечно, многим и на руку было. Зато совсем не весело и не шумно шла в те годы жизнь интеллигентной части иркутского общества. Как и везде в России, так и здесь, недавно еще пережитые шестидесятые годы заменились временем, ничего общего с ними не имевшим. Эпоха графа Муравьева-Амурского и Корсакова, в лучших своих проявлениях, для многих составляла уже воспоминание о добром старом времени. В продолжение целых десяти лет, Иркутск, столица Сибири, как он в особенности тогда многими именовался, не имел ни одного частного органа печати, а неофициальные отделы *Губернских* и *Епархиальных Ведомостей* наполнялись таким материалом, который никого интересовать не мог, и если кем читался, то разве только по обязанности службы. И это было именно тогда, когда из образованных сибиряков нарождались писатели по профессии, искавшие места в печати и применения своих литературных сил, когда Щапов⁵, Шашков, Елисеев⁶, Корсак⁷, Чугунов⁸, Потанин⁹, Ядринцев и др. выступали на литературном, профессорском и учительском поприщах в Европейской России. В 1872–1874 годах несколько пишущих сибиряков пытались присоединиться к казанскому органу *Камско-Волжской Газете*, но газета просуществовала всего два года. В 1874 году у литераторов сибиряков, живших в Петербурге, зародилась мысль о специальном издании, посвященном Сибири. Последствием этого явились, к сожалению, недолго просуществовавший, издававшийся в Петербурге выпусками *Сборник Б.А Милютин**) и в течение 12 лет выходившая в Иркутске газета *Сибирь*. Газета эта была основана в Иркутске

*) *Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных с нею странах*. Спб., 1875 г., т. I три выпуска и т. II один выпуск.

в 1873 году инженером Клиндером и, не имея сотрудников, издаваясь неумело, без всякого плана и направления, влачила жалкое существование. В 1874 году она имела всего 9 подписчиков. Некоторые лица, сочувствовавшие возникновению местной печати, вступили в переговоры с Клиндером об уступке им права издания. Переговоры эти увенчались успехом. Тогда местные писатели выставили редактором-издателем В. И. Вагина и просили принять также участие в редактировании бывшего редактора *Губернских Ведомостей* и *Амура* М. В. Загоскина. Газета сперва печаталась в кредит в местной типографии на пожертвованной бумаге. Но дела ее скоро улучшились, и в течение своего двенадцатилетнего существования она сослужила местному обществу добрую службу обстоятельной разработкой многих существенных в его жизни вопросов. В этот же довольно безотрадный период иркутской общественной жизни здесь, в Иркутске, в нужде, нищете, доживал свои последние дни известный историк, этнограф и публицист, бывший профессор Казанского университета А. П. Щапов. Он умер 27 февраля 1876 года. Теперь на могиле его поставлен памятник с надписью: «Историку Щапову — родина»¹⁰.

Доживал тогда свои последние годы и старый, прежний Иркутск. Пожарами 22 и 24 июня 1879 года уничтожена его лучшая половина. Сгорело 918 дворов, в коих считалось до 4000 разного рода строений каменных и деревянных, по городской оценке на 7557 880 р.; частного имущества и товаров погибло на сумму до двадцати миллионов. Сгорели музей и библиотека с рукописями, принадлежавшими географическому отделу, архивы — губернский, штаба, окружного суда, дела почти всех канцелярий. Погибло от огня и умерло от обжогов — 11 человек*). Ближайшим последствием этого бедствия были недостаток и дороговизна квартир и страшное поднятие цен на

*) Д. Д. Ларионов¹¹: «Губернский город Иркутск, (Пожары 22 и 24 июня 1879 г.)». Иркутск 1880 г.

хлеб и вообще на все жизненные продукты. С первой бедой еще кое-как справились, тем более, что дело было летом, а к зиме несколько пообстроились. Относительно же продовольствия, сменивший уехавшего вскоре после пожара барона Фредерикса¹², генерал-губернатор Анучин¹³, во всеподданнейшем отчете за 1879 год доносил Государю следующее: «Вслед за пожарным бедствием, Иркутску пришлось перенести и страшную дороговизну, до какой достигли цены на все жизненные потребности а, главное — на хлеб. Во время пожаров сгорело большое количество хлебных запасов, заготавливаемых обыкновенно здешними жителями заблаговременно, при более выгодных условиях рынка, в годовой и более пропорции. Вследствие этого немедленно за пожаром нужда в хлебе стала чувствоваться не только для небогатого класса населения, но положительно для всех погорельцев. Это сразу подняло цены, которые быстро пошли в гору, одновременно с получением известий о неурожае хлебов в Иркутской губернии. Хотя, как указывают ныне полученные сведения, хлеба в крае было довольно, но в продаже его не было, и рыночные цены, особенно в Иркутске, доходя до 3 р. 40 к. за пуд ржаной муки, стали сильно озабочивать местную администрацию». «Произвели они, — продолжает начальник края, — вредное влияние и на население. Между жителями стало проявляться неудовольствие против золотопромышленников и особенно против винокуров. Оба эти класса промышленников, обладая значительными капиталами и извлекая из своей производительности доходы, несообразные ни с какими основаниями здоровой экономической науки, не останавливаются в назначении за хлеб высоких цен, какие запрашиваются мелкими кулаками, скупающими по деревням хлеб из первых рук». «К сожалению, Иркутский хлебный магазин гражданского ведомства, наполненный при таких же обстоятельствах сенатором Синельниковым, оказался в 1879 году пустым. Пришлось снова обратиться

к сельским запасным магазинам, из коих и перевезено в Иркутск до 162 т. пудов хлеба. Часть этого хлеба (47 т. пуд.) продавалась неимущим по 90 коп. за пуд, часть (до 10 т. пуд.) уступалась чиновникам гражданских учреждений по 1 р., и 1 р. 20 к, за пуд, а остальной хлеб, всего в количестве до 104 т. пудов, передан был городу и по его распоряжению продавался на рынке по 2 р. 10 к. и 2 р. 20 к. На приобретение этого хлеба и другого, частными покупателями, город затратил 300 716 руб. 82 к., в счет коих от распродажи хлеба возвратил только 283 971 р. 87½ к., т. е. понес убытку 16 744 руб. 94½ коп. Хотя экстренные меры значительно опустошили хлебные запасные магазины, но в свое время они помогли понижению цен, доведя их до 2 р. 60 к. и ниже» *).

Вопрос о продовольствии города, принявший после пожара такой острый характер, по необходимости выдвинул на первый план и тесно связанный с ним вопрос о местном винокурении. Еще до приезда в Иркутск нового начальника края, исправлявший его должность иркутский губернатор Шалашников¹⁴ телеграммой от 12 ноября 1879 года просил министра финансов об ограничении винокурения в губернии запрещением заводчикам дальнейших покупок хлеба и дозволением обращения в выкурку только тех запасов, которые были уже на заводах. О том же ходатайствовала и городская дума, но министр финансов, основываясь на том, что винокурение составляет частное предприятие, ограничить размер его не признал возможным. Выше мы видели, что еще Петр I заботился, чтобы винокурением в Иркутской губернии *«людей не оголодить»*. Генерал-губернатор Синельников упорно боролся против несвоевременного закупа иркутскими винокуренными заводами нужного для прокормления населения хлеба. По его распоряжению, крестьянам запрещено было возить хлеб на заводы до пополнения запасных магазинов, но заводчики умудрялись обходить это распоряжение через

*) Сборник официальных документов по управлению Восточной Сибирью, изданный по распоряжению генерал-губернатора Д. Г. Анучина. Иркутск, 1884 г.

тайных скупщиков и всякого рода махинаций. По ходатайству сенатора Синельникова, постройка в Иркутской губернии новых винокуренных заводов с 1872 года была воспрещена. Но мера эта, не будучи поддержана определением количества выкурки, обратилась в монополию существовавших ранее заводов и только дала им возможность расширить свои обороты и увеличить прибыль от винокурения, вследствие чего в 1875 году запрещение постройки новых заводов было отменено. Прибыв несколько месяцев после пожара на место своего назначения, новый генерал-губернатор Д. Г. Анучин, пораженный тем давлением, которое местные винокуренные заводы оказывали на продовольствие Иркутска и местное население вообще, доносил Государю, что, по его мнению, необходимо возобновить воспрещение постройки в Иркутской губернии новых заводов и одновременно с этим ограничить ежегодное производство уже существующих на половину той средней цифры, которая получится для каждого завода за время курения с зимы 1879 года до весны 1881 года. Ходатайство это он основывал на том соображении, что «в Восточной Сибири винокурение ни в чем не связано с местным хозяйством и явилось занятием капиталистов с единственной целью получения большого барыша. Винокуренные заводчики, — говорит генерал Анучин, сами ничего не производят, а скупают хлеб дорогой ценой, и не из избытков, а из первых ежегодно получаемых запасов, безусловно, необходимых для населения». «В Иркутской губернии семь винокуренных заводов; заводы эти построены в окрестностях Иркутска, по всем ведущим к нему путям перехватывая, так сказать, те хлебные запасы, которые без того тяготели бы к иркутскому рынку. Винокуренные заводы Иркутской губернии могут производить 55 миллионов градусов спирта. Очевидно, количество это необходимо для местного потребления; но разве это значит, что все это количество спирта должно выкурить непременно в окрестностях Иркутска?» —

спрашивает начальник края и затем приходит к заключению, что «казна от уменьшения деятельности здешних заводов не потерпит ничего, потому что недостающий спирт привезут сюда из других мест»^{*)}). Но именно против этого, местные заводчики в течение многих лет напрягали все усилия и путем всякого рода соглашений и мероприятий вытесняли с иркутского рынка томский и енисейский спирт.

Как только спирт этот появлялся в Иркутске, местные заводчики и складчики его немедленно весь покупали и, распределив между собой, пускали его в продажу только вместе со своим. Овладев иркутским винным рынком, они довели здесь цену плохого вина до 10 и 12 рублей за ведро, а вслед за пожаром повысили ее до 37½ коп. за градус, что на ведро полугара в 40° составляет 15 руб. Насколько генерал-губернатор Анучин был прав, говоря, что «свобода винокурения, приносящая здесь выгоду нескольким лицам, положительно вредна для населения»^{**)}), лучше всего видно из того, что отстоящий в 80 верстах от Иркутска самый крупный в Восточной Сибири Ново-Александровский винокуренный завод, всегда дававший своим владельцам громадный дивиденд, в бедственный для Иркутска, вследствие пожара, и для всей губернии, вследствие неурожая, год превзошел все остальные годы и дал 323 685 р. чистой пользы^{***)}). К сожалению, министерство финансов, по-прежнему не находя возможным ограничить в Иркутской губернии винокурение, отклонило ходатайство о том генерал-губернатора, и эта отрасль промышленности и до сего времени, в особенности в неурожайные годы, продолжает служить одной из главных помех к правильному и выгодному для жителей разрешению вопроса о продовольствии Иркутска; а между тем вопрос этот, в силу

^{*)} Сборник официальных документов по управлению Восточной Сибирью, изданный по распоряжению генерал-губернатора Д. Г. Анучина. Иркутск, 1884 г.

^{**)} Там же.

^{***)} По сведениям бывшей администрации над делами бр. Бутиных.

местных условий, и в деле городского хозяйства, и в жизненном обиходе городского населения один из самых существенных, уже не раз требовавший больших забот и трудов от городского управления и немалых издержек от города.

Иркутский пожар принес большую выгоду не одним только винокурным заводчикам. Он поднял цены на все, и «местная фабричная и заводская промышленности, — говорит г. Ларионов в своем обстоятельном исследовании, — если и потеряли в огне и от порчи часть своих произведений, в своих сгоревших в Иркутске складах или лавках, то вскоре со сторицей возвратили все свои убытки, с излишком возвысив цены на сохраненные от пожара остатки своих изделий и от увеличения производств на фабриках и заводах». Так, например, владельцы Николаевского железоделательного завода братья Бутины, поплатившись сгоревшим в пожаре зданием их железного склада, что составило убыток в 10 т. руб., возмещенный к тому же страховым обществом, получили от того же склада, вследствие увеличившегося спроса на железо и поднятия цен на него, 205 165 руб. чистой прибыли, что составляет такую сумму, до которой прибыль этого склада ни раньше, ни после не доходила *).

Зато, не говоря уже о погорельцах, из коих у многих погибло все достояние, а что осталось — тратилось на обзаведение предметами первой необходимости, при страшной дороговизне на них, не говоря о менее состоятельной части населения города, хотя бы и не погоревшей, но которая при своих скудных средствах должна была платить за все втридорога, последствия пожара крайне тяжело отразились на сельском населении губернии. Необходимость обеспечить город хлебом вынуждала администрацию, как выше было объяснено, передвинуть его из сельских экономических магазинов в количестве около 150 т. пудов, что, конечно, не могло не истощить сельских запасов,

*) По сведениям бывшей администрации над делами бр. Бутиных.

обеспечивавших яровые и озимые посевы ссудами, выдаваемыми земледельцам, и в летнее страдное время пропитывавших недостаточных из них. Для пополнения этих магазинов поневоле должны были прибегнуть к самым настойчивым мерам по взысканию хлебных недоимок, а это повело к тому, что во всей губернии удвоились не только цены на хлеб, но и на все продукты. Жители отдаленных местностей, занимающиеся исключительно одним только хлебопашеством и не имеющие рынков для сбыта предметов побочной сельской промышленности, как то: продуктов огородничества, молочного хозяйства, дров, угля, леса, сена и др., остались и без хлеба, и без денег. К этому присоединился закуп хлеба на золотые прииски, платившие какие бы то ни было цены, лишь бы иметь хлеб; на Илгинских *) пристанях цена на хлеб со сплавом его весной на резиденции **) дошла до 5 руб. за пуд. Крестьяне, по необходимости, для пропитания прятали хлеб и в магазины старались засыпать возможно меньше, вследствие чего магазины оказались несостоятельными не только пропитать нуждавшееся население, но и обсеменить поля. В Иркутском округе волости Оёкская и Уриковская ходатайствовали даже об уступке им части доставленного городу из Забайкалья хлеба, так как им на весенние посевы не хватало более 5 тыс. четвертей, а крестьяне ближайших к городу деревень покупали хлеб на городском рынке ***).

Учрежденным по призрению погорельцев комитетом было собрано пожертвований на 297 075 р. 63 коп. Большая часть этой суммы, 237 379 р. 78 коп., была роздана погорельцам, сообразно понесенным ими убыткам и большей или меньшей степени нужды; для этого они были разделены на 5 разрядов. Первый раз-

*) Илга — один из притоков Лены.

**) Резиденциями называются места нахождения центральных управлений и складов приисков данной местности.

***) *Д. Д. Ларионов*: «Губернский город Иркутск (Пожары 22 и 24 июня 1879 г.)». Иркутск, 1880 г.

ряд получил 25% пожарных убытков, второй — 20, третий — 15, четвертый — 10 и пятый — 5%. Чиновники от своих министерств получили пособий на 136 392 р. 85 к. Страховые общества довольно скоро произвели расчеты и выдали страховые премии. В городе появилась масса денег и с августа началась уже стройка. Работа кипела, быстро выросли временные магазины и лавки на площадях, особенно на Хлебной кругом всей площади, а тем временем отстраивались новые постоянные помещения и возобновлялись старые; товары подходили спешными транспортами, а более нужные на почтовых; возникали новые фирмы, объявлялись заманчивые распродажи в виду будто бы ликвидации дел. Торговля так оживилась, что в зиму 1879–1880 годов превзошла все ожидания, и не только в Иркутске, но и на Верхнеудинской ярмарке. Требование на строительный материал, мастеровых и рабочих явилось страшное. Цены на строевой лес, камень, кирпич поднялись непомерно: бревно средних размеров стоило 4 руб., кирпич стеной 25 руб. 30 к., а печной до 60 руб. за тысячу; плотники получали по 2 р. 50 к. в день, каменщики 3 р. и больше, чернорабочие 1 р. 60 к., женщины 1 р. и 1 р. 20 к., подростки 40–60 коп. Рабочие приходили отовсюду и все-таки их было недостаточно, что вело к возвышению платы, требовательности, неаккуратности и небрежливости денег: рабочий пил, сорил деньгами, не гонялся за прогульным днем и ни во что не ставил 8 коп., платившиеся им за фунт печеного хлеба. То же происходило и в высших слоях населения: все те, кому деньги доставались легко, веселились и жили так, как прежде не жили. Денег в обращении было много, помимо указанных выше источников их появления; это было время, когда золотопромышленность на Лене находилась в апогее своего развития и денег не щадили. Среди кучи обгорелых развалин возвышался уцелевший театр, представления, сформированные из любителей труппы, сменялись маскарадами, дела антрепренера шли блистательно,

устраиались базары, маскарады, спектакли с благотворительными целями; вина пили много, хотя и стоило оно втридорога. Словом, жили *вовсю*. Но, рядом с таким шумным процветанием части городского населения, положение другой, большей и беднейшей части его становилось только тяжелее и безотраднее. Население, существовавшее домашним хозяйством или каким-либо мелким ручным промыслом, содержанием столующихся квартирантов, службой, письмоводством, пенсией и т. п., и не имевшее работников, которые доставляли бы средства посторонними заработками, находилось в безотратно-бедственном положении, а таких по переписи 1875 года насчитывалось в городе более 11 тыс. душ. Вдовы, сироты, старики, люди неспособные к труду ежедневно наполняли канцелярию губернатора, городскую управу и толпами стояли у губернаторского дома, прося помощи: записку на хлеб, денег хоть на дневное пропитание, не говоря уже о более крупном вспомоществовании, которое терпеливо ожидалось, пока шла необходимая бумажная процедура выправки свидетельств, удостоверений и прочих документов о сгоревшем имуществе, бесприютности и т. п.^{*}).

Для определения положения погоревшего города, как относительно численности и состава его, так и относительно размещения жителей, губернским статистическим комитетом, по предложению и. д. начальника края, 22 октября 1879 года была произведена однодневная перепись. В результате переписи оказалось, что население после пожаров не уменьшилось. Всех жителей было насчитано 33 800 чел., из коих 18 278 муж. пола и 15 522 жен. пола. Дворовых мест оказалось 3 068^{**}). Отстройка города шла быстро. С 4 июля, т. е. через две недели после пожаров, стали поступать на утверждение планы для возведения новых и отстройки обгоревших строений. Всего с 4 июля

^{*}) Д. Д. Ларионов: «Губернский город Иркутск (Пожары 22 и 24 июня 1879 г.)». Иркутск 1880 г.

^{**}) «Обзор Иркутской губернии». 1884 г.

1879 года и по 13 ноября 1880 года выдано было разным лицам 530 планов. По этим планам разрешено было вновь выстроить 986 строений и отстроить 25 обгоревших каменных зданий. К концу 1880 года, т. е. через полтора года после пожара, четверть сгоревшей части города была вновь отстроена. Затем по переписи, произведенной 15 января 1884 года, домов в Иркутске оказалось 5 729 и население его было исчислено в 36 117 душ об. пола. К концу 1888 года оно, по сведениям губернского статистического комитета, возросло до 47 407 д., из коих 26 755 м. п. и 20 652 ж. п. В настоящее время население Иркутска можно считать в 50 тыс. *) Следы пожара почти совсем исчезли. Появилось значительно более каменных зданий; улицы центральной части города: Большая, Амурская, Тихвинская, Пестеревская и Ивановская — сплошь ими застроены, — дума деревянных построек на этих улицах, безусловно, не разрешает; несколько улиц после пожара расширены; внешний вид города стал красивее. Большим украшением города служит многочисленность его церквей. В этом отношении Иркутск может гордиться даже перед Москвой. В Иркутске в настоящее время 14 приходов, кроме того строятся новый собор и две церкви, почти уже конченные. При 17 церквях на 50 тыс. жителей, на каждый приход придется всего 2 948 жителей; в Москве, где при миллионном населении имеется 256 приходов, на каждый из них приходится 3 600 душ. И надо отдать справедливость иркутскому духовенству: вверенные его попечению храмы содержатся в образцовом порядке, невольно обращающем на себя внимание всех приезжих. Из церквей иностранных вероисповеданий в Иркутске имеется римско-католическая, евангелическо-лютеранская и еврейский молитвенный дом.

В противоположность многим другим городам, Иркутск беден казенными зданиями присутственных мест. За малым

*) *Иркутские Губ. Вед.* (1890 г., № 20) определяют Иркутску среди русских городиц, считая, в том числе, и столицу, 34-е место.

исключением, все они помещаются в наемных домах города. Самые большие и лучшие по внешности здания в Иркутске принадлежат учебным и благотворительным заведениям. Институт¹⁵, сиропитательный дом, промышленное училище, мужская и женская гимназии, воспитательный дом, училище Антонины Кладицевой, Кузнецовская больница, здание, занимаемое приютом благотворительного общества, новые здания народных училищ, духовная семинария, музей Географического Общества — вот, несомненно, казовая¹⁶ часть города, в общей своей массе далеко оставляющая за собой как казенные и общественные здания, так равно и жилища наиболее состоятельных лиц. Иркутск настоящего времени может по справедливости быть назван городом благотворительных и учебных заведений. Что касается последних, то о них мы будем говорить более подробно в посвященной им главе, теперь же укажем, что в очень тесной с ними связи находятся и действующие в городе учреждения филантропические. Связь эта обуславливается тем, что как те, так и другие основывались исключительно на пожертвования частных лиц, а при этом весьма понятно, что и учебным заведениям, как например сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой, ремесленно-воспитательное заведение Н. П. Трапезникова, придан был филантропический характер, — главной их целью поставлено воспитание и обучение неимущих. К разряду учреждений исключительно филантропических следует отнести иркутское благотворительное общество, имеющее детский приют, дешевую столовую и богадельню. Кроме центрального управления, состоящего из комитета и общих собраний, оно разветвляется на приходские попечительства. Заботы о материальном положении учащихся взяло на себя Общество оказания помощи учащимся в Восточной Сибири, круг деятельности которого, как видно из его наименования, не ограничивается одним Иркутском, но охватывает всю Восточную

Сибирь. Восточно-Сибирское отделение Общества Красного Креста основало в Иркутске Мариинскую общину сестер милосердия. Переселенческий комитет оказывает помощь проходящим через Иркутск переселенцам. Призрению детей посвящены Александровский и Мариинский приюты и воспитательный дом И. И. Базанова. Для бедствующих взрослых в Иркутске имеется дом для бедных Сибирякова, ночлежный дом, содержимый на средства народа, богадельни А. Трапезникова, А. Н. Портновой и Лаврентьева. Для оказания врачебной помощи неимущему населению служат Кузнецовская гражданская больница, с отделением для умалишенных, Солдатовская больница и Михеевская лечебница для проходящих с состоящей при ней аптекой. В непродолжительном времени число иркутских благотворительных учреждений значительно увеличится: наследники Базанова заканчивают постройку детской больницы; скончавшаяся в прошлом году А. Н. Портнова¹⁷ и Е. И. Хаминова¹⁸ оставили: первая — 345 т. руб. на устройство дома вдов и сирот, а вторая — городскую усадьбу и 50 т. руб. на устройство детского приюта. В распоряжении иркутского приказа общественного призрения имеется капитал около 20 т. руб., завещанный покойным П. Г. Катъшевцевым¹⁹ на учреждение в Иркутске заведения для слепых. На 1 января 1891 года в распоряжении иркутского городского управления находились следующие благотворительные капиталы:

Солдатовской больницы	79 236 р. 05 к.
Дома призр. бедн. М. А. Сибирякова	159 361 р. 74¼ к.
Общий благотворительный	50 572 р. 61 к.
И. И. Базанова	92 019 р. 98¼ к.
П. С. Трапезниковой	45 689 р. 68 к.
А. И. Оборина	1 142 р. 61 к.
М. А. Сибирякова	9 747 р. 51½ к.
И. Н. Трапезникова	2 252 248 р. 94 к.

А. К. Трапезникова	32 973 р. 25 к
О. Ф. Мыльникова	1 200 р. 00 к.
Всего:	2 734 992 р. 38 к.

К капиталам этим, по назначению своему обнимающим самые разнообразные отрасли благотворения, весьма близко подходят также находящийся в распоряжении городского управления капитал ремесленно-воспитательного заведения Н. П. Трапезникова в 829 306 руб. 7 коп. и капитал Медведниковского банка, свыше 1 300 000 руб., составляющий, как было уже сказано, достояние сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой.

Если все эти учреждения и капиталы сопоставить с числом жителей в Иркутске, придется признать, что в отношении благотворительных средств Иркутск стоит среди русских городов чуть ли не на первом месте. Он составляет $\frac{1}{2}_0$ часть Москвы; если же сосчитать средства всех его благотворительных учреждений, то сумма их составит не менее 6 миллионов. При таком соотношении Москва для равенства должна была бы иметь 120 миллионов, но ее филантропические учреждения такими средствами не располагают. Но кому много дано, от того можно, а в данном деле даже и должно, требовать многого. Удовлетворяют ли, как и насколько иркутские благотворительные учреждения насущные потребности нуждающейся части населения? Чтоб обстоятельно ответить на этот вопрос, который всякий, в виду вышеизложенного, вправе поставить, необходимо обстоятельно изучить, исследовать не только деятельность этих учреждений, но и те условия, при которых им приходится действовать и выполнять свое назначение. Это, конечно, далеко вышло бы за пределы нашего очерка, к тому же надо сказать, что имеющиеся пока для того данные, по своей неполноте и отрывочности, слишком недостаточны. Это последнее обстоятельство не особенность Иркутска, — это, как известно, слабая сторона всех действующих у нас в России благотворительных учреждений.

Не вдаваясь поэтому в подробности, мы можем указать, что четыре года тому назад иркутское благотворительное общество, побуждаемое его председательницей графиней С. С. Игнатьевой, проявило необыкновенно-кипучую деятельность: собирались собрания, устраивались совещания, выработывался новый устав, открывались приходские попечительства, печатались и расклеивались по городу воззвания к жителям, приглашавшие всех и каждого к содействию обществу, к оказанию помощи неимущим. И вот в одном из таких воззваний, напечатанном как сказано в нем, по постановлению распорядительного комитета иркутского благотворительного общества, состоявшегося 12 ноября 1887 года, мы читаем: «Вопрос о положении нищенства и облегчении крайнего положения бедняков в городе Иркутске, составляя постоянную заботу распорядительного комитета благотворительного общества, не сходит с программы его занятий. Еще в конце прошлого 1886 года комитет пришел к убеждению, что для упомянутых целей недостаточно сил отдельного, в сущности незначительного, случайного кружка лиц, предающаяся благотворительности, но для этого необходимо постоянное, действительное участие всего населения в систематически организованном порядке». — «Только при всеобщих жертвах и усилиях можно будет избавиться с улиц города от бедных и нищих, коих жалкий вид и шатательство делают упрек здешнему обществу». Берем это как свидетельство, что вопрос о рациональной помощи бедствующему люду в Иркутске еще далеко не разрешен, и, не входя в рассмотрение, к чему привели столь широко задуманные иркутским благотворительным обществом попытки к его разрешению, мы смело утверждаем, что центр тяжести этого вопроса — там, где, как в Иркутске, имеются для разрешения его обильные материальные средства, именно — в самой организации дела. Участие в нем возможно большего числа лиц, конечно, желательно, но не думаем, чтобы

необходимым условием успеха деятельности местных благотворительных учреждений было *постоянное, действительное участие в деле благотворения всего населения*. Мы думаем, что будет ближе к цели, более выполнима, более плодотворна *правильно сплоченная организация деятельности не населения, а тех учреждений, которым население это вверило и средства и заботу об этом деле*.

Как бы Иркутск не был богат учреждениями, предназначенными на помощь ближнему, благая цель этого желанного, трудного, ответственного перед Богом и людьми дела достижима только при такой сплоченной, взаимно-дополняющей и осмотрительной деятельности этих учреждений. Только при этом условии они могут оказывать *действительную помощь действительно нуждающейся части населения*, прочно ставить на ноги взятых ими на свое попечение людей и рассчитывать на плодотворность своей деятельности и полезность своих трат. Дело благотворения не так просто, как быть может с первого взгляда кажется. Недостаточно *желать* помогать людям и иметь *на то средства*, но надо уметь это делать. Уменьше это дается нелегко, для обретения его недостаточно единичных усилий отдельных лиц и хотя бы многочисленных и большими средствами располагающих, но разрозненных, врозь действующих учреждений, — *необходима совместная выработка приемов и системы благотворения*. Помощь случайная и необдуманная вносит лишнюю, бесполезную, часто вредную смуту и в без того надорванную, расшатанную жизнь бедняка. Нужда нужду тянет; нужда каждого члена семьи отражается на всей семье. Помогая одной части семьи и оставляя другую в беде, восстанавливать семью, упрочить ее нормальное положение, т. е. достигнуть того, к чему собственно и должна стремиться правильно понятая благотворительность, немислимо. Тут-то и необходима стройная, последовательная организация местных благотвори-

тельных учреждений, целесообразное, взаимно дополняющее распределение оказываемой ими помощи, совместная работа этих учреждений. Этого в данное время не в одном только Иркутске, но и в столицах еще нет, а между тем вопрос этот занимает, и не может не занимать, всех, кто, с искренним желанием добра нуждающемуся люду, входит в соприкосновение с делами благотворительных учреждений. Разрешение этого насущного вопроса — дело будущего, и дай Бог, чтобы это было не далекое будущее.

Говоря о помощи неимущей части населения, нельзя пройти молчанием, что в этом отношении интересы города тесно связаны с потребностями окрестного сельского населения. Сконцентрированность в городе благотворительных учреждений и состоятельных людей, оказывающих помощь неимущим, неизбежно стягивает в город массу обездоленного сельского населения. В этом отношении сибирские города поставлены ссылкой еще в худшее положение, чем города Европейской России, не знающие этой язвы. Несомненно, что весьма часто только город в своих учреждениях может оказать помощь, особенно в случаях, так сказать, *специализированной* нужды: лечением сложных и хронических болезней, психически-больных, призреванием лишенных зрения, обучением глухонемых и т. п.; но, с другой стороны, деревня может и должна служить как местом нахождения большинства этих устраиваемых городом учреждений, так в особенности местом призревания и оздоровления всего, что для жизни в городе оказалось слишком слабым. Не в городе, а в деревне лучшее место и для приютов, и для богаделен. *Иркутские Губернские Ведомости*, обсуждавшие в прошлом году вопрос о призерении покинутых детей, имели полное основание прийти к выводу, что воспитание в деревне, в крестьянских семьях, физически для того подготовленных и не имеющих семьи, пристанища и крова детей и затем пере-

ход их в среду крестьян-земледельцев, с причислением к сельским обществам и получением надела, есть лучший, надежнейший для этих детей якорь спасения, и тот выход, к которому, рано или поздно, должны будут прибегнуть все учреждения, занимающиеся призрением покинутых детей. «Все слабое, не могущее должным образом приспособиться к городской жизни, бедствующее в городе детское население, — справедливо говорит местный официальный орган, — должно быть изъято из города, укреплено и на всю жизнь упрочено деревней. Затрачивая ежегодно не менее ста, двухсот, трехсот, а то и более рублей на каждого ребенка, городские приюты выпускают обыкновенно ни к чему надлежащим образом не подготовленных белоручек, дальнейшая судьба которых дает обильную пищу доводам противников общественной и частной благотворительности. «Но нам не раз приходилось слышать, — продолжают *Губернские Ведомости*, — что систематическим обращением в земледельцев бедствующих, нуждающихся в призрении детей будет закрыт способнейшим из них доступ к науке, знанию и более высоким общественным сферам. Но мало ли теперь детей крестьян получающих высшее образование? Вполне уверены мы, что число их будет расти, и искренне этого желаем. Энергии, уму, действительному, а не воображаемому таланту принадлежность к крестьянскому сословию дороги не закрывает, детям же обездоленным, обессиленным городом сближение с деревней, прикосновение к земле — способно только влить новые силы. Если же силы относительно слабые и способности заурядные прикреплением к земле, обращением их к труду земледельческому и будут лишены простора для тщетных и вредных для них потуг и исканий в других сферах, то тем лучше: России вообще, а Сибири в особенности земледелец нужнее разночинца, торгоша и подьячего» *).

*) *Иркутские Губернские Ведомости*, 1890 г., № 30.

Не подлежит также сомнению, что всякое содействие иркутских благотворительных учреждений в оказании помощи нуждающимся сельским жителям пригородного района там, у них на месте, окажет большую пользу городу: уменьшится наплыв в него шатающегося и нищенствующего пролетариата, помощь которому, в смысле содержания наиболее нуждающихся, обходится в городе много дороже, чем она может обойтись в деревне. Еще менее может быть сомнения в том, что отмена ссылки на половину, если не больше, облегчила бы задачи местных благотворительных учреждений.

Все это вместе взятое дает право предполагать, что очередными вопросами в сфере благотворительной деятельности иркутского общества в настоящее время должны служить *установление взаимодействия между ее многочисленными и богатыми средствами филантропическими учреждениями и упрочение в деле оказания помощи неимущим, солидарности между городом и окружным сельским населением*. Устройство съезда для общего совещания представителей местных благотворительных учреждений, предшествуемое обстоятельным изучением их деятельности и условий, среди которых она проявляется, а равно нужд и условий жизни нуждающейся части местного населения, было бы первым и, надо полагать, не только полезным, но и необходимым шагом к удачному разрешению этих существенных для местного общества вопросов.

От дел и вопросов, порождаемых альтруистическими свойствами и побуждениями человека, приходится перейти к той отрасли деятельности и потребностей иркутского, как и всякого другого общества, в применение к которым, эгоистические инстинкты и наклонности получают самое широкое применение к местной торговле и промышленности.

По разнообразию предметов торговли Иркутск далеко превосходит все сибирские города. Находясь на пути к Кяхте

и к китайской границе, он и своими капиталами, и в качестве транзитного пункта принимает значительное участие в русско-китайской торговле. Но сам по себе Иркутск все, что нужно для жизни, все почти мануфактурные и фабричные изделия получает из Европейской России. Местная фабричная и заводская промышленность, несмотря на то, что отдаленность Иркутской губернии от торговых и промышленных центров Европейской России могла бы побудить население к обработке естественных богатств края, развита слабо и далеко не удовлетворяет местного спроса. Причины такого состояния местной обрабатывающей промышленности лежат в малочисленности населения, дороговизне рук, в отсутствии профессионального знания в рабочем классе и, наконец, в том, что торговые предприятия, не требующие знаний и не столь рискованные, и золотопромышленность, обещающая богатую и быструю наживу, значительно более приманивают к себе и руки и капиталы. В этом отношении Сибирь вообще и Иркутск в частности мало двинулись вперед с того времени, как в 1835 году некоторые сибирские города на запрос гр. Канкрин²⁰ отвечали, что главным препятствием к развитию в крае промышленности они признают: «1) отсутствие в крае знающих капиталистов для учреждения фабрик и заводов и 2) отсутствие знающих мастеров». Вследствие крайне слабого развития местной промышленности, Иркутск является одним из весьма крупных потребителей московских товаров и фабричных изделий Европейской России. Весь идущий в него товар закупается и принимается в Москве и Нижнем, где иркутские торговцы пользуются долгосрочным кредитом — на 12, 18, иногда на 24 месяца. Закупка большей части товаров производится по необходимости раз в год, летом, дабы иметь возможность доставить товар до Томска водой. Затем в Томске товар, назначенный для Восточной Сибири, лежит до зимнего пути, так как летняя доставка обходится настолько

дорого, что немногие товары ее выдерживают. При такой смешанной, навигационно-зимней, доставке на провоз от Москвы до Иркутска тратится около полугода времени и от четырех до семи рублей на пуд. Кроме того, необходимость закупа товаров сразу на целый год ставит здешних торговцев в большое затруднение относительно определения количества и ассортимента требующегося им товара и ведет очень часто к тому, что именно нужного и почему-либо хорошо сбывающегося товара у них или вовсе не оказывается, или имеется в недостаточном количестве; припасенное же, сообразно требованию предшествовавших лет, не сбывается, залеживается и подвергается порче. Местами сбыта привезенного в Иркутск товара, помимо городской торговли, служат золотые прииски, Верхнеудинская ярмарка, Якутск, окружные города и все более или менее крупные селения. Торговцы этих мест, в свою очередь, берут у иркутян товар в кредит, на векселя, которые учитываются в иркутских банках и у частных лиц, занимающихся дисконтом, Несколько лет таких оборотов дают блестящие наружные результаты: фирма, по-видимому, процветает, кредит ее растет, торговля расширяется, представитель фирмы живет в полное удовольствие, бухгалтерия указывает не только на крупный заработок, но и на быстрый рост находящегося в деле капитала. Беда только в том, что капитал этот, созданный обыкновенно из ничего, выросший на кредите и оборотливости, целиком состоит из залежавшегося, нераспроданного, не идущего с рук товара и мало надежных векселей, рассеянных на громадном пространстве мелких торговых фирм. Несколько неуплат этих сподручников, недобросовестность или неумелость московского комиссионера, чересчур большая бесцеремонность московских товародателей при отпуске товара, порча его в пути, недосмотр дома, злоупотребления своих служащих, появление на рынке нового конкурента и хрупкое по своей постановке дело

близится к развязке, падению, наличный товар распродается по-чем попало и кредиторам предлагается сделка. Этим избитым, общим путем не идут те немногие фирмы, которые ведут дело на свой капитал или те, у которых торговля привозным товаром составляет побочную отрасль дел, поддерживаемую наживой на других предприятиях, как золотопромышленность, дисконт векселей, подряды, поставки и т.п. При этом надо заметить, что старого, родовитого иркутского купечества более не существует. От тех именитых граждан, тех предприимчивых и крупных капиталистов, о которых говорил Щапов, как о людях державших некогда в своих руках чуть не всю Сибирь, вступавших в борьбу с правителями, боровшихся с Пестелем и Трескиным, смотревших на Иркутск и Сибирь как на свое достояние, в настоящее время осталось одно только воспоминание, сохранившееся, главным образом, в названиях улиц. Потомки их или по-вымерли, или давно и навсегда покинули Иркутск. Нынешние иркутские капиталисты и торговцы — люди новые, выдвинутые или золотопромышленностью, или каким-либо иным случайным и удачным для них оборотом дел.

Первое по ценности место в числе привозимых в Иркутск товаров принадлежит галантерейным, затем следуют товары мануфактурный, кожевенный, железный и другой металлический, колониальный, москательный, бакалейный и виноградные вина. Из продуктов местной производительности из Иркутска и Иркутской губернии вывозятся в Якутскую и Забайкальскую области: хлеб, спирт, кожи, железо, стекло, сукно, пиво, табак, табачные и фарфоровые изделия; последние идут также и в Енисейскую губернию.

Во второй половине декабря и начале января в Иркутске бывает довольно значительная ярмарка. К этому времени приходят товары из Москвы, Нижнего и Томска и съезжаются в Иркутск золотопромышленники с Ленских и Забайкальских приисков

и торговцы забайкальские и якутские. Значительная часть товаров иркутскими торговыми фирмами отправляется в начале января на Верхнеудинскую ярмарку. Торговля с Приленским краем начинается с открытием навигации в первых числах мая. В торговом отношении декабрь и январь — самое оживленное время в Иркутске, но для большинства жителей ярмарка проходит не особенно заметно. В настоящее время она не имеет даже особого места в городе, и ярмарочная торговля производится в тех же лавках и магазинах, в которых местные купцы торгуют и в остальное время. Ярмарочное оживление замечается в декабре месяц только на базарных площадях Иркутска: здесь на несколько дней появляются столы и балаганы преимущественно для торговли маслом, сальными свечами, мылом и рыбой, привозимыми к этому времени из Томска.

Обыкновенные базары бывают в Иркутске на трех площадях — Хлебной, Мелочной и Сенной. На эти базары крестьяне из окрестностей города привозят муку ржаную и пшеничную и другие съестные припасы из сельского хозяйства и охоты, а также овес, сено, дрова, уголь, деготь, бондарные изделия, мясо и пригоняют мелкий домашний скот.

Значительных ремесленных заведений в Иркутске немного. Обыкновенно работает один хозяин, мастер с двумя — тремя рабочими и учениками. Лучшие в городе ремесленные заведения принадлежат преимущественно ссыльным полякам и вообще ссыльным. Из местных производств главнейшим является изготовление бобровых шапок, которые отправляются партиями даже в Томск и Ирбит. В Глазковском предместье многие обыватели занимаются плетением пеньковых сетей для рыбной ловли и выделкой канатов. Характер этих производств кустарный. Увязка чайных ящиков также может быть отнесена к числу специальных видов ручного труда, распространенного среди иркутских мещан. Из рукодельных промыслов, составляющих

специальность женщин, можно указать на золотошвейные работы в Знаменском женском монастыре, плетение кружев в Знаменском предместье и на занятия так называемых базарниц, которые шьют белье для рабочего класса, вяжут шарфы, подбирают беличьи меха, ткнут кушаки, известные под названием иркутских, и вместе торгуют на базаре.

Земледелием жители Иркутска почти вовсе не занимаются. Из промыслов между иркутскими купцами и городскими казаками более всего развито рыболовство. Иркутские рыбопромышленники ловят рыбу не на водах Иркутской губернии, а на озере Байкал и преимущественно в устьях рек Селенги, Баргузина и Верхней Ангары, протекающих по Забайкальской области и впадающих в озеро с восточной стороны. В Нижней Ангаре рыба не вкусна вследствие каменистого ложа реки, и потому ее ловят здесь мало. С открытием весенней навигации по Байкалу в Иркутске снаряжается целая флотилия судов, стоявших зиму в городе, с рабочими людьми, с запасами для них и солью для засола рыбы. Нанимаются на этот промысел не только мужчины, но отчасти и женщины, и не столько из горожан, сколько из ссыльнопоселенцев. В эти рыбопромышленные партии, носящие название «ангарщины²¹», поступает ежегодно до 1 500 человек. Главный род добываемой рыбы — омуль, любимая пища здешнего населения. Осенний улов омуля считается лучшим. Для ловли употребляют пеньковые невода, изготовляемые, как сказано выше, в Глазковском предместье. Возвращаются суда с ловель частью в конце августа, а частью поздней осенью, с соленой рыбой, и икрой в бочках. По сведениям иркутского статистического комитета, промысел этот в 1888 году производился двенадцатью иркутскими рыбопромышленными фирмами, несколькими бурятами и верхнеангарскими тунгусами на 12 парусных судах, от 8 до 12 саж. длиной, с 66 неводами, причем было добыто около 3 500 бочек

омулей, 112 бочонков икры и 560 пудов жиру, всего на сумму 206 750 руб. Обычное осеннее возвращение в Иркутск бездомной «ангарщины» — самое хлопотливое время для городской полиции.

По сведениям, доставленным иркутской торговой депутацией, в 1889 году в Иркутске было:

	Годовой оборот
Складов: лесных	11 65 000 руб.
» винных	10 208 000 руб.
» железных изделий	1 300 000 руб.
Заводов: водочных	3 180 000 руб.
» лесопильных	2 13 000 руб.
» мукомольных	2 20 000 руб.
» пивоваренных	2 20 000 руб.
» дрожжевых	1 10 000 руб.
Фабрик: спичечная	1 10 000 руб.
» табачная	1 80 000 руб.
Магазинов	20 83 000 руб.
Лавок	210 3 544 600 руб.
Мелочных (домовых) лавок	210 831 000 руб.
Балаганов, ларей, столов	193 248 000 руб.
Открытых мест для торговли	15 5 000 руб.
Трактирных заведений, гостиниц, харчевен, буфетов, постоянных дворов, ренсковых погребов, питейных заведений	150 865 400 руб.
Всякого рода других торговых, промышленных и ремесленных заведений	109 771 200 руб.
Всего заведений:	941
с оборотом на сумму: 7 974 700 руб.

Между тем в предшествующие три года оборот этот представлял следующие суммы:

в 1886 году	12 826 165 руб.
в 1887	10 913 400 руб.
в 1888	9 934 100 руб.

Из этого видно, что в течение последних лет торговля в Иркутске значительно упала. Явление это объясняется, главным образом, упадком золотопромышленности на Лене и в Забайкальской области, а также ввозом товаров в Приамурский край и Забайкальскую область морским путем. В 1880 году на Ленских приисках было добыто 939 пудов золота, — это была самая крупная годовая добыча за все время разработки этих приисков. С этого года количество намываемого на них золота заметно понижается.

В последние годы на Олекме и Витиме было добыто: в 1886 году — 466, в 1887 году — 458, в 1888 году — 466 и в 1889 году — 487 пуд. То же явление замечается и на Забайкальских приисках, где с 309 пудов, намываемых в 1882 году, добыча золота постепенно, из года в год, понижаясь, упала в 1888 году до 99 пудов^{*)}).

Столь значительное сокращение торговых и золотопромышленных дел отразилось и на оборотах трех действующих в Иркутске кредитных учреждений: Медведниковского и отделений Государственного и Сибирского банков. Управляющий последним, г. Шестакович²², в конце прошлого года прочел в отделе Географического Общества весьма интересный доклад о торговом значении Иркутска за истекшие 17 лет. В докладе своем г. Шестакович указывал, что из всего числа векселедателей, обращавшихся в течение последних семнадцати лет к местным банкам, на долю Иркутска приходится 62%, Забайкалья — 29,

^{*)} Л. А. Карпинский: «Графическая и цифровая таблица добычи золота в Восточной Сибири». *Известия Вост-Сиб. Отд. Геогр. Общ.* 1890 г., № 4.

Петербурга и Томска — по 1% с небольшим, а затем Якутской области, Москвы, Енисейской губернии, Амурской области, Ханькоу и Приморской области в последовательном порядке от 0,25 до 0,03%. Векселедателей же, иначе покупателей товаров, было: иркутских — 52%, забайкальских — 39, Амурской области — 3, Томской губ. — 1,60, Якутской области — 1,36, Приморской области — 1,20% и затем нескольких местностей менее одного процента. А так как многие из предъявителей и векселедателей только живут в Иркутске, ведя свое торговое дело в Якутской области и на Амуре, то цифры эти, по мнению г. Шестаковича, доказывают, что покупателями являются восток и север, а не запад, причем главным образом покупает Забайкалье. С тем вместе, обороты по учету векселей идут параллельно добыче золота. Достигнув в конце 70-х годов суммы 7½ миллионов, с 1883 года обороты эти понизились до 4½ миллионов, что вполне соответствует высшему и низшему количеству добытого в это время в Восточной Сибири золота. Если бы только одна золотопромышленность определяла весь ход иркутской торговли, то уменьшение добычи золота должно было резко выразиться на сокращении и всех остальных банковских операций.

Между тем, переводы в Иркутск идут, последовательно увеличиваясь, начавшись в 1876 году цифрою 3680 тысяч и дойдя в 1889 году до 8500 тысяч. Из этого видно, что возникают потребности в других отраслях, жизнь экономическая, в общем, развивается и этим развитием покрывает недобор товаров золотопромышленностью. То же подтверждает и колебание суммы переводов из Иркутска: выразившись в 1876 году цифрой 10 миллионов, она с незначительными колебаниями достигла в 1888 году цифры 19 миллионов. Рассмотрение этих цифр в подробности приводит к заключению, что главнейшие пункты, откуда Иркутск получает товары: Москва (46%), Томск (23%), Нижний (12%); Ирбит и Петербург дают каждый по 5% всей

суммы переводов. Колебание суммы переводов дает довольно ясную картину жизни Иркутска. Повышение в 1878 году суммы переводов в Томск (место приобретения приисковых товаров) сразу на миллион и падение ее в 1879 году, очевидно, указывают на усиленный запрос золотопромышленников, значительно усиливший работы после счастливого для них 1877 года. Пожар 1879 года отразился повышением суммы переводов: в 1880 году 600 тыс. руб. на Томск, в 1881 году 1 800 000 на Москву и 800 тыс. руб. — на Нижний. Упадок дел братьев Бутиных, Белоголовых, Трапезниковых и других в Иркутске выразился во временном сокращении числа предъявляемых векселей иркутских и забайкальских более чем вдвое. Заметное уменьшение векселей иркутских приводит докладчика к выводу, что Иркутск потерял свою прежнюю посредническую роль по отношению к Забайкалью, которое уже само покупает товары в Москве и частью привозит их, минуя Иркутск, морем на Амур, обращаясь к услугам иркутских банков только за неимением еще своих. Между тем, по мнению г. Шестаковича, все торговое будущее Иркутска находится в Забайкалье и на Амуре, так как золотопромышленность на Лене падает, а на Амуре, напротив, сильно развивается. Указав затем на преимущества, находящиеся на стороне амурской золотопромышленности, и на цены перевозки грузов от Одессы до Сретенска, от Сретенска до Иркутска, от Иркутска до Москвы, докладчик пришел к следующим выводам: 1) торговля в Иркутске сократилась, ибо он потерял роль посредника по снабжению товарами некоторых частей своего прежнего района, а в местностях, находящихся в ближайшей от него зависимости, золотопромышленность падает; 2) но рост населения и его требований парализует упадок ленской золотопромышленности, и пока к иркутскому торговому району будет принадлежать Забайкалье, можно говорить не об уменьшении, а только о перемене пунктов снабжения товарами; 3) проведение

железной дороги должно переместить путь снабжения товарами самого Иркутска с запада на восток. Тогда Иркутск, стоящий почти в середине пути между Москвой и Владивостоком, вследствие почти равных провозных цен по двум противоположным направлениям через Томск и Одессу, окажется конечным пунктом в торговом отношении, следовательно, потеряет центральное положение в теперешнем своем районе.

Признавая, что доклад г. Шестаковича дает довольно верное представление о нынешнем положении местных торговых дел, мы не можем согласиться с его выводом о результате проведения Сибирской железной дороги для торгового значения Иркутска. В этом нашем несогласии с докладчиком нас поддерживает его же указание, что рост местного населения и его требований в данное время парализует невыгодный для иркутской торговли упадок такого сильного фактора, как ленская золотопромышленность, и что жизнь экономическая, в общем, развивается и этим развитием покрывает недобор товаров золотопромышленностью. Не может быть сомнения в том, что этот самый рост населения и его требований с проведением железной дороги вызовет развитие в иркутском районе обрабатывающей промышленности, одним из главных мест сбыта которой неизбежно будет то же Забайкалье. Географическое положение Иркутска и естественные условия прилегающей к нему местности таковы, что нельзя не видеть, что именно здесь всего более и скорее должна развиваться, и притом в широких размерах, местная промышленность. Пространство, ограниченное Удою, предгорьем Саянов, Ангарой и Балаганской степью — богато наделено всем для того необходимым: громадные лесные пространства, быстрые реки, могущие служить даровыми двигателями, возможность получать дешевую шерсть и все продукты скотоводства из Монголии и, наконец, возможность иметь в достаточном количестве хлеб и всякие иные припасы из соседних балаганских и лежащих

за Бирюсой плодородных местностей. И, конечно, в интересах местного населения ничего не может быть желательнее того, чтобы торговля Иркутска процветала, питаясь не золотопромышленностью, материально и нравственно разъедающей это население, а той прочно обогащающей страну, а не отдельных только лиц, промышленностью, перерабатывающей местные продукты, в которой с каждым годом Сибирь все более и более нуждается. В этом отношении проведение Сибирской железной дороги для Иркутска, в смысле общих интересов его населения, может быть только благодетельно. С какими бы целями железная дорога ни строилась, она Сибири необходима; она привлечет и капиталы, и руки, и, подвинув промышленное развитие страны, двинет вперед и земледелие. Дело, конечно, не в одной железной дороге, — нужны и необходимы другие пути сообщений, начиная с грунтовых дорог, нужны и средства сношений: улучшенный и более частый ход почты, проведение телеграфных линий. До сих пор Ленская телеграфная линия проведена только до Омолоя²³ и Иркутск не имеет возможности сноситься телеграммами с такими для него, во многих отношениях существенными, пунктами, как Ленские прииски и Якутск. Пароходство на Ангаре, Байкале и на Амуре оставляет желать очень и очень многого. Но самым существенным для Иркутска вопросом является вопрос о соединении его водным путем с Обью — с расчисткой ангарских порогов и хорошим устройством строящегося Обь-Енисейского канала. Много говорят о трудности сделать этот путь удобным и выгодным, о слишком северном, сокращающем время пользования им, положении Обь-Енисейского канала, о трудности расчистки ангарских порогов и т.п. Мы думаем, что, при настоящем положении строительной, инженерной техники, все это — вопрос только большей или меньшей затраты, большего или меньшего сознания важности для Сибири и для России вообще этого пути. Обь-Енисейский канал, как известно, строится, но без

расчистки Ангары он не будет иметь ровно никакого значения. Доведение грузов только до Енисейска и Красноярска дела не подвинет. Расчистка Ангары продолжит водный, начинающийся в Тюмени и у Семипалатинска, путь почти до Кяхты. Это, как мы видели, было хорошо понято еще в сороковых годах, и ревизовавший Восточную Сибирь сенатор Толстой составил о водных путях Сибири весьма обстоятельную записку. Один из наиболее заботящихся о благе своей родины сибирских капиталистов А. М. Сибиряков, затратил и продолжает затрачивать на это дело громадные для частного лица суммы, но усилий частного предпринимателя для такого дела недостаточно. Вопрос о Сибирской железной дороге заслоняет собой вопрос о водных путях, хотя в сущности оба эти вопроса могут только друг друга дополнять и каждый вместе с тем имеет свое совершенно самостоятельное значение. Железная дорога не в состоянии будет без содействия водных путей надлежащим образом поставить одно из насущнейших для Сибири дел — урегулирование цен на хлеб, ибо это всего более дело водных, разветвляющихся по всем направлениям путей и к тому же имеющих за собой значительно большую дешевизну доставки. Эти же водные пути на огромном пространстве Сибири должны при проведении Сибирской железной дороги выполнять и назначение подъездных путей. Собственно для Иркутска вопрос о водном сообщении — вопрос его будущего, ибо если железная дорога подвинет развитие местной промышленности, то водный путь по Ангаре, Енисею и Оби сделает его главным торговым, складочным и транзитным пунктом на пространстве всей Сибири. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту, которая ясно показывает, что если Иркутск лежит на водном пути, соединяющем Забайкалье с Тюменью, Киргизской степью, со всеми торговыми пунктами и населенными местами западной части Восточной и всей Западной Сибири и подходящем к самой границе Европейской России,

то вместе с тем он расположен на единственном выходе к этому пути для всего северо-востока Сибири, для всей местности Ленского бассейна. Железная дорога и объ-енисейско-ангарский путь — вот будущее Восточной Сибири, а вместе с тем и будущее Иркутска. Только с осуществлением этих сооружений, и притом удовлетворительно-полным, торговля Иркутска выйдет из зависимости «фарта» золотопромышленников и из лавочного торгового переидет на почву широких и полезных для края и государства промышленных и коммерческих предприятий.

Но пока наступит это светлое будущее, нынешнее неудовлетворительное положение торговых дел Иркутска значительно влияет и на общественную жизнь города, и на его собственно городские хозяйственные, финансовые дела. Первое из этих влияний послужило, пожалуй, даже и на пользу. Лихорадочное возбуждение, всегда и во всем вредное и неизбежно вносимое удачным ходом золотопромышленности, в последнее время в Иркутске исчезло, жизнь вошла в более нормальную колею, стала тише, спокойнее. Любители легкой наживы, дутых предприятий, жизни за чужой счет, конечно, такой переменой недовольны — легких, больших и сомнительного свойства заработков значительно убавилось; недовольны и люди склонные к разгульной и широкой жизни, — деньги даются труднее, и бросать их не приходится, — но всем нормально живущим людям, действительно трудящимся, с прочно поставленной семьей и некоторым достатком, теперь живется лучше. Дело все-таки для всех найдется, в людях трудящихся Иркутск нуждается, и всякий полезный труд в нем хорошо оплачивается. Совсем иное влияние оказывает застой или даже упадок местных торговых дел на имущественные дела города. Здесь влияние это сказалось постепенным, из года в год увеличивающимся сокращением некоторых существенных статей дохода города, что, конечно, неблагоприятно отражается и на всем городском бюджете.

Бюджет этот в последние двенадцать лет выразился в следующих суммах:

Годы	Доходы				Расходы				Превышение доходов и дефицит	
	По смете		Поступивших		По смете		Поступивших			
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1880	279.875	91	302.779	36	357.153	74	339.786	44	- 37.007	08
1881	281.911	48	292.080	69	293.276	38	302.646	26	- 10.565	57
1882	266.462	14	295.335	25	328.144	38	381.432	06	- 86.096	81
1883	267.041	43	284.367	15	365.699	90	338.868	96	- 54.501	81
1884	277.225	98	302.912	28	326.641	03	312.147	43	- 9.235	15
1885	332.795	34	294.427	44	343.191	17	281.346	32	+ 13.081	12
1886	293.723	91	276.277	39	297.665	46	268.194	18	- 8.083	21
1887	382.982	61	281.266	23	310.895	72	322.778	41	- 41.512	18
1888	280.001	85¼	247.280	90	292.534	13	273.232	81	- 25.951	91
1889	271.282	21¼	224.066	66	297.029	04¼	275.867	52¼	- 51.800	86¼
1890*)	249.714	79	-	-	303.065	79	-	-	- 53.351	-
1891**)	261.485	49	-	-	343.549	31	-	-	- 82.663	82
Всего:	3.344503	19	-	-	3.858.846	05¼	-	-	473.250	52¼

Из таблицы этой видно, что, за исключением 1885 года, когда образовалось незначительное превышение доходов над расходами, во все остальные годы, последнего двенадцатилетия сметы заключались с дефицитами, которые покрывались городским управлением исключительно путем позаимствований из собственных капиталов города, преимущественно из запасного.

Выработанная в 1873 году подготовительной комиссией форма городской росписи с течением времени оказалась не вполне удобной по своей сложности и слишком большому числу разрозненных, недостаточно систематизированных приложений. Вследствие этого городская управа при составлении проекта сметы доходов и расходов города на текущий 1891 год, руко-

*) Было назначено по смете.

**) Внесено управой в проект сметы.

водствуясь желанием думы иметь для городской росписи более удобную форму, приняла за образец форму московской городской росписи, сделав в ней только некоторые применительные к местным условиям изменения. Составленный по этой форме городской управой и рассматриваемый в настоящее время думой, проект сметы городских доходов и расходов на текущий, 1891 год дает довольно точное представление о нынешнем положении имущественных и финансовых дел города. Доходы его в смете этой, как выше было указано, исчислены в 261 485 р. 49 к., расходы — в 343 549 р. 31 к. Дефицит в 82 063 р. 82 к. предположено покрыть суммами, могущими в течение 1891 года поступить в число случайных доходов города, а остальную недостающую за сим сумму, если таковая окажется, из городского запасного капитала. Превышение расходов над доходами и образующийся вследствие этого дефицит побуждают городскую думу и управу из года в год откладывать многие существенно-важные для населения города предприятия. Источниками исчисленных по смете доходов города служат следующие предметы:

Проценты с городских капиталов	13 800 р. 00 к.
Доходы с городских земель	7 311 р. 25 к.
Доходы с городских имуществ, находящихся в общественном пользовании	27 387 р. 31 к.
Доходы с городских зданий	43 667 р. 00 к.
Доходы с продажи пустопорожних мест	500 р. 00 к.
Сборы в пользу города	127 925 р. 00 к.
Разные доходы	7 029 р. 00 к.
Вспомогательные доходы	33 863 р. 93 к.

Таким образом, самую существенную часть городских доходов составляют *сборы в пользу города*, между которыми первое

место занимает оценочный сбор с недвижимого имущества, предположенный по смете $\frac{3}{4}\%$ со стоимости городских имуществ, оцененных в 6 705 773 р. 10 к. и в $7\frac{1}{2}\%$ с частей казенных зданий, занятых служащими лицами, оцененных в 11 628 р. 40 к., что и составило сумму сбора в 5 165 р. 43 к. Следующий затем по сумме сбор в пользу города поступает с трактирных заведений. В поступлении этого сбора заметно сильное понижение. В 1881 году сбор этот дал 92 т.р., в 1889 году всего 30 400 р., в смету текущего года управа внесла его в сумме 32 000 р. Такое понижение трактирного сбора объясняется, во-первых, тем, что в Иркутске трактирный промысел не имеет того значения, который дает ему закон, а служит только маскированием питейной торговли, которой он единственно и держится, и во-вторых, сильным в последнее время развитием в Иркутске беспатентной продажи вина, бороться с которой городское управление не имеет никакой возможности. Значительно упал также сбор при совершении засвидетельствований и протест документов. Составив в 1887 году сумму в 13 228 р., он в 1889 году дал всего 9 117 р. 42 к. и в смету текущего года внесен в сумме 8 000 р. Повозный сбор взимается в размере 30 к. с воза вывозимой из города клади. С вывезенных в 1889 году 76 838 возов получено было 23 051 р. 40 к. В смету текущего года он, ввиду замеченного в течение 1890 года понижения, внесен всего в сумме 19 т.р. Затем остальные, поступающие в пользу города сборы, в Иркутске взимаются с патентов на питейные заведения в размере 20% (4 000 р.), с постоянных дворов (1 465 р.), явочных актов, взысканий по закладным и за клеймение весов, мер и ошейников для собак, за право извозного промысла (1 832 р.) и с аукционных продаж движимых имуществ (800 р.).

Капитал города, именующийся запасным, к 1 января 1891 года составлял сумму в 558 015 р. 21 к., из коих в процентных бумагах и наличных было 270 825 р. 06 к. и в долгах за

городом и городскими учреждениями 287 191 р. 15 к. Земельная собственность города состоит из 10 855 десятин, в том числе пастбищной — 1 719 дес., сенокосной и пахотной — 2 161 дес., под лесом — 6 971 дес. *Доходы с городских имуществ, находящиеся в общественном пользовании*, взимаются с мест, отводимых на берегу Ангары под склады товаров, леса и строительных материалов, под устройство пристаней, купален на реках Ангаре, Иркуте и Ушаковке; с мест, отдаваемых под кузницы, извозничьи биржи, под устройство ипподрома, праздничных гуляний, под торговое производство (8 000 р.); с рыболовных статей и городских перевозов (5 000 р.) и скотопригонных дворов (2 000 р.). *Доходы с городских зданий* слагаются, главным образом, из сумм, получаемых от отдачи в арендное содержание городских лавок, важен²⁴ и дохода с городской скотобойни. Первая из этих доходных статей, вследствие сокращения торговых оборотов в городе и перехода значительного числа торговцев в собственные, отстроенные ими помещения, в последнее время значительно сократилась: так, в 1877 году доход с городских лавок поступил в сумме 47 283 р., а в 1889 году всего в количестве 24 946 р. Доход с отданных в аренду важен составляет 6 546 р. На городской скотобойне убивается более 16 тыс. голов крупного скота и около 4 тыс. мелкого. Дохода от нее город получил в 1887 году 6 431 р., в 1888 году — 6 010 р., в 1889 году — 7 021 р. 50 к., по смете на 1890 год он был внесен в сумме 6 500 р., а по смете текущего года исчислен в 6 487 р. В настоящее время городское управление озабочено составлением проекта и смет фундаментального устройства новых боен, до выстройки которых заведение это помещается во временных деревянных бараках за Якутской заставой.

Разные доходы заключаются в штрафах и пенях за невзнос в срок арендных денег и оценочного сбора — 2 430 р., дохода от иркутской городской публичной библиотеки — 3 265 р.,

от подписки на *Известия Городской Думы* — 50 р., от продажи дитрита²⁵—400 р. и продажи негодного к употреблению имущества — 884 р.

Доходы вспомогательные состоят: из пособия от казны за квартирование войск — 16 159 р. 75 к., отопление и освещение тюремного замка — 2 706 р. 18 к. и пособия на учебные и благотворительные заведения из процентов и доходов Трапезниковского капитала — 15 т. р.

Расходы, исчисленные по смете в сумме 343 549 р. 31 к. по отдельным предметам, в порядке значительности требующихся для них сумм, распределяются так:

Содержание городск. обществен, управл.	55 325 р. 99 к.
” полицейских учреждений	54 538 р. 83 к.
Расходы по народному образованию.	49 346 р. 64 к.
Содержание пожарной части	42 785 р. 06 к.
Расходы по приобретению, возведению и ремонту недвижимых имуществ	24 763 р. 24 к.
Содержание воинской части	24 329 р. 99 к.
Уплата городских долгов	21 833 р. 33 к.
Расходы по недвижимому имуществу.	16 752 р. 38 к.
Расходы по освещению города	11 017 р. 41 к.
Экстраординарные расходы	10 000 р. 00 к.
Расходы на правительственные учреждения	8 968 р. 39 к.
Пособия благотворительным учреждениям	8 475 р. 02 к.
Расходы на санитарную часть города	7 264 р. 00 к.
” по тюремной части.	5 996 р. 13 к.
Пенсии и единовременные пособия	2 152 р. 90 к.

В числе этих расходов содержание полиции, воинской части, расходы на правительственные учреждения и по тюремной части, в общей сложности составляющие 93 833 р. 34 к., не относятся к специально городскому кругу дел и представляют собой собственно лежащие на городе повинности.

Остальные затем одиннадцать статей городских расходов, в общей сложности составляющие 249 715 р. 97 к., имеют своим предметом различные отрасли исключительно городских дел. Среди расходов этой категории 55 325 р. 99 к. отнесены на содержание городского общественного управления. Из них: содержание городского головы и пяти членов управы составляет 9 000 р., содержание канцелярии думы и управы и служащих при управе 23 560 р., двух поверенных по делам города (в Иркутске и Петербурге) — 2 400 р., расходы по отоплению, освещению и содержанию помещения думы и управы — 819 р. 03 к., канцелярские, типографские, почтовые, телеграфные и т.п. расходы — 3 224 р. 54 к., издание *Извещений Иркутской Городской Думы* — 2 000 р., расходы по взиманию казенного и земского налога — 150 р., издержки по судебным делам — 500 р., заготовление знаков для извозчиков — 297 р. 42 к., на содержание городского архитектора и межевщика — 3 900 р., торговой депутации, присяжных оценщиков и вознаграждение аукционистов — 4 120 р., содержание смотрителей застав, ночлежного дома, рынков, при скотопригонных дворах и скотобойне, складах и т.п. — 5 355 р. Из этого перечня видно, что статья расходов по содержанию городского общественного управления не исчерпывается исключительно одними расходами управления, в нее входят на довольно значительную сумму расходы по некоторым другим отраслям городских дел: хозяйственных, судебных, торговых и т.п. Этим объясняется и значительность суммы этой статьи расходной сметы.

Второе место из означенных в смете расходов на удовлетворение городских потребностей занимают расходы на дело народного образования. Общий итог этой статьи сметы показан в 49 346 р. 64 к., но, в сущности, расход города на это дело значительнее. В статье расходов по приобретению и возведению новых зданий значится 8 400 р. на покупку места,

принадлежащего женской гимназии. Цель приобретения этого места, насколько она высказалась в думе — постройка на нем здания для пятиклассного городского училища, помещающегося теперь в наемном доме. С присоединением этих 8 400 р. к итогу расходов по народному образованию, сумма этих расходов в текущем году определится в 57 746 р. 64 к. и станет впереди всех других городских расходов, а ее процентное отношение к итогу всего расходного бюджета составит 17%, к общей же сумме расходов на собственно городские потребности — 23½%.

Совсем в ином положении находится другая существенная отрасль городских дел — *санитарная часть*. В смету на текущий 1891 год на нее внесено 7 264 р. Сумму эту составляют: 1 800 р. санитарному врачу, 900 ветеринарному врачу, 360 р. фельдшеру при нем, 600 р. двум санитарным надзирателям, 538 р. квартирных денег повивальным бабкам, 800 р. на оспопрививание, 600 р. на анти-эпидемические мероприятия, 500 р. на ловлю бродячих собак, 1 000 руб. на выкопку ям и уборку павших животных и 1 166 р. на все прочие по этой части расходы. Несомненно, что этого далеко не достаточно для правильной, и достигающей цели постановки дела охранения народного здоровья, тем более что санитарное положение Иркутска весьма неудовлетворительно. Указывая, что смертность в Иркутске колеблется от 50 до 37,8% pro mille²⁶, санитарный врач города г. Писарев²⁷, в одном из своих отчетов, говорит, что «Иркутск в возрастающем ряду городов занял бы по смертности весьма почетное место, уступивши его Мадрасу и Каиру». В отчете санитарной комиссии за 1889 год г. Писарев говорит, что все предпринимавшиеся меры к содержанию дворов и улиц и незагрязнению протекающих рек не дали желаемых результатов вследствие индифферентности к ним граждан города. Такое совпадение недостаточности средств, ассигнуемых городом на санитарную часть, и недостаточного сознания среди жителей

необходимости ограждать свою жизнь соблюдением санитарных условий не может, конечно, благоприятно влиять на положение в городе народного здоровья. Санитарное дело, для правильной его постановки, требует больших средств, доставить которые город, ежегодно сводящей свои росписи дефицитами, не может. Что касается до борьбы с той индифферентностью жителей, на которую указывает санитарный врач, то лучшее и вернейшее против нее средство — школа, поднятие уровня умственного развития населения. В этом отношении город, как мы видели, делает много, и, затрачивая значительные средства на народное образование, он, с тем вместе, хотя косвенно, подготавливает будущее улучшение своего санитарного положения.

Что касается собственно врачебной помощи, то участие в ней города выражается в ассигновании пособий существующим в городе лечебным заведениям и в заведывании некоторыми из них. Так, по смете на текущий год предположено выдать находящейся в заведывании городского управления Солдатовской больнице пособие в 3 072 р. 14 к. на покрытие недостающей на содержание ее суммы и 4 000 р. на погашение недоимок за содержание, лечение и погребение в Кузнецовской гражданской больнице больных из бедных обывателей Иркутска. Обе эти суммы отнесены к отделу выдачи пособий благотворительным заведениям.

Подобно санитарному положению города, так называемое городское благоустройство в Иркутске также неудовлетворительно и находится в самом примитивном положении: нет ни мостовых, ни водопровода, освещение крайне слабо. Город освещается керосином, имеет 425 фонарей и освещение по смете текущего года обойдется ему в 11 007 руб. 41 к. На ремонт дорог, сооружений на них барьеров и водосточных канав в смету внесено 3 т. р., а на очистку городских площадей и улиц 5 т. р. В этом отношении городу в будущем предстоят большие затраты, ибо

нельзя упускать из виду, что городское благоустройство, помимо вопроса о больших или меньших удобствах жизни, еще и необходимое условие охранения народного здоровья.

После постигшего Иркутск в 1879 году бедствия город несет крупный расход по содержанию пожарной части, затрачивает на нее, как было указано, свыше 42 т. руб. В настоящее время городской пожарной обоз достаточно соответствует размерам города и снабжен хорошим инвентарем. Лошади и команда в исправности. Деятельную и весьма существенную помощь при тушении пожаров городской команде оказывает иркутское вольное пожарное общество.

Обращаясь затем к расходам по выполнению лежащих на городе повинностей, мы видим, что первое между ними место занимает расход по содержанию полицейских учреждений, внесенный в смету на текущий год в сумме 54 538 р. 83 к. Главную часть этого расхода составляет, определенное Высочайше утвержденным 13 февраля 1890 года мнением Государственного Совета, пособие Государственному казначейству в 45 991 р. До этого правительственного распоряжения город добровольно выдавал ежегодно на содержание полицейских чинов довольно значительную субсидию. По поводу ассигнования этой субсидии в думе каждый раз подымались очень оживленные прения, весьма обстоятельно выяснявшие вопрос о положении местной полиции, несомненно, находящейся в очень затруднительных условиях. Кроме своих прямых обязанностей, здесь, в Иркутске, как и вообще в Сибири, тем более в Восточной, полиция в большинстве случаев выполняет функции следователя, а полицейское управление весьма часто — обязанности суда. Полиции же приходится бороться и со многими результатами уголовной ссылки. При этих условиях одно только увеличение содержания полицейских чинов пользы принесет мало, до какого бы размера содержание это ни было поднято.

Исходя из этого положения, иркутская городская дума нередко высказывала, что более удовлетворительное охранение общественной безопасности в Сибири, прежде всего, зависит от отмены ссылки и реформы суда. В свое время иркутская дума ходатайствовала и о том, и о другом. К местным судебным учреждениям в недавнее время применены некоторые частичные реформы, далеко все-таки не доводящие их к тому положению, при котором они действуют в губерниях Европейской России. Ссылка по-прежнему тяжелым гнетом лежит на местном населении. Вопрос этот настолько существенно важен для всех сторон местной жизни, для города, так же, как и для деревни, что невозможно пройти мимо него, не высказав хотя бы главнейших по этому поводу соображений. Не вдаваясь в теоретическое обсуждение этого вопроса, мы ограничимся указанием на сведения, сообщаемые о ссылке в недавно напечатанных по распоряжению иркутского генерал-губернатора «Материалах по исследованию хозяйственного быта Иркутской губернии». Там мы узнаем, что в Восточной Сибири в 1886 году всех ссыльных было 110 тыс. человек, из них 32 тыс. находились в отлучке для заработков по письменным видам, 10 тыс. завели хозяйство на местах приписки, а остальные 58 тыс. оказались в неизвестной отлучке. Ежегодно же в Восточную Сибирь ссылается средним числом до 8 500 чел., из них около 1 600 на каторгу. В 1886 году в Иркутской губернии при 98 753 взрослых крестьянах ссыльных мужчин было 46 139 тыс., т. е. один ссыльный приходился на 2-х коренных жителей. Ссыльные земледелием заниматься не любят, — они идут или на прииски, или в бега, или в город. Иркутск особенно поздней осенью, по возвращении «ангарцины» с рыбных промыслов, и зимой, по возвращении золотопромышленников из Ленской тайги, бывает переполнен ими; а что они делают, всего лучше видно из *Дневника происшествий*, еженедельно печатаемого в *Иркутских Губернских Ведомостях*.

В прошлом году *Ведомости* эти поместили целый ряд статей о ссылке. В одной из них местный официальный орган говорит: «Отмена ссылки вызывается не только необходимостью избавить Сибирь, от этой разъедающей ее язвы, но и чувством человеколюбия к тем тысячам людей, которые теперь путем этой кары доводятся до окончательной гибели. На стороне отмены ссылки в редкой солидарности стоят интересы государственные, местные и частные. Необходимость отмены ссылки единодушно признавали и признают все, кто близко знает это дело, кто сталкивался с ним воочию и вольно или невольно изучал его»^{*)}. «Этот, пробирающийся, — говорит один из состоящих при иркутском генерал-губернаторе статистиков — через глухую тайгу человек, увлекаемый мыслью о родине, а быть может и перспективой богатой наживы, смело идет: терять ему нечего, да и борьба с ним нелегка: за него и опытность, и солидарность ссыльных, объединенных по всей Сибири одной участью, одним несчастьем, одними интересами... Если бродяга угрожает жизни и имуществу населения, то большинство ссыльных, остающихся на местах, вносит в окружающую жизнь много развращающего: растущее пьянство, воровство, праздность»^{**)}. Приводя все эти свидетельства, мы со своей стороны смело утверждаем, что какую бы полицию ни устроить, какой бы оклад ей ни дать, общественная безопасность в Иркутске не улучшится до тех пор, пока дальнейшая судебная реформа не поставит в Сибири суд и полицию в положение, которое учреждения эти занимают в ореформенной части Империи.

Сделав это, вызванное важностью вопроса, отступление и обращаясь затем к дальнейшему рассмотрению городских расходов, мы должны указать, что получаемое городом от казны указанное выше пособие за расквартирование войск в сумме

^{*)} *Иркутские Губернские Ведомости*, 1890 г., № 9.

^{**)} Изданные иркутским генерал-губернатором «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта», 1890 г., том II, выпуск 2-й, стр. 253.

16 159 р. 75 к. и на освещение и отопление тюремного замка 2 706 р. 18 к., всего 18 865 р. 93 к., понижает стоимость городу выполнение лежащих на нем повинностей до 74 967 р. 41 к. Но и в такой сумме эта категория расходов составляет более 20% всех городских расходов и является одной из главных причин хронического дефицита в городском бюджете и невозможности городу уделить достаточно средств на улучшение своего санитарного положения, замощение улиц, улучшение освещения и другие основные, элементарные требования городского благоустройства.

Дефициты городского бюджета покрываются обыкновенно заимствованиями из запасного капитала. Из этого же капитала делаются заимствования и в тех случаях, когда городу предстоит надобность в какой-либо крупной единовременной затрате, как, например, постройка казарм, другие городские постройки и т. п. Для погашения таких заимствований в смету текущего года и внесены, предназначенные для уплаты городских долгов, 21 833 руб. 33 коп.

Кроме городских средств, в распоряжении иркутского городского управления находятся весьма значительные специальные средства. Большая часть их состоит из капиталов, пожертвованных разными лицами на учебно-воспитательные надобности и удовлетворение нужд неимущей части населения. Таких капиталов на 1 января 1891 года состояло 14, на сумму 3 967 974 р. 56 к. Доход от них по смете на текущий год исчислен в 227 821 руб. 12 коп., из коих предположено израсходовать 159 609 р. 8 к. на учебно-воспитательное дело, 18 166 руб. — на содержание филантропических учреждений и помощь неимущим, 1 126 р. 86 к. на разные уплаты по хранению и оборотам денежных сумм и затем 48 920 р. 18 к. обратить на усиление этих капиталов. Помимо капиталов данной категории, город имеет еще *пенсионный* капитал в 11 904 р. 89 к., проценты с коего идут на пенсии

полицейским и пожарным служителям, и *кладбищенский* — 5 883 р. 58 к., доход с которого, как это явствует из самого названия, расходуется на потребности кладбища.

Мы намеренно, с подробностью, дозволяемой пределами очерка, остановились на финансовой, имущественной части городских дел Иркутска. Как в жизни частных лиц, так и общественных групп, степень имущественной состоятельности определяет собой и степень возможности для них так или иначе себя обставить, а равно и размер требований, могущих быть к ним предъявленными. Иркутск долгов не имеет, ибо заимствования из своих собственных капиталов долгами в прямом смысле признаны быть не могут. В этом отсутствии долгов — громадное преимущество Иркутска перед многими другими городами; но сохранить это преимущество при тех дефицитах, которыми заключаются его росписи, он может только в том случае, если при крайней бережливости в отношении трат, в особенности непроизводительных, иркутское городское управление обратит внимание, примет меры к изысканию новых или к развитию и более выгодной постановке нынешних источников городских доходов. При лежащих на городе повинностях, и притом выражающихся в таких крупных суммах, бережливость не всегда зависит от городского управления. В тех случаях, в тех частях бюджета, где город сам распоряжается, излишней тароватости²⁸, не говоря уже о расточительности, иркутское городское управление не проявляет. Оно щедро только в ассигнованиях на народное образование, но эта щедрость, — да позволено нам будет так выразиться, — *щедрость расчетливая*: умственно-развитое население всегда сумеет и увеличить источники своих доходов, и избавиться от дефицитов, упрочить свое имущественное положение, обогатить себя и свою страну. Когда скончался в Иркутске один из известных здесь некогда коммерсантов, то после него осталась, говорят, выписка счета стоимости воспитания его

многочисленных сыновей, причем он утверждал, что крупная сумма, истраченная им на это дело, самый прочный и полезный для общества ценз. Желательно, конечно, чтобы таких цензов было возможно больше. Желательно, чтобы люди, обладающие ими, служили обществу, городу, земству (мы надеемся, что и оно у нас не за горами); желательно, чтобы возвещаемая в скором времени городская реформа поставила образовательный ценз наравне с прочими, дала бы возможность образованным людям служить своими знаниями городу, в котором они живут. Ныне действующее Городовое Положение, при всех своих недостатках, сослужило здесь, в Иркутске, как и везде, добрую службу, и тем более заслуживает оно внимательного к нему отношения, улучшений, исправлений, дальнейшего развития в тех его частях, где необходимость в этом выказана без малого двадцатилетним опытом. Вот именно этот неподкупный судья, этот непреложный показатель давно говорит о необходимости дать место в городских делах доступ к ним знанию, образованию, личным заслугам и дарованиям, — дать место не одним только имущественным интересам, но и интересам и силам умственным. Действительная полезность предполагаемых изменений Городового Положения окажется тем в большей степени, чем разнообразнее и шире будет круг интересов, наделенных избирательными правами, и чем распределение этих прав будет более соответствовать фактической, жизненной группировке и непосредственности этих интересов.

По слухам, проникшим в печать, новая реформа должна установить несовместность должности городского головы с председательствованием в городской управе. В принципе, мы охотно признаем полезность этой меры. Думаем, что должность городского головы от этого значительно выиграет в смысле почета, представительности, — голова из управляющего городскими делами обратится в действительного, независимого от

исполнительной части дел, представителя города и его интересов. Но тут, по мнению нашему, необходима, прежде всего, весьма основательная законодательная разработка взаимных отношений управы и ее председателя к городскому голове. Необходимо также удачный подбор лиц, в смысле умелого установления ими между собой личных отношений. Все эти условия вовсе не так легко достижимы. Мы равно не желали бы видеть в лице городского головы и слишком заботливого опекуна городской управы, и бесстрастного спикера английского парламента.

Что касается собственно Сибири, то в ней один из самых существенных недостатков городских дел, это — их совершенная обособленность. За воротами города кончается сфера действий местного самоуправления. Там суд, полиция, следовательно, мировой посредник, блюститель земских дел, судебный пристав, пожалуй, даже и нотариус — все в одном лице земского заседателя. Давно упрочившееся в местном обществе сознание необходимости для Сибири земских учреждений теперь, когда в Европейской России учреждения эти подверглись новому преобразованию, еще более укореняется и, по-видимому, убеждение в этой необходимости разделяется и местной администрацией. В № 36-м *Иркутских Губернских Ведомостей* прошлого 1890 года мы читаем «Вслед за состоявшимся преобразованием земских учреждений, на очередь, сам собой, выступает вопрос об уместности распространения этих учреждений на всю Россию». «Этим путем, помимо улучшения в способах и средствах ведения местного хозяйства, будут достигнуты и другие государственные цели. Не говоря уже о чрезвычайно важном значении единства в системе государственного управления, нужно иметь еще в виду, что и тут земские учреждения могут оказать самое решительное влияние на ассимиляцию разноплеменного нашего населения. — Так, например, вотяки, черемисы и пермяки Вятской и Пермской губерний, татары Казанской и Тав-

рической, башкиры Уфимской губерний, исключительно благодаря действующим там земским учреждениям, оказываются несравненно более обрусевшими, более близкими русским, более воспринявшими культурные начала, чем инородцы Астраханской, Архангельской и Оренбургской губерний, остающиеся в дореформенном положении. Одно это указание жизненного опыта доказывает, какую громадную пользу может извлечь государство, повсеместно распространив земские учреждения на всю территорию Империи и призвав все племена к заведыванию и управлению местным хозяйством. — Чрезвычайно важен уже будет тот результат, что эти племена должны будут усвоить, прежде всего, русский язык, с которым к ним не замедлят перейти и другие культурные понятия, вместе с преданностью общему отечеству. Притягательная сила добра самое лучшее средство сближения и объединения». Приведя эту и еще другие выдержки из статьи одного из органов столичной печати, *Иркутские Губернские Ведомости* от себя говорят: «Наша отдаленная окраина больше другой части государства нуждается в народной школе, охране народного здоровья и улучшении ее путей сообщений. Для этого нужны люди и средства, — люди *дела* и средства на *дело*. — Полагаем, что сибирское земство окажется способным удовлетворить этой потребности, окажется *деловым, хозяйственным* земством, и только таким и в таком направлении действующим мы и желаем его видеть». С нашей стороны полагаем, что никаким иным оно и быть не может.

Несколько лет тому назад, а именно 26 октября 1884 года, иркутский губернатор С. И. Носович²⁹, присутствуя на вечере, которым праздновалась годовщина присоединения Сибири к России, высказал, что он, управляя в продолжение 2½ лет Иркутской губернией и стараясь изучить ее по возможности во всех отношениях: историческом, бытовом и экономическом, — пришел к тому убеждению, что губерния эта ни в чем не отличается от

коренных русских губерний и что для него название Восточная Сибирь есть только термин географический. «Управляясь, — говорил начальник губернии, — «положением» Сперанского, составленным в 1822 году, Восточная Сибирь, так сказать, окаменела в тех формах, которые давно составляют для России одно историческое предание, и, конечно, обновление Сибири, в смысле дарования ей новых учреждений, давно введенных в России, не совершилось не потому, что Сибирь не созрела до того возраста, когда бы могла воспринять их, а вследствие, главным образом, того, что здесь, на месте, и в России привыкли считать Сибирь чем-то отличным от России. Как пример верности моего взгляда, приведу то обстоятельство, почему управление крестьян, повсеместно в России примененное в 1861 году, как будто забыто было к введению в Сибири. Здесь те же русские государственные крестьяне, живут они также в сельской общине и управляются на выборном начале; к введению в Сибири Положения крестьян 19 февраля 1861 года, спустя 22 года после его утверждения, не представлялось никаких побудительных причин еще и потому, что в крестьянском сословии не произошло никакой перемены, могущей служить поводом к введению только теперь — и то не вполне — этой реформы. Скажу то же самое и про реформы — административную, судебную и земскую; все они могли быть постепенно, давно применены в Сибири, если бы «положение» Сперанского 1822 года не закрывало перед правительством действительных условий состояния Сибири». «Конечно, — заключил свою речь генерал Носович, — в настоящее время взгляд правительства изменился, и мы видим заботы его применить здесь новые учреждения*)».

Слова эти можно считать провозвестием тех — если не реформ, то перемен в разных отраслях управления Восточной Сибири, которые осуществились в последние пять-шесть лет. Со

*) *Сибирь*, 1884 г., № 45.

времени приобретения Россией Амурского края и первых лет эпохи Императора Александра II Восточная Сибирь и в территориальном отношении, и в общественной жизни намного выдвинулась из тех рамок, в которые уложили ее реформы Сперанского. Поставленный еще графом Муравьевым вопрос о выделении Приамурского края в особое генерал-губернаторство, оставаясь долгое время в области министерских обсуждений, с особенной настойчивостью напомнил о себе в начале восьмидесятых годов. Помимо соображений, касавшихся внешней политики, не столько общественное, сколько экономическое развитие Приамурского края с каждым годом требовало более бдительного, близкого, непосредственного, так сказать, направления его дел, между тем как другие части Восточной Сибири все более близились к условиям общим с прочими губерниями и областями Империи, — условиям, делавшим необходимым с каждой переменной, каждой даже частичной реформой местного управления подчинение этого управления непосредственному ведению центральных органов правительства. Амурский край нуждался в организации, устройении, выполнении задач, требовавших широких полномочий местной власти, а западная половина Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, губернии Иркутская и Енисейская, давно вышедшие из организационного периода своего существования, нуждались, напротив, главным образом во включении их в общую среду русских губерний. Горячим противником выделения Приамурского края являлся в свое время генерал-губернатор Анучин. В представленной им в 1882 году записке «о Приамурском крае» он доказывал, что край этот нуждается не в усилении в нем гражданской и военной власти, а в предоставлении материальных средств для развития жизни и культуры. Но протест этот не остановил хода дела. В 1883 году в Петербурге учреждено было, под председательством графа Баранова, особое совещание для обсуждения всех вопросов, относящихся к Амурскому краю.

В тесной связи с вопросом об отделении Амурского края стоял вопрос об упразднении в Иркутске генерал-губернаторского управления и о применении к Иркутской и Енисейской губерниям и области Якутской нынешнего порядка управления Тобольской и Томской губерний.

Но так как министерство внутренних дел настаивало на сохранении, по крайней мере временном, генерал-губернаторства и над этой частью Восточной Сибири, то совещание этого вопроса не затрагивало. Совещание нашло, что удовлетворительное управление Амурской территорией из Иркутска, за 4 000 верст, при тех важных интересах, какие она представляет для государства, крайне затруднительно и что для этого нужна сильная и самостоятельная власть на месте, а потому признало необходимым выделить в особое генерал-губернаторство весь Приамурский край, включив в него и Забайкальскую область в виду той связи, какая существует между ними в географическом, экономическом, военном и политическом отношениях.

Включение Забайкальской области в состав Приамурского генерал-губернаторства было предметом разногласия между большинством членов совещания с одной стороны и управляющего морским министерством с генерал-губернатором Восточной Сибири с другой. Оба эти лица были против этой меры. Генерал-губернатор находил, что от включения Забайкальской области в состав Приамурского генерал-губернаторства население этой области понесет «невознаградимый ущерб, так как Забайкалье отнюдь не тяготеет к Амуру, а весьма тесно связано с Иркутском и Москвой» *). Но доводы эти, если и признать за ними известную долю основательности, не изменили дела, и 1 сентября 1884 года в *Иркутских Губернских Ведомостях* (№№ 34 и 35) появилось Высочайшее повеление об учреждении Приамурского генерал-губернаторства с включением в него

*) *Сибирь*, 1884 г. № 24–28. В. И. Вагин: «Амурский вопрос».

и Забайкальской области. Вместе с тем Государственный Совет предложил министру внутренних дел внести на рассмотрение Государственного Совета предположение и о сокращениях в составе главного управления Восточной Сибири, вызывавшихся уменьшением круга его действий.

Вскоре после того, а именно в январе 1885 года, генерал-губернатора Д. Г. Анучина заместил граф А. П. Игнатьев³⁰, четырехлетнее управление которого имело свой особый, весьма симпатичный характер. Внимание графа Игнатьева было обращено преимущественно на применение во вверенном ему крае крестьянской реформы, правильную постановку крестьянского управления и спокойное, закономерное отправление своих обязанностей всеми вообще органами местного управления. Крестьянское дело, благодаря избранному графом умелым руководителям, подвинулось при нем значительно вперед и к лучшему. При нем, и благодаря ему начат и по Иркутской губернии кончен монументальный труд по статистическому исследованию экономического положения и быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Не без его, конечно, участия во время его управления краем местные судебные учреждения подверглись частичной реформе в судопроизводстве и значительному улучшению в личном составе. Реформа эта может почитаться первым шагом к коренному преобразованию действующих ныне в Сибири судоустройства и судопроизводства. И гражданский, и уголовный процессы в Сибири настолько отстали от общего для России положения, что даже недавно учрежденный в Иркутске военно-окружной суд в отношении форм судопроизводства стоит далеко впереди местных гражданских судов. Применение к Иркутску нотариального положения и принятие мер к упорядочению деятельности местной адвокатуры более чем желательно. Мы говорили уже о том значении, какое, по нашему мнению, будет иметь для Сибири проведение Сибирской железной

дороги. Граф Игнатъев был самым ревностным сторонником этого дела, ходатаем за интересы Сибири, и во время его управления вопрос о железной дороге, будучи прямо поставлен, подвергся всестороннему обсуждению как в правительственных и общественных сферах, так и во всех солидных органах печати русской и иностранной, что не могло не приблизить вопрос этот к разрешению столь необходимому и для государства, и для нашего отдаленного края.

Отживший свой век совет главного управления Восточной Сибири продолжал существовать некоторое время и при графе Игнатъеве. Мы видели, какое в свое время значение придавалось этому установлению, составлявшему главнейшую особенность «учреждения» Сперанского. Ко времени, нами рассматриваемому, от сибирского «учреждения» остались одни только обломки, среди них и названный выше совет. Между его членами и министерствами, представителями которых они служили, и по мысли Сперанского, и как разъяснял впоследствии граф Блудов, должна была существовать постоянная и тесная связь. Проявлениями ее должны были служить посылка отчетов каждым членом совета по своей части и командировки их в Петербург, дабы, пробыв там некоторое время при министерствах и ознакомившись с течением в них дел, они могли усвоить себе понятия и воззрения министерств на ту или другую сторону административной деятельности. С течением времени члены совета совершенно утратили это, предоставленное им законом, значение, а установившееся обычаем право генерал-губернаторов не только аттестовать, но даже избирать этих лиц, обратило их должность в синекуру выслужившихся чиновников. И потому нет ничего удивительного, что те сокращения в составе главного управления, представление о которых государственный совет возложил на министра внутренних дел, выразились указом сената от 25 июля 1887 года, объявлявшим Вы-

сочайшее повеление об упразднении совета и первых четырех отделений канцелярии главного управления Восточной Сибири. Отделения горное, строительное и учебное той же канцелярии указом этим оставлялись временно в прежнем их виде, с переименованием в отделы и подчинением их непосредственно генерал-губернатору, который, в свою очередь, в виду того, что после отделения Приамурского края и Забайкальской области в его ведении остались только губернии Иркутская, Енисейская и область Якутская, из *восточно-сибирского* переименовывался в генерал-губернатора *иркутского*. В следующем затем году, Высочайше утвержденным 18 января 1888 года мнением Государственного Совета о преобразовании горных управлений в Сибири, учреждено в Иркутске управление для заведывания горной промышленностью в губернии Иркутской, части Енисейской, области Якутской и Приамурском генерал-губернаторстве, причем управление это подчинено непосредственно министерству государственных имуществ, состоявший же при управлении иркутского генерал-губернатора горный отдел упразднен. Таким образом, ныне действующее иркутское горное управление имеет в своем ведении район, далеко выходящий за пределы Иркутского генерал-губернаторства. То же нужно сказать и об управлении акцизными сборами Восточной Сибири, учебном округе и даже о находящемся в Иркутске военно-окружном суде; в район их ведения, кроме губерний Иркутского генерал-губернаторства, входит и Забайкальская область, и все они, а равно все местные учреждения министерства финансов, контрольная палата, почтово-телеграфное управление и учреждения судебные, в настоящее время состоят в непосредственном подчинении своим центральным, пребывающим в столице управлениям, причем иркутскому губернскому суду, в качестве апелляционной инстанции, подчинены все окружные и областные суды Приамурского генерал-губернаторства. Из этого следует,

что одновременно с упразднением Западно-Сибирского генерал-губернаторства и разделением Восточно-Сибирского на Приамурское и Иркутское, функции главного местного управления децентрализуются по учреждениям, непосредственно подчиненным подлежащим министерствам, которые для исполнения дел на месте учреждают от себя окружные управления, действующие на пространстве, определяемом не территориями сибирских генерал-губернаторств, а свойством дел, подлежащих ведению этих управлений. В этом нельзя не видеть медленного, постепенного, но неуклонного движения в сторону полного объединения сибирских губерний с губерниями Европейской России. Принимая все это в соображение и ссылаясь на сделанное шесть лет тому назад иркутским губернатором, приведенное нами, категорическое заявление, что между Иркутской губернией и любой из русских он не видит никакой разницы и считает ее достаточно подготовленной для восприятия учреждений, коими пользуются губернии Европейской России, считаем себя вправе надеяться, что постоянно, при всяком удобном случае высказываемое желание не только иркутским, но и вообще сибирским обществом — жить при тех условиях, при каких живет громадное большинство русского народа — недалеко от осуществления. Да послужит это понятное и вполне законное желание лучшим, вернейшим доказательством нелепости, сложной недоброжелательством и в большинстве случаев личными счетами и неудовольствиями, легенды о каком-то *сибирском* сепаратизме и *сибирской партии*. Одна из крупнейших заслуг графа А. П. Игнатьева, не только как правителя, но и как умного человека, в том, что легенде этой он не придавал никакого значения и смотрел на нее как на безусловную, но вместе с тем оскорбительную для сибирского общества нелепость. Он умел, к тому же, окружить себя людьми, которые не давали повода ни к каким личным столкновениям, не порождали к себе никаких

неприятных чувств, и при нем ни сибирской партии, ни сибирского сепаратизма не было. Иркутяне и сибиряки вообще с графом Игнатьевым расстались с глубоким сожалением, и высказанные ему при расставании пожелания дальнейших успехов на пути его государственного служения были вполне искренни. В Сибири есть, и может быть только одна, партия горячо любящих свою родину верноподданных Русского государства, в тех его формах, какие выработала тысячелетняя история России.

Происшедшие в последнее время и рассмотренные нами перемены в управлении Восточной Сибири лишили Иркутск прежнего значения – административного центра этой окраины. Утратив свою административную гегемонию над целой страной, он с каждым годом все более и более приближается к положению русского губернского города, занимать которое ему и надлежит. Никакой столицей ему быть не следует: столица Сибири — Петербург. С проведением Сибирской железной дороги и улучшением ведущих к нему водных путей, Иркутск, несомненно, сделается крупным центром обширного промышленного и торгового района. Сооружение государственных путей сообщения от Иркутска и его жителей не зависит; но от них вполне зависит подготовить себя к правильному и успешному пользованию теми выгодами, какие они могут извлечь из природных богатств края при осуществлении ожидаемых благоприятных для того условий. Для этого, прежде всего, надо знать этот край, исследовать, изучить его и вместе с тем, по возможности, выше поднять умственный уровень местного, предназначенного для работы в нем населения. В чем же заключалась до сего времени роль Иркутска в деле изучения Восточной Сибири, что сделано им в деле народного образования на те весьма, как мы видели, значительные средства, которыми снабдили его на это дело желавшие блага своей родине его лучшие граждане?

Примечания

¹ Петров Василий Владимирович (1825 — после 1877) — сын титулярного советника, общественный деятель г. Иркутска. Иркутский городской голова в 1872–1875 годах. Гласный Иркутской городской думы в 1872–1876 годах. Попечитель женской гимназии.

² Роспись доходов и расходов — в XIX — нач. XX века так назывался бюджет (местный, государственный и др.).

³ Пономарев Михаил Иванович (1822–1879) — купец 1-й гильдии, владелец золотых приисков. Иркутский городской голова в 1875–1877 годах.

⁴ Демидов Дмитрий Дмитриевич (1827–1888) — купец 1-й гильдии золото-промышленник Потомственный почетный гражданин. Иркутский городской голова в 1877–1886 годах.

⁵ Шапов Афанасий Прокопьевич (1831–1876) — историк, этнограф и антрополог, публицист. Уроженец с. Анга Иркутской губернии. Выпускник Казанской духовной академии, член правления Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Специалист по истории раскола Русской церкви. Взгляды А. П. Шапова оказали серьезное влияние на формирование сибирского областничества. Публиковался в «Отечественных записках», «Православном собеседнике», «Журнале Министерства народного просвещения, газете «Искра» и других изданиях.

⁶ Елисеев Григорий Захарович (1821–1891) — журналист и публицист. Сын сельского священника, уроженец Томской губернии. Выпускник Московской духовной академии. Член тайного общества «Земля и воля». В 1862 году был редактором журнала «Век», в 1863 — газеты «Очерки». В апреле 1866 года арестован по делу Каракозова и до 1882 года был под надзором полиции. С 1868 года вместе с Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, а позднее и с Н. К. Михайловским редактировал «Отечественные записки».

⁷ Корсак Александр Казимирович (1832–1874) — экономист, историк и публицист. Родился в 1832 году в Каинске в семье поляка-ссыльного поселенца. Окончил Казанский университет с золотой медалью. Сотрудничал в предпринятом А. Лаксом издании журнала «Московское обозрение» (1859).

⁸ Возможно, речь идет о Чугунове Сергее Михайловиче (1854–1919), докторе медицины, антропологе, энтомологе, археологе. Уроженец Симбирска, выпускник Казанского университета, работал земским врачом. С 1888 года — сотрудник и преподаватель Томского университета.

⁹ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, один из основоположников сибирского областничества. Выпускник Петербургского университета. Член тайной организации «Земля и воля». Действительный член Императорского Русского географического общества, Правитель дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1887–1890); за научные экспедиции и этнографические исследования награжден высшей наградой географического общества — Большой золотой Константиновской медалью. Почетный гражданин Томска (1915). Почетный гражданин Сибири (1918).

¹⁰ Могила Афанасия Прокофьевича Шапова расположена на Знаменском кладбище в Иркутске. Памятник на ней установлен в 1886 году на средства иркутян при поддержке Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества и городского головы Иркутска В. П. Сукачёва. Проект составил архитектор Генрих Розен. Памятник был выполнен в виде колонны из серого песчаника и покрашен в чёрный цвет. Сверху на памятнике расположена

надпись: «Родина — писателю», под которой изображён свиток с символами писательского труда — карандашом и гусиным пером. Ниже была размещена надпись: «Афанасий Прокопьевич Щапов 1831–1876». В 1998 году памятник отреставрирован.

¹¹ Ларионов Дмитрий Дмитриевич (?–1884) — историк Сибири, подполковник, секретарь Иркутского губернского статистического комитета, автор работ: «Очерк экономической статистики Иркутской губернии» (Иркутск, 1870), «Губернский город Иркутск. Пожары 22 и 24 июня 1879 г.» (Иркутск, 1880) и др.

¹² Фредерик Платон Александрович (1828–1888) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант, генерал-губернатор Восточной Сибири (1873–1879).

¹³ Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900) — сенатор, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Восточной Сибири (1879–1884), военный писатель.

¹⁴ Шелашников Константин Николаевич (1820–1888) — генерал-лейтенант, военный губернатор города Иркутска и Иркутский гражданский губернатор в 1864–1880 годах. Почетный гражданин города Иркутска

¹⁵ Иркутский институт благородных девиц (Девичий институт Восточной Сибири).

¹⁶ Казовый (устар.) — лучший; такой, который показывает кого-, что-либо с лучшей, наиболее выигрышной стороны; выставленный напоказ.

¹⁷ Портнова Александра Никаноровна (1813–1890) — дочь иркутского купца Никанора Петровича Трапезникова, жена купца Василия Портнова, тетка В. П. Сукачева, старшая сестра его матери — Аграфены. Благотворительница, потомственная почётная гражданка.

¹⁸ Хамина Евдокия Ивановна (1826–1890) — дочь кяхтинского купца И. А. Пахолкова, жена купца, золотопромышленника, тайного советника И. С. Хамина. После смерти мужа получила значительное наследство, из которого значительные суммы пожертвовала на благотворительные нужды.

¹⁹ Очевидно, речь идет о Катъшевцеве Петре Иосифовиче (1799 — около 1881), купце, золотопромышленнике, иркутском городском голове в 1856–1859 годах. В 1881 году составил завещание, согласно которому 3 000 руб. вкладывались в «банк под проценты до того времени, покуда не скопится капитал», достаточный для основания «приюта для бедных, одержимых темнотою зрения». Это объясняется тем, что сам П. И. Катъшевцев был незрячим.

²⁰ Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг) (нем. *Georg Ludwig Cancrin*; 1774–1845) — русский государственный деятель и экономист немецкого происхождения. Генерал от инфантерии. Министр финансов России в 1823–1844 годах.

²¹ «Ангарщина» — наемная рабочая сила на неводном промысле, набиравшаяся из городской и сельской бедноты, не нашедшей себе применения в других отраслях труда; байкальский люмпен-пролетариат.

²² Шостакович Болеслав Артур (Болеслав Петрович) (1845–1919) — деятель польского и российского освободительного движения 1860-х годов, экономист, публицист, общественный деятель. Потомственный почетный гражданин. Гласный Иркутской городской думы; Иркутский городской голова в 1902–1903 годах. Входил в редакцию газеты «Восточное обозрение». Дед великого русского композитора Д. Д. Шостаковича.

²³ Омолой — село в Усть-Кутской волости Киренского уезда Иркутской губернии. Расположено на левом берегу Лены в 47 км юго-восточнее Усть-Кута.

²⁴ Важня (устар.) — помещение, в котором находились городские весы (вага) для взвешивания тяжёлых и крупногабаритных грузов. Располагались важни обычно на торговых площадях, при таможах и т.д.

²⁵ Оспенный дитрит — гной, взятый с телят, зараженных оспой, и обработанный для прививки оспы человеку. В Иркутске первый оспенный телятник был заведен в 1887 году. Н. С. Романов в «Летописи города Иркутска за 1881–1901 гг.» пишет: «За первый год существования городского оспопрививательного заведения с 17 ноября 1887 г. по 17 ноября 1888 г. пошло на содержание его 635 р. 60 к. <...> В течение года снято оспенного дитрита с 33 телят 678 цилиндров разной величины. Из них бесплатно отпущено 127, употреблено для привития 98, продано 293, осталось 160. За проданный дитрит сдано в уплату 386 р. 85 к. и за 20 проданных телят 89 р., всего 475 р. 85 к. Привито оспы в течение года 1604 детям и взрослым».

²⁶ Pro mille (лат.) — на тысячу. Одна тысячная доля, 1/10 процента, обозначается знаком‰. Указанный коэффициент смертности от 50 до 37,8 промилле составляет от 5 до 3,7% от живущего в данный момент населения. Это высокий показатель. Для сравнения: в 2021 году во время пандемии коронавируса коэффициент смертности в России составлял 16,7‰.

²⁷ Писарев Михаил Яковлевич (1846–1891) — врач, иркутский общественный деятель. Член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, один из создателей газеты «Сибирь». Похоронен на Иерусалимском кладбище. На памятнике была сделана надпись: «От почитателей честному человеку. Врачу бедных».

²⁸ Тороватость (устар.) — щедрость, расточительство.

²⁹ Носович Сергей Иванович (1831–1897) — генерал-майор, военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор в 1882–1886 годах.

³⁰ Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906) — граф, генерал от кавалерии, генерал-губернатор Восточной-Сибири в 1885–1889 годах. Член Государственного совета. Почетный гражданин города Иркутска с 1889 года.

V

Роль Иркутска в деле изучения Восточной Сибири и смежных с нею стран

Покорение Сибири русскими было вместе с тем и началом ее изучения. Первые русские завоеватели и колонизаторы, подвигаясь вперед, покоряя один за другим сибирские народы, доносили о своих действиях правительству в виде «отписок», «дневников» и т.п., сопровождая иногда эти донесения «чертежами» или картами. Эти-то «дневники» и «отписки» казаков и служилых людей, как например: Пояркова, Перфильева, Хабарова, Дежнева и других, — были первыми источниками ознакомления с Сибирью. Эти первые исторические акты, несмотря на всю их первобытную простоту, нередко представляли собой точные и живые описания местностей и служили позднейшим исследователям весьма важным пособием. По таким росписям и чертежам сибирских земель позднее (в 1667 году) был составлен «чертеж Сибирской земли» и «чертежная книга» тобольского сына боярского Ремезова.

Много говорилось о том, что первых завоевателей Сибири влекли сюда своекорыстные расчеты, жажда добычи, вольности и простора; тем не менее, несправедливо было бы считать их исключительно толпой авантюристов, искавших только добычи. Они не порвали родственных связей со своим народом

и Русским государством и знакомили своих соотечественников с географией и этнографией занимаемой ими земли; возбуждая в других интерес к новой стране и ее своеобразной природе, они подготовляли данные для последующих научных исследований. С Петра Великого начинается первое применение научного знания к изучению Русской земли и народа. В это же время положено было начало и первым исследованиям Сибири: петровские «геодезисты» и «навигаторы» еще при его жизни начали свои работы, разросшиеся в длинный ряд экспедиций, исполненных в течение XVIII столетия.

Только с этих пор начинается правильная картография Сибири, и знание северной половины азиатского материка становится достоянием науки. В 1719 году Петром I отправлены были два геодезиста в Тобольск и Камчатку; между прочим, им было поручено разыскать: «сошлись ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только Зюйд и Норд, но и Ост и Вест и все на карте исправно поставить». В последние годы царствования Петра снаряжено было другое, имевшее более серьезное значение, путешествие в Сибирь, исполнителем которого явился вызванный из Германии ученый доктор Даниил Готтлиб Мессершмидт¹. Как и многие другие исследователи того времени, Мессершмидт обладал разносторонними знаниями: будучи медиком по профессии, он в то же время и натуралист, и географ, и ориенталист, и археолог, и все эти познания он добросовестно применяет к исследованию Сибири во время своих семилетних странствований в ее пределах. Деятельного помощника нашел он себе здесь в лице шведского пленного Филиппа-Иоганна Тиберта², известного более под фамилией Штраленберга. Во время своего пребывания в Сибири Штраленберг успел собрать много сведений о положении края. Им же была составлена и карта Сибири. Года два тому назад в крайне запущенном киренском архиве найдены были в бумагах, относящихся к 1728 году, рас-

поражения об оказании содействия Мессершмидту, пробывшему в этой местности, по-видимому, довольно долго.

В 1725 году прибыли в Иркутск члены отправленной Петром Великим камчатской экспедиции, — капитан Иван Беринг³ и поручик Мартин Шпанберг⁴. Отсюда они двинулись в дальнейший путь, а одновременно с ними приехавшие геодезисты: Иван Свистунов, Василий Шаталов, Дмитрий Баскаков и Петр Скобельцин остались «для размежевания земель Иркутского округа и описания местностей»^{*)}). Путешествие Беринга было закончено в 1730 году и вслед за тем предпринята вторая камчатская экспедиция, в снаряжении которой приняла участие только что основанная Петербургская Академия Наук. Одна часть экспедиции, под управлением Беринга, должна была совершить плавание к берегам Америки, другая — отправиться через Сибирь в Камчатку сухим путем. Путешествие это, начатое в 1733 году, было кончено в 1743 году. В нем принимали участие Иоган-Георг Гмелин⁵, как натуралист, Герард Фридрих (он же и Федор Иванович) Миллер⁶, как собиратель исторических материалов, Делил-де-Кройер⁷, как астроном, студент академии Крашенинников⁸, профессор Фишер⁹, адъютант Стеллер¹⁰, четыре студента, четыре землемера, переводчик, рисовальщик, живописец и инструментальный ученик. «Это была, — говорит г. Пыпин¹¹, — одна из замечательнейших ученых экспедиций, какие предпринимались для исследования Сибири. Путешествие в то время соединилось с большими затруднениями: исследователи должны были почти все наблюдать и разыскивать в первый раз; самые категорические предписания из Петербурга к местным властям о содействии трудам экспедиции не избавляли путешественников от крупных и мелких хлопот, и, несмотря на то, в трудах экспедиции остались замечательные исследования, которые положили начало дальнейшим изысканиям сибирской природы,

*) «Летопись города Иркутска» *Пежемского*.

этнографии и истории^{*)}). Участники экспедиции были все люди молодые: Миллеру было 28 лет, Гмелину 24, Крашенинникову 21 год. Свои молодые силы путешественники ревностно отдавали предпринятому ими делу и среди неудобств и лишений собрали драгоценный материал. Миллер усердно работал в сибирских архивах, где отыскал массу документов, послуживших для его истории Сибири, продолженной Фишером, впоследствии оказавших пользу и многим другим ученым и неисчерпанных до сих пор. Гмелин составил классическую книгу о сибирской флоре и несколько томов путешествия. Крашенинников написал сочинение о Камчатке, которое надолго осталось авторитетным источником сведений из этой страны и было несколько раз переведено на английский, немецкий, французский и голландский языки.

На пути этой экспедиции лежал Иркутск, в котором некоторым из ее членов пришлось и работать. В 1733 году «прибыл в Иркутск — говорит местная летопись, — свиты командира Беринга капитан Мартын Шпанберг, чтобы заготовить припасы и материалы для строения судов в Камчатке, на которых должна была отправиться вторая экспедиция, снаряжаемая в Восточный океан». «Такой огромной и ученой экспедиции, — продолжает летописец, — в Сибири еще не было. Она оставила в стране следы сильного негодования вследствие тяжелой повинности, которой подвергались тогда еще малочисленные по сибирскому тракту жители, которые должны были отправлять многое, как то: доставку чинов и их людей, которым назначалось большое число лошадей и проводников; перевозку корабельных снарядов и артиллерийских орудий; доставку нескольких тысяч пудов провианта и других припасов». «Для избавления от хлопот на реке Лене и от Якутска до Охотска, следовало бы, — говорит другая летопись, — соорудить балтийский флот и из Кронштадта плыть к делу».

^{*)} А. Н. Пыпин: «Сибирь и исследование ее». *Вестник Европы*, 1888 год, №№ 4-6.

Шпанберг, по заготовлении в Иркутске всего нужного, отправился на Ленские пристани через Илимск. В апреле 1735 года в Иркутск приехали Миллер и Гмелин и отсюда ездили за Байкал, в Нерчинск и другие места. Два года спустя из той же экспедиции в Иркутск прибыл от Беринга флота капитан Гаврило Толбухин для понуждения иркутского начальства к отправлению экспедиции провианта и припасов. Толбухин пробыл в Иркутске три года и уехал в Москву в 1740 году. Ранее этого, в 1738 году, профессор Фридрих Миллер, по собрании им из местных архивов исторических материалов, направляясь в Россию, выехал из Иркутска водой по Ангаре. В том же году другой член экспедиции, Стеллер, приехал в Иркутск «за сбором, — говорит летопись, — трав и достопримечательных вещей». Позднее всех был здесь Фишер (в 1741 году), ездивший из Иркутска, где он занимался разборкой архивных дел и актов, с той же целью в Нерчинск и Якутск.

Одно из самых видных мест среди изданных трудов этой экспедиции занимает напечатанный в Гёттингене в 1751–1752 годах на немецком языке дневник Гмелина. Это не ученый трактат, а простое, подробное описание, день за днем, всей поездки, от выезда из Петербурга в августе 1733 года до возвращения в Петербург в феврале 1743 года. Гмелин большую часть пути сделал вместе с Миллером: приезжая в какую-нибудь сибирскую местность, город, село, они занимались каждый своим делом: Миллер пересматривал архивы, Гмелин делал натуралистические наблюдения и собирал коллекции, затем вместе они осматривали достопримечательности, наблюдали нравы. По расчету Миллера, он проехал в свое сибирское путешествие с разными переездами более 30 тыс. верст; в сумме поверстных счетов Гмелина, его переезды составили 31 357 верст. «Книга Гмелина, — справедливо замечает г. Пыпин — сохраняет свой интерес и до настоящего времени. Это картины ученого

путешествия, совершавшегося полтора года тому назад, и вместе картина русской и сибирской природы и быта, в которой многое стало, конечно, уже историческим прошедшим. В подобном случае чем проще рассказ, тем он бывает интереснее: Гмелин записывает в свой дневник все впечатления, все крупные и мелкие происшествия, какие встречались на пути, и надо жалеть, что содержание книги осталось до сих пор чуждо нашей литературе^{*)}). Путешествие было далекое, на пути было много всяких дорожных приключений, которые дают понятие о старинном способе путешествия; случалось наблюдать обычаи и русского, и разных других народов; к простому рассказу обо всем этом присоединяются замечания ученого человека, и в книге собралось множество подробностей для географии, истории и этнографии. Гмелин ведет, во-первых, подробный маршрут путешествия, описывает города и всякие замечательные местности, с особенным любопытством присматривается ко всяким инородцам, каких встречалось много на пути экспедиции, особенно в Сибири; всегда он старается наблюдать быт, народные праздники, суеверия, обращает внимание на остатки старины, прислушивается к преданиям». Об Иркутске он говорит, между прочим, что «святки проводились здесь так же, как и в других городах Сибири. От Рождества до Крещения редко можно видеть трезвого человека. Никакого ремесленника нельзя было добыть в это время для работы... Так как они на праздник кое-что сберегли, то не заботились ни мало что-нибудь заработать еще, потому что у них было довольно для их удовольствий. Право, кажется, что такие праздники посвящены больше дьяволу, чем Богу, и это зрелище вовсе не служит хорошим примером для многочисленных язычников этого края». Говоря о нравах чиновничества, Гмелин сообщает,

^{*)} По получении книги в России, она была признана «сумнительной» и находилась в опале за откровенную речь о том, что автор видел и слышал во время своего путешествия. На русский язык она не переведена.

что губернаторы жили очень широко, но обходилось им это недорого, потому что они, а за ними, по порядку, вся низшая администрация, имели свои экстренные доходы. У иркутского губернатора, по словам Гмелина, эти доходы простирались до громадной по тому времени суммы 30 тыс. руб.

Не менее путешествий Миллера, Гмелина и др. известна в ученом мире богатством научных результатов экспедиция, снаряженная в царствование Императрицы Екатерины II, под главенством знаменитого Петра-Симона Палласа¹². Многолюдный состав экспедиции был, как и в предшествовавшую, выбран из среды Академии наук, ее членов и студентов. Это была своего рода странствующая академия. Экспедиция отправилась в путь в 1768 году. Кроме Палласа, в ней приняли участие натуралисты и этнографы: Гмелин младший¹³, Георги¹⁴, Фальк¹⁵, Гильденштет¹⁶, Лепехин¹⁷, астроном Эйлер¹⁸ с его помощниками, студенты Зуев, Соколов, Рычков и др. Путешествие самого Палласа заняло шесть лет (1768–1774). По плану, составленному академией, оно было очень разнообразно, и разнообразие это вполне отвечало его собственным наклонностям. Он описывает местность, ее геологическое строение, свойства почвы, растительность и животных, тип местных жителей, характер народного хозяйства, земледельческие орудия, остатки старины*). После двухлетнего путешествия по Европейской России, Паллас выехал из Челябинска через Ишимскую степь в Омск, оттуда на Алтай и, прозимовав в Красноярске, направился в Иркутск, где уже находился в это время академик Георги.

Из Иркутска Паллас через Байкал направился в Кяхту, где изучал китайцев, затем по Селенге в Даурию. Природа Даурии произвела на него сильное впечатление. «Различные глыбы гор, — говорит он, — приводящие в удивление своей формой и положением; долины, покрытые приятной зеленью; березовые

*) А. Н. Пытин: «Сибирь и исследование ее».

и осиновые рощи, покрывающие в разных местах вершины гор с северной стороны; множество оленей и других диких зверей, еще большее обилие различных птиц в это весеннее время года — все это делает эту страну такой приятной, что приятнее и уединеннее нельзя и желать, и я никогда в жизнь мою не видел ничего лучше. Такая волшебная обстановка, а особенно множество в полном цвету растений на южной стороне гор — привели меня в восхищение». «Начиная с Урала до самого Байкала, — пишет он дальше, — я не собрал нигде столько замечательных произведений природы, сколько в одной Даурии; нигде эти произведения не были в таком обилии и совершенстве, как в Даурии и в нагорной стране за Байкалом». Особенное внимание Палласа, и еще большее его спутника Георги, обратил на себя Байкал и окружающая его местность.

После первого плавания европейцев по Байкальскому озеру в 1643 году, современного с открытием его, через него часто переезжали, но весьма редко описывали или посещали для ученых исследований, а потому до Палласа и Георги сведения о нем были весьма скудны. Первая карта Байкала была снята в 1766 году губернатором Фрауендорфом¹⁹. Паллас во время своего обратного плавания из Забайкалья посетил берег между Лиственичным мысом и Песчаной губой и нашел здесь в большом изобилии так называемую *озерную губку*²⁰ (*Spongia baikalensis* Pall.), которой, впоследствии, стали запасаться иркутские серебряники для полирования медных и серебряных изделий. Георги избрал другой путь и другую часть озера. Выехав из Иркутска, он направился сухопутной дорогой вдоль берега р. Куды (правый приток Ангары), идущей диагонально через Байкальские горы, на восток от посещенной Палласом Песчаной губы, прямо к устью Бугульдеихи²¹. От Иркутска он ехал по высоким лесистым горам, с вершин которых представлялся ему чудный вид значительной части течения Ангары, Иркуты и Куды. За Ку-

динской слободой вся местность вверх по течению реки в то время была переполнена мельницами, рудниками, деревянями и бурятскими стойбищами*). Дойдя до Ардминского зимовья, Георги повернул к впадающей в Байкал Верхней Бугульдеихи. К востоку от нее берет начало Анга в высоких, неприступных горах, покрытых хвойным лесом. Недалеко оттуда находился Ланинский железоделательный завод²², устроенный иркутским купцом Ланиным в 1730 году. Несколько в сторону от Анги, на северном склоне Байкальских гор, берет начало Лена. На высоте этого водораздела Лены, Байкала и Енисея суровые, но величественные красоты природы, по отзыву ученого и многое выдавшего путешественника, изумительны**).

Результатом исследований Палласа в восточной части Европейской России и Сибири явилось его знаменитое «Путешествие», до сих пор считающееся авторитетным источником при изучении сибирской природы, этнографии и археологии. Георги принадлежит первый обширный труд, в котором собраны ценные сведения о сибирских инородцах, также до сего времени не потерявшие своего значения. Книга эта вышла одновременно на немецком и на русском языке. На последнем она носит такое заглавие: «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей».

Совсем с иными задачами снаряжались, также вносящие свою, и притом немалую, долю пользы в дело накопления сведений о Сибири и смежных с ней стран, торговые караваны, духовные миссии, посольства и т. п., отправлявшиеся Россией в Китай. Иркутск был одним из главных пунктов этого далекого пути. «1675 года сентября 6-го, — говорит иркутская

*) *Карл Руттер*²³: «Землеведение Азии», т. V.

**) *Карл Руттер*: «Землеведение Азии», т. V.

летопись, — проехал через Иркутск в Китай первый российский посол, Сибирского приказа переводчик Николай Спафарий²⁴. Цель этого посольства состояла в укреплении торговых сношений и в удержании реки Амура во власти русской. Спафарий по характеру своему не сошелся с китайскими властями, а потому он выехал без успеха. Когда богдыхан, будучи хорошим астрономом, спросил русского посла о некоторых звездах, Спафарий отвечал: «Я на небе не бывал и звезд там не считал»^{*}). Восемнадцать лет спустя (в 1693 году) через Иркутск проехал другой российский посол к пекинскому двору – Елизарий Избрант. Через год он возвратился из Китая в Иркутск и ему приписывают исходатайствование у китайского правительства разрешения караванной российской торговли в Китае и дозволения построить около Пекина православную церковь. В виду этого соглашения, в апреле 1698 года в Иркутск приехал с товарами, отправленный в Китай для торговли, купчина Спиридон Лингусов²⁵. «Это, — говорит летописец, — есть начало караванной торговли России с Китаем». «Возвратился из Китая купчина Лингусов с караванной казной», — отмечает та же летопись, в 1700 году, начинается отсюда ежегодное снаряжение в Китай и возвращение из Китая в Иркутск торговых караванов. Рядом с ними, время от времени, отправляются туда посольства и духовные миссии. Все эти сношения, помимо прямой своей цели, несомненно, служили ознакомлению русских и со смежными с Сибирью — Монголией и Китаем, и лежащим на пути к ним русским Забайкальем. Не имея возможности и не ставя своей задачей следить за ходом сношений России с Китаем, укажем только на весьма характерные слова, сказанные одним из богдыханов послу Петра Великого Измайлову: «Я скажу тебе два слова, и ты ничего не ответствуй, а имей оные в памяти, для донесения своему государю. Первое: твой государь такой великий,

^{*}) «Летопись города Иркутска» *Пежемского*.

славный монарх, и владение имеющий великое, ходит против неприятеля на кораблях своею высокою особою. Море — махина великая, бывают на оном волны сильные, а оттого страх не малый, почему изволил бы здоровье свое хранить. У него воины добрые и слуги верные, — есть кого посылать, а самому должно оставаться в покое. Второе: хотя со стороны российской уходят сюда по 20 и 30 человек, также как и из Китая в Россию, но от таких бездельников дружба наша никогда не изменится; ибо я, богдыхан, всегда желаю содержать с Его Величеством мир ненарушимый. Да и за что нам ссориться? Российское государство холодное и дальнее: если бы я рассудил послать туда мои войска, то все они погибнут; а хотя б чем я завладеть мог, какая была бы мне прибыль? Так же Российский Государь, если вышлет против меня свои войска в сторону жаркую, к чему не привыкли люди ваши, то разве для того только, чтобы они напрасно умирали? Какую пользу принесут нам завоевания? — в обоих государствах земли множество!» Так думал два века назад глава застывшего в своей мудрости царства; так может думать, желать, к тому стремиться в наш *гуманный* век не застывшая, а деятельная царственная мудрость, но иные виды, иные побуждения, в свое время, руководили отважными русскими землепроходами и мореходами: ни «множество земли», ни условия климата, ни лишения не могли остановить их поступательного движения в бесконечную глубь азиатского материка, но материк был пройден, достигли моря: на нем острова, за ним неведомые страны, — русские люди появились и там. Под сенью, в покое и молитве ведущего свою жизнь, иркутского Знаменского женского монастыря лежит прах одного из таких предприимчивых русских людей. На воздвигнутом против церковного алтаря мраморном, с бронзовыми атрибутами*), пирамидальном обелиске надпись гласит следующее: «Здесь, в ожидании

*) Шпага, нарты, якоря с канатами, тюк с товарами, компас и пр. Памятник сделан в 1800 году в Екатеринбурге и обошелся в 11 760 руб.

пришествия Христова, погребено тело, по прозванию — Шелехова²⁶, по деяниям — бесценного, по промыслу — гражданина, по замыслам — мужа почтенного, разума обширного и твердого, потому что в царствование Екатерины Второй, Императрицы и Самодержицы Всероссийской, Государыни славной и великой, расширившей свою империю победами врагов ее на западе и на полудни, он отважными своими морскими путешествиями на Восток нашел, покорил и присовокупил к державе Ее не только острова Кыхтак, Афагнат и многие другие, но и самую матерую землю Америки, простираясь к северо-востоку. Завел в них домостроительство, кораблестроение и хлебопашество и, испрося архимандрита с братией и клиром, провозгласил в грубом народе, неслыханным невежеством попранном, неведомое там имя Божие и во имя Святой Живоначальной Троицы насадил православную христианскую веру в лето 1794. Христе Спасителю! Причти его к лику благовестников, возжегших на земле свет твой пред человеки». Под этой надписью стоит имя Гавриила Державина, — он ее сочинял. На другой стороне стихи Ивана Ивановича Дмитриева²⁷:

Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелехов, без войск, без громоносных сил,
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область Ей и Богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что Росс — твой предок и на Востоке громок.

Более определенные сведения о самом Шелехове дает надпись на третьей стороне памятника, гласящая, что «Григорий Иванович Шелехов, рыльский именной гражданин, родился года 1748, вступил в супружество года 1775, начал торговлю свою в областях Сибири в 1773 г., морские путешествия совершил в 1783, 1784 и 1785 годах, скончался 1795 г. июня 20 дня». Надпись кончается так:

Колумб здесь русский погребен!
Проплыл моря, открыл страны безвестны,
И зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой
Во океан небесный —
Искать сокровищ горних, неземных,
Сокровище Благих!
Его ты, Боже, душу упокой!

Гавриил Державин.

Именитым Шелехов стал в конце своей жизни, — начал он свое жизненное поприще простым рыльским мещанином. В компании со своими земляками, братьями Голиковыми, пробрался он через Сибирь на Охотское море, соорудил там три судна, отправился на Восток, захватил несколько Курильских островов и, в качестве представителя компании, названной им *Американской*, явился к иркутскому генерал-губернатору, представил ему описание своих подвигов. При покровительстве Якобия, доносившего Императрице Екатерине, что, для утверждения русского владычества на Восточном океане, необходимо предоставить компании Шелехова промышленную монополию в открытых им местах. Шелехов и его сотоварищи были награждены выдачей им 200 т. р. В Иркутске Шелехов раздвинул состав своей компании, — в нее вошли иркутские купцы Шарапов, Михайло Сибиряков, Илья Сизов, Петр и Иван Мичурины, Андрей Пахолков и другие*). Впоследствии, уже после смерти Шелехова, компания эта соединилась в 1798 году с промысловой иркутской компанией Мыльниковой и образовала известную Российско-Американскую Компанию, с которой Иркутск, долго продолжал находиться в тесной связи. Здесь была ее контора, здесь жили и Шелехов, и Сибиряков, и Мыльников, здесь до последнего времени одна из военных казарм

*) «Летопись города Иркутска» *Пежемского*.

называлась *американской* вследствие того, что здание было дано этой компании для избавления компаньонов от постоя.

Оставляя на ответственности Державина и Дмитриева возведение Шелехова в росские Колумбы и в насаждающего учение православной церкви столпа отечества, оставляя за самим Шелеховым славу предприимчивого, энергичного, талантливового человека и бесстрашного морехода, мы не можем не обратить внимания на то, что истребление алеутов совершенно не соответствовало ни учению Христа, ни интересам Русского государства. «История занятия Алеутских островов, — говорит г. Пыпин, — есть история ужасных и бессмысленных жестокостей. Алеуты — народ мирный, трудолюбивый и довольно развитой — сначала встретили русских мирно; но, раздраженные насилиями и несправедливостями, в одну зиму истребили три судна промышленников, и последние, под предлогом подчинения их русской власти, совершали над туземцами величайшие варварства. На некоторых островах жители были истреблены без остатка; алеутов убивали тысячами, иногда просто для потехи, убивали мирных и безоружных. В 1792 году на островах Уналашкинского отдела считалось до двух с половиной тысяч жителей, но до прихода русских их было вдесятеро больше. Целью этого истребления, по объяснению одного из историков Сибири, был не один грабеж, а более тонкое соображение: промышленникам нужно было закабалить туземцев совершенно, а так как это не легко было сделать с народом многочисленным, то надо было просто истребить непокорных»^{*)}). Что подчинение островитян и вообще все экспедиции и предприятия сперва Шелехова, а потом и компании делались вовсе не с правительственными и государственными целями, лучше всего видно из того, что, когда в 1794 году в Петербурге был возбужден вопрос о снаряжении экспедиции в Японию под начальством академика Лаксмана,

^{*)} А. Н. Пыпин: «Сибирь и исследование ее». *Вестник Европы*, 1888 год, № 5.

главным образом, с целью упрочить русскую торговлю на Тихом океане, то Шелехов всеми мерами этому противодействовал, как делал это он и относительно предшествовавшей, совершенной тем же Лаксманом, японской экспедиции. Сообщая о том Безбородку²⁸, Лаксман пишет, между прочим, следующее: «Хотя в 7-й статье Высочайшего рескрипта предписано было отправить иркутских купцов, или их комиссионеров для некоторых торговых опытностей, однако, рыльский именитый гражданин Шелехов, имеющий сильное влияние в здешнем начальнике, сей пункт в свою выгоду привлек, и сколько я примечаю, то и ныне монополическим оком взирает на будущую первоначальную японскую торговлю. А мне кажется, что сии первые шаги должны быть предприняты с великой предосторожностью, то есть сходственно с волей Ее Величества. Где частные выгоды перевес имеют, тут богачам нетрудно свои намерения исполнить; по Северо-Восточному океану почти все коммерческие дела, которые сходственны, грабежом называть можно; в руках помянутого Шелехова, которого промышленники состоят из ядра развратившихся иркутских буйственников и мошенников, и хозяин их довольно имеет в себе этой жестокости, которую мы о гишпанцах читаем в древней американской истории; когда он мог над бедными алеутами пробовать свою саблю, пистолу и винтовку» *).

Совсем другого закала, других стремлений человек был этот Эрик Лаксман. Получив в юности солидное образование и пробыв некоторое время в Абовском университете²⁹ в Финляндии, Лаксман поступил первоначально пастором в Ингерманландию. В 1764 году он был переведен в Барнаул и с того времени начался длинный ряд его трудов и исследований о Сибири, тянувшийся почти непрерывно до последних годов прошлого столетия. Живя в Барнауле, Лаксман состоял корреспондентом

*) «Эрик Лаксман» *Вильгельма Лагуса*. Перевод со шведского. Спб., 1890 год.

Академии Наук и вел переписку с Линнеем, Палласом и другими учеными, интересовавшимися этим краем. Предприняв в 1766 году путешествие на восток Сибири, он доезжал до Кяхты и Сретенска. Везде на пути он пополнял свои коллекции и особенно был занят вопросом о ревене, найденном тогда особой экспедицией на китайской границе между реками Иркутом и Белой. Тогда же посетил он и Тункинские воды, и первый указал на их целебные свойства. Интересуясь этнографией и лингвистикой, он обратил внимание ученых на письма на скалах р. Дзиды³⁰ и собирал сведения о тибетском языке и монгольском богослужении. Возвратившись в 1768 году в Петербург, Лаксман принял деятельное участие в трудах тогда только что учрежденного Вольно-Экономического Общества. Привезенные им из Сибири коллекции заинтересовали весь ученый мир. Стокгольмская академия избрала его своим членом, а вскоре затем и наша Академия Наук предоставила ему у себя кафедру химии и экономии.

Совершив целый ряд ученых экскурсий по Европейской России и не поладив с академическим начальством, Лаксман в 1780 году оставляет свою профессию в академии и отправляется в Сибирь, в Нерчинск, на должность горного советника. На этой должности он пробыл недолго. В 1782 году он проживал в Нерчинске в качестве частного лица, в 1783 году исправлял должность нерчинского исправника, а в 1784 году, получив звание «*минералогического путешественника*» при Кабинете, переехал в Иркутск, который с того времени делается центром его деятельности. Здесь, на устроенном им в компании с известным впоследствии деятелем Российско-Американской Компании купцом Барановым³¹ и расположенном на реке Талице стеклянном заводе, Лаксман впервые применил свою давнишнюю мысль о замене, при выделке стекла, поташа глауберовой солью. Написанный им по этому предмету трактат появился в печати

в 1796 году, а ныне способ этот применяется всюду. Научная деятельность Лаксмана в этот период его жизни, как и прежде, отличалась большим разнообразием: в нее входили и собиранье семян новых растений, и метеорологические наблюдения, и геологические исследования, обширная переписка и рассылка коллекций. Но главным предметом его занятий была минералогия, местом исследований — пространство между Байкалом, Ангарой и Тункой. Первая его экскурсия была направлена к Култуку, по льду Ангары и Байкала. Результатом этой поездки было описание прибайкальского хребта и теория происхождения Байкала, подтвержденная впоследствии и Меглицким³². Местность эта особенно приковывала его внимание, и он нередко возвращался в нее. В 1786 году он тщательно исследовал местность от с. Никольского до р. Мурина, и результат этого исследования сообщил в длинном письме Палласу. Тогда же он открыл ляпис-лазурь у речки Слюдянки, исследовал речку Пахабаху³³, затем вокруг Тунки все пространство до р. Китоя и собрал до 20 пудов минералов. Кроме ляпис-лазури, Лаксман в этих же местах открыл еще два минерала: тремолит и байкалит. Особенно усилилась его деятельность после поездки в Петербург в 1787 году. Научные экскурсии его сделались чаще и обширнее; он производил поиски пещер в верховьях р. Уды; исследовал горную местность между Бирюсой и Удой; сделал несколько минералогических открытий и совершил поездку на р. Белую; указал на соляные источники у Ангары, каменноугольные пласты у Черемховой, гипсовый флец и пещеры около Балаганска, железную руду у Белого острога и в других местах, на целебный ключ Арашан, впадающий в Иреть. В 1790 году общее внимание ученого мира возбудило сообщение Лаксмана Палласу о голове носорога, найденной близ Иркутска. В том же году Лаксман предпринял поездку на Вилюй, где открыл два минерала: везувиан и гроссуляр.

Некоторое время деятельным сотрудником Лаксмана был старик Линденау³⁴, сопровождавший некогда Миллера, Стеллера и Фишера. Но более полезного сотрудника имел он в своем сыне — Адаме Лаксмани³⁵, служившем исправником в Гижиге³⁶ и из этого отдаленного края посылавшем отцу все, что могло представлять собой научный интерес. Давнишней мечтой Лаксмана было исследование тихоокеанских окраин Сибири и соседних с ней островов. Поводами для экспедиции в эти страны были, с одной стороны, сношения Иркутска с Америкой, с другой — спасшиеся на наших берегах от кораблекрушения японцы³⁷. По настойчивому ходатайству Лаксмана, ездившего для этой цели в Петербург, иркутский генерал-губернатор Пиль, в сентябре 1791 года, получил рескрипт, коим предписывалось отправить японцев на родину (кроме двух, принявших христианство), попытаться завести сношения с Японией и склонить кого-нибудь из лучших иркутских купцов отправить с этой экспедицией товары. Экспедиция должна была производить и научные исследования. Управление ею было поручено сыну Лаксмана. Осенью 1792 года оба Лаксмана с экипажем в 40 человек на галиоте «Екатерина» отправились из Охотска в Японию. После годичных странствований и приключений экспедиция возвратилась из Японии в Охотск. Научным результатом ее были сведения о природе и жизни Японии и весьма значительная коллекция по всем трем царствам природы. Эти коллекции были переданы в Академию наук. Туда же было представлено и описание путешествия. В числе прочих результатов экспедиции было и приведенное выше письмо Лаксмана к Безбородку о жестокостях, творившихся на Алеутских островах Шелеховым и К°. Понятно потому противодействие, встреченное Лаксманом со стороны Шелехова, когда, по прибытии Лаксмана в мае 1794 года в Петербург, возбужден был вопрос о снаряжении новой экспедиции в Японию. По этому поводу

в Петербурге образовались две партии: стоявший на стороне Лаксмана, его всегдашний покровитель Безбородко защищал необходимость официальных сношений с Японией, а поддерживавшие Шелехова великий князь Павел Петрович и Платон Зубов находили уместным только сношения частные, коммерческие. Спор разрешился весной 1795 года тем, что Лаксману поручено было исследовать сперва местность между Иртышом и Бухарой и затем отправиться в Камчатку и Японию. Но выполнить это Лаксману не пришлось: осенью 1795 года он выехал из Петербурга, зимним путем тронулся из Москвы, но на дороге около Тобольска скоропостижно умер^{*)}).

Одновременно с Лаксманом находился в Сибири и наезжал в Иркутск ученый аптекарь Сиверс, принимавший участие в экспедиции, посланной Императрицей Екатериной в Восточную Сибирь с целью распространения и улучшения ревеня и сродных ему растений. В описании своего путешествия, вышедшем в свет в 1796 году, Сиверс говорит, что «Сибирь — это такая превосходная страна, какая только может быть на свете под той же широтой». «Разбитая посуда, — рассуждает он, — бывает везде, поэтому несправедливо было бы требовать, чтобы все в Сибири было совершенно». Так, по словам автора, «гостиницы принадлежат в Сибири к самым редким вещам; зато, конечно, ни в какой стране на свете нет большего гостеприимства. Каждый путешественник хорошего поведения везде, особливо у доброго сельского народа, может быть уверен в самом сердечном приеме». Особенно расхваливает он жителей села, найденного им на склонах Яблонного хребта и населенного ссыльными польскими и малорусскими крестьянами. Патриархальный кочевой быт, с которым Сиверс ознакомился у киргизов, приводит его в восторг своей близостью к природе, простотой жизни,

^{*)} «Эрик Лаксман» *Вильгельма Лагуса*, издание С.-Петербургской Академии наук, и статья *В. И. Вагина*: «Эрик Лаксман», *Восточное Обозрение*, 1891 год, №№ 8–11.

потребностей и обычаев. Он мечтает даже, как хорошо было бы удалиться сюда от трудной жизни в среде цивилизованного мира. «Но, — говорит он, — я нашел, что я еще слишком мало философ: склонность к европейцам на этот раз еще одержала верх». Г. Пыпин упрекает Сиверса в излишнем оптимизме^{*)}. Действительно, на долю Сибири таких снисходительных путешественников выпадало немного. В Иркутске Сиверс виделся с Лаксманом, бывал у него и с восторгом описывает устроенную Лаксманом оранжерею.

Знаменитые путешествия и экспедиции, снаряжавшиеся для исследования северной части азиатского материка в первой половине текущего столетия, к числу которых относятся плаванья Крузенштерна и Лисянского, Головина, Врангеля, Анжу, Козьмина и Матюшкина; путешествия на Алтай Ледебура и Гумбольдта, направлялись в местности слишком отдаленные, не имеющие почти ничего общего с Восточной Сибирью, и потому касаться Иркутска или, вернее, части Сибири, имеющей то или другое отношение к нему, экспедиции эти и производившиеся ими исследования не могли.

Исключение в этом случае составляет экспедиция Миддендорфа³⁸, распавшаяся на два путешествия: крайне-северное, целью которого был Таймырский полуостров, и юго-восточное — в Приамурский край. Начав свое путешествие в 1843 году, и проведя несколько месяцев на Таймыре, Миддендорф зимой следующего года отправился через Енисейск и Иркутск в Якутск и затем на Шантарские острова в Охотском море; отсюда, выплыв на байдарке к устью реки Тугура, он переправился через пустыни Станового хребта к пункту соединения Шилки и Аргуни, к началу Амура, куда и прибыл в январе 1845 года. Это было всего за три года до назначения Муравьева в Восточную Сибирь, и путешествие Миддендорфа сведениями, им

^{*)} А. Н. Пыпин: «Сибирь и исследование ее». *Вестник Европы*, 1888 год, № 5.

добытыми, несомненно, имело значительное влияние на судьбу этого края. До Миддендорфа на Амуре был в 1834 году офицер генерального штаба Ладыженский, но Миддендорф проник гораздо дальше и, что тогда было особенно важно, кроме естественно-исторических наблюдений, нашел границу русских владений по «омбонам»³⁹ (пограничным знакам) и удостоверился личным наблюдением, что страна к северу от реки не занята китайцами.

«Путешествие Миддендорфа, — говорит г. Пыпин в своей крайне интересной и уже не раз нами цитированной монографии об исследованиях Сибири, — было началом множества розысканий во всех направлениях; с него открывается обширная, трудно обозримая литература о Сибири и Средней Азии, составляющая особую черту нашего научного движения за последние сорок лет». Этому способствовали, прежде всего, внешние политические обстоятельства. Новые громадные пространства, ставшие русской территорией, стали новым предметом научных исследований, которые велись или правительственными экспедициями, или частными предприятиями. Было и другое внутреннее условие — организация ученых сил и предприятий, выразившаяся основанием Императорского Русского географического общества. К учреждению этого общества привели: во-первых, сознание необходимости более внимательного и цельного исследования русской народной жизни; во-вторых, мысль о необходимости сосредоточить географические изыскания, которые до сих пор велись разьединено, не имели себе одного общего специального органа. В первые же годы своей деятельности Географическое общество обратило внимание на исследование Восточной Сибири и снарядило обширную экспедицию, работавшую в ней несколько лет и по разным областям естествознания. Некоторым приготовлением к этому предприятию общества служила так называемая забайкальская экспедиция, отпра-

ленная главным штабом и работавшая в 1849–1853 годах под начальством полковника Ахтэ⁴⁰. В ней участвовал и астроном Шварц⁴¹: сделанные им астрономические определения послужили потом к подробной картографии местностей вокруг Байкала, а путешествие его между Байкалом и Тихим океаном доставило первые сведения обо всей области северных притоков Амура; другой участник этой экспедиции, инженер Меглицкий, исследовал в разных направлениях западную часть Амурской области. В то же время Географическое общество готовило широкое предприятие для исследования Восточной Сибири. Средства для выполнения его доставлены были графом Гуттен-Чапским и П. А. Голубковым. Математический отдел, снаряженный на эти средства, так называемой *сибирской* экспедиции начал свои работы в 1854 году и продолжал их до 1859 года.

Они велись под руководством того же астронома Шварца. В эти пять лет экспедиция определила 110 астрономических пунктов, сделала 20 тыс. верст маршрутной съемки, собрала массу данных по географии, орографии и гидрографии обширного пространства от границ Томской губернии до острова Сахалина и от верховьев Енисея до предгорий, подходящих к долине Лены. Присоединенный к этому же отделу экспедиции натуралист Раде произвел обширные исследования на южной границе Восточной Сибири. По окончании работ математического отдела, снаряжен был в 1859 году физический отдел экспедиции, работавшей под руководством геолога Шмидта⁴² с 1859 до 1863 года и определивший в общих чертах геологическое строение части Забайкалья, Амура и Сахалина*).

Между тем, несколько ранее этого, а именно в 1851 году, в Иркутске открыт был Сибирский отдел географического общества. 17 ноября 1876 года отдел этот праздновал двадцатипятилетие своей деятельности. Из прочитанного по этому случаю

*) А. Н. Пытин: «Сибирь и исследование ее». *Вестник Европы*, 1888 год, № 5.

правителем дел, М. В. Загоскиным, очерка этой деятельности*) мы узнаем, что учреждению отдела предшествовало основание при главном управлении Восточной Сибири, по предложению министра внутренних дел, *музея естественных предметов*. Распорядителем музея был избран инспектор иркутской губернской гимназии, В. И. Седаков⁴³. Надо думать, что выбор этот сделан был графом Муравьевым, и лучшего сделать было нельзя. «Покойный Седаков, — говорит составитель очерка, — ревностно взялся за дело: он составил руководства для собирания, препарирования, хранения и пересылки предметов, заготавливал все нужные препараты и посуду и входил в сношения с корреспондентами, отыскивая их во всех углах Сибири. Плодом его усилий было создание музея, в котором уже в 1850 году было собрано до 650 предметов». 6 июня 1851 года было утверждено «*Положение о Сибирском отделе Императорского Русского географического общества*». Побудительной причиной утверждения этого отдела было сознание необходимости сосредоточить в одном учреждении местные научные силы и направить их к постоянной и правильной деятельности на месте; чего не могли достигнуть экспедиции, снаряжаемые по мере средств центрального управления общества и не всегда соображенные в подробностях с местными обстоятельствами. 17 ноября 1851 года, по приглашению генерал-губернатора Муравьева и под его председательством происходило открытие действий отдела. Председательствующим был избран К. К. Венцель⁴⁴, правителем дел — Ю. И. Штубендорф⁴⁵. «Для вновь основанного учреждения, — говорит составитель очерка, — открывалось обширное поле деятельности. Было необходимо разработать программы будущих занятий отдела и его членов; завязались сношения с учеными обществами; было прислано множество статей географического содержания. До 40 лиц изъявили желание быть

*) «Очерк двадцатипятилетней деятельности Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества». Иркутск, 1876 год.

членами-сотрудниками, и уже в первый год существования отдела явилась мысль об издании печатного органа». Деятельность отдела с самого открытия распалась на три главных вида: снаряжение экспедиций, отправку ученых в небольшие экскурсии и кабинетную разработку научных вопросов.

Не вдаваясь в подробности, не останавливаясь на всех его предприятиях, не перечисляя всех трудов отдела и отсылая читателя, желающего иметь более подробные сведения, к ежегодно издающимся отчетам, *Известиям* и прежде издававшимся *Запискам* отдела, укажем на его крупнейшие заслуги, на более выдающиеся труды его членов.

Первым ученым предприятием отдела была *вилуйская* экспедиция. Представляя большой научный и практический интерес, край этот, изобилующий солью и цветными камнями, до того времени почему-то ускользал от исследований и оставался весьма малоизвестным. Начальником экспедиции назначен был учитель иркутской гимназии Р. К. Маак, воспитанник Петербургского университета и по специальности — натуралист. Экспедиция продолжалась год (с марта 1854 по март 1855 года). Результатом этой экспедиции явился обширный и превосходный труд: «Вилуйский округ Якутской области», изданный в 3-х частях, с многочисленными рисунками, планами и таблицами. Сюда вошли: маршрут экспедиции, ряд отдельных исследований климатических явлений края, подробное описание поездок Маака до крайних северных пунктов Вилуйского края, обширный материал для изучения естественно-исторических особенностей страны, ее флоры, фауны, геологии и минералогии; третий том занят исследованиями этнографическими, в которых говорится о быте, промыслах, обычаях, преданиях туземного населения. Тут помещены ботанические словари — якутский и тунгусский и примеры местных особенностей русского языка у жителей Якутской области. Ко всему этому — чрезвычайно любопыт-

ное описание зимы крайнего севера и тех невзгод, которые пришлось перенести Мааку и его спутникам во время их обратного пути от крайней северной точки экспедиции (68° 15' сев. шир.) до устья р. Чаны, где встретили их посланные им навстречу якуты. Несмотря на все испытанное и перенесенное в этой экспедиции, Маак, в 1855 году, становится во главе, отправляющейся для исследования тогда только что приобретенного нового края, *амурской экспедиции*. Путешествие это продолжалось с апреля 1855 по январь 1856 года. В 1859 году снова, под начальством Маака, снаряжена была *уссурийская экспедиция*, в которой этнографические исследования принял на себя член отдела Брылкин. Описания путешествий амурской и уссурийской экспедиций, превосходно изданные, заключают в себе весьма много данных по географии, этнографии и исследованию флоры и фауны посещенных экспедициями местностей^{*)}.

После экспедиции Маака, по распоряжению генерал-губернатора, работала в долине Уссури особая съёмочная экспедиция, под начальством полковника Будаговского. В экспедиции этой участвовали и чины отдела — Усольцев⁴⁶ и нынешний консул в Урсе Шишмарев⁴⁷. Затем отдел принял предложенные енисейскими и олекминскими золотопромышленниками средства для научного исследования, особенно их интересовавших и малоизвестных местностей, и снарядил экспедиции *туруханскую и олекминско-витимскую*. В первой собраны были обширные материалы по геологии, флоре и фауне Лопатиным⁴⁸ и материалы этнографические — Щаповым. К сожалению, капитальнейший труд Щапова, совершенно уже приготовленный к печати, сгорел в иркутский пожар 1879 года. В олекминско-витимской экспедиции князь Крапоткин⁴⁹, отыскивая скотопро-

^{*)} «Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела Имп. Русск. Геогр. Общ. в 1855 г. Р. Мааком», Спб. 1859 г. и «Путешествие по долине р. Уссури. Совершил Р. Маак». Спб. 1859 г. — Оба издания с рисунками и картами.

гонный тракт, собрал весьма много данных для картографии, геогнозии, ботаники и зоологии.

В 1869 году распорядительный комитет отдела, обсуждая план его занятий, остановился на мысли сосредоточить деятельность отдела на научных, по возможности всесторонних, исследованиях Иркутской губернии, не отказываясь в то же время пользоваться представляющимися случаями и материальными средствами к исследованию и других мест. План этот основывался на том соображении, что экспедиции и экскурсии в пределах одной ближайшей губернии, не требуя больших затрат, обещали в недалеком будущем цельный труд *всестороннего* исследования хотя одной местности Восточной Сибири. Это решение совпало со временем, когда в лице нескольких наиболее образованных поляков, сосланных в Восточную Сибирь по польскому восстанию, отдел приобрел ревностных и талантливых сотрудников. Труды Чекановского, Дыбовского, Годлевского, Черского и некоторых других по геологии Иркутской губернии, Байкала, Даурии, по исследованию прибайкальской фауны и бирюсинских пещер признаны образцовыми и Географическим обществом, и Академией наук, и иностранными учеными обществами. К этой же категории трудов следует отнести и этнографические исследования Щапова в Верхонском крае.

В 1878 году в Омске образовался Западно-Сибирский отдел Географического общества, вследствие чего отдел, находящийся в Иркутске получил нынешнее его наименование — Восточно-Сибирского.

Наиболее выдающимся деятелем отдела, за последнее время, по справедливости должен быть признан Г. Н. Потанин. Первым из его главных путешествий была экспедиция, снаряженная в 1876 году Географическим обществом в северо-западную Монголию. Спутниками его были известный путешественник

ориенталист Позднеев, натуралист Березовский и топограф Рафаилов. С половины и до конца 1879 года г. Потанин с двумя сотрудниками сделал вторую поездку в те местности Монголии, которых не мог посетить в первом путешествии, и затем, вернувшись в Петербург, занимался до 1883 года обработкой собранного материала. В 1883 году Географическое общество снарядило новую экспедицию на китайскую восточную окраину нагорной Центральной Азии (Ганьсу), мало донныне известную и представляющую в физическом и географическом отношении большой научный интерес. По первоначальному предположению, экспедиция должна была состоять из Г. Н. Потанина и А. В. Потаниной, но впоследствии, благодаря частному пожертвованию⁵⁰, обусловившему поступление в восточно-сибирский музей всех собранных экспедицией коллекций, явилась возможность присоединить еще двух сотрудников: геодезиста А. И. Скасси и сопутствовавшего г. Потанину в его прежнем путешествии натуралиста М. М. Березовского. Экспедиция отправилась в августе 1883 года, на военном фрегате «Минин», на китайское побережье; весной 1884 года она вышла из Пекина и углубилась в Китай, потом вовнутрь Монголии, по новому, совершенно неизвестному, пути и поздней осенью достигла Кяхты. Научные результаты этой экспедиции, по словам компетентного ценителя такого рода трудов, г. Семенова⁵¹, чрезвычайно обширны и представляют высокий научный интерес: 69 астрономических пунктов, более 6 000 верст съемки, большей частью мензульной, представляют блестящий геодезический и картографический труд превосходного геодезиста и астронома А. И. Скасси. Не менее богаты привезенные М. М. Березовским коллекции геологические, а также драгоценный этнографический материал. В последнее время г. Потанин жил в Иркутске, где состоял правителем дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества, занимался обработкой

материала, собранного им в последнюю экспедицию. Отсюда, в 1888 году, он, по поручению отдела, предпринимал поездку в Ургу, для собрания статистических сведений о сбыте русских товаров среди кочевого населения западной Монголии. Осенью прошлого года г. Потанин отправился в Петербург для издания своих последних трудов, которые, несомненно, составят весьма ценное добавление к его прежде изданным «Очеркам северо-западной Монголии», представляющим собой 4 объемистых (свыше 130 печатных листов) выпуска, в которых изложены результаты его путешествий 1876–1880 годов.

Из числа других многочисленных экскурсий и путешествий, предпринимавшихся членами отдела в последние годы, следует указать на поездку Н. М. Ядринцева, совершенную им в 1889 году к вершинам Орхона, весьма серьезным результатом которой явились открытия местонахождения столицы Чингис-хана, древнего Каракарума, и находка каменных таблиц с китайскими иероглифами, содержащими текст, изображенный руническими знаками, вроде минусинских. Предположение, что эти надписи представляют параллельные тексты, дает надежду дешефрировать минусинские письма.

Литературная деятельность Сибирского, а затем Восточно-Сибирского отдела Географического общества не ограничивалась изданием вышеуказанных отдельных трудов экспедиций, снаряжавшихся отделом, но выразилась, главным образом, в издании *Записок*, *Известий* и отчетов отдела. «Обязанный своим существованием, — говорит составитель очерка двадцатипятилетней деятельности отдела, — необходимости научных исследований, совершаемых на месте по непрерывному плану, отдел должен был вскоре после своего открытия проявить свою деятельность в литературе и для этого иметь свой печатный орган. Еще прежде учреждения отдела у многих из живших в Сибири лиц накопились литературные труды, остававшиеся в портфе-

лях частью по скромности авторов, частью по отдаленности Сибири от литературных центров. Для многих других людей, способных и обладавших сведениями, не было ближайших побуждений к ученым и литературным занятиям и они делились своими познаниями разве с заезжими учеными и путешественниками. Едва открылся отдел, как в него буквально посыпались отовсюду статьи самого разнообразного содержания. Так уже в первый год деятельности отдела в него поступило до 40 статей, в 1862 году их накопилось до 250. Правда, большая часть этих статей не много прибавляла ценного материала к имевшимся уже сведениям о Сибири; но и материала вполне ценного для науки было не мало. Сначала отдел посылал эти статьи для напечатания в главное Географическое Общество, но вскоре оказалось; что само общество затрудняется печатанием их, по обилию материалов для своих изданий, и само предложило отделу основать собственный печатный орган. Так создались в 1854 году *Записки Сибирского Отдела*. План, издания составлен тогдашним редактором *Записок Географического общества*, даровитым В. А. Милютиным⁵²; местным редактором избран был И. С. Сельский⁵³. Пять томов *Записок* было напечатано в Петербурге; начиная же с шестого, они печатались в Иркутске. В 1870 году отдел нашел возможным, кроме *Записок*, издавать *Известия*, в которых, в видах скорейшего обнародования более или менее интересных и имеющих современное значение сведений, предполагалось помещать небольшие исследования и статьи, а также и летопись отдела». В последние несколько лет *Записок* отдел не издавал, *Известия* же продолжают выходить ежегодно, в числе четырех-пяти номеров. Печатаются они, в настоящее время, в количестве 350 экземпляров и расходятся преимущественно между членами отдела, членами Географического общества и учеными обществами и учреждениями, с которыми отдел обменивается изданиями.

Отчеты отдела, печатающиеся ежегодно, иногда отдельными книгами или брошюрами, иногда в книжках *Известий*, заключают в себе также довольно много интересных сведений и сообщений. Особенно выдаются в этом отношении отчеты за 1868 и 1869 годы. Содержание их далеко не исчерпывается отчетом о положении разных отраслей дел и предприятий отдела; в них помещен целый ряд самостоятельных монографий членов отдела: Чекановского, Дыбовского, Петухова, Усольцева, Фритше, Липинского, Пржевальского, Полякова и др., между которыми особенно выдается отчет И. С. Полякова о поездке в восточный Саян. Это не только блистательное этнографическое исследование быта инородческого населения одного из самых интересных уголков Иркутской губернии, но и вполне художественное литературное произведение. Красоты Байкала и природы восточных отрогов Саянского хребта, жизнь и быт населяющих ее туземцев переданы с такой поразительной и вместе совершенно непритязательной картинностью, что ставят этот затерянный в другом отчете «отчет» наряду с наиболее художественно описанными путешествиями. И в этом отношении, в числе произведений его автора, «отчет» этот стоит не одиноко. Все, что выходило из-под пера этого безвременно погибшего художника-исследователя, отмечено несомненным и крупным талантом. Довольно прочесть, ему же принадлежащее описание весны в окрестностях Иркутска, чтобы убедиться в этом*). Уроженец Забайкальской области, из бедной и простой семьи, Поляков был уже взрослым казаком, когда начал учиться. Пройдя всего одну только низшую школу, с трудом добравшись до Петербурга, преодолев там все препятствия, он поступил в университет, блистательно кончил курс, получил степень магистра зоологии и место хранителя зоологического музея Академии Наук. В 1880 году отправившись в Сибирь вокруг света, он много

*) Помещено в Милютинском *Сборнике историко-статистических материалов по Вост. Сибири*.

работал на Сахалине, на берегах Восточного океана и на Амуре, но не успел еще обработать собранный им обширный материал, как смерть прервала его труды на сороковом году жизни.

Снаряжавшиеся отделом экспедиции и экскурсии его членов сопровождалась в огромном большинстве случаев съемками проходимых экспедициями местностей, и в общей своей массе съемки эти в течение 40-летнего существования отдела значительно подвинули вперед картографию Восточной Сибири. Собиравшиеся экспедициями коллекции входили большей частью в состав коллекций, принадлежащих отделу музея, который, благодаря этому, в конце семидесятых годов обладал значительными научными богатствами. Библиотека отдела также представляла тогда весьма ценное собрание научных книг. Пожар 1879 года уничтожил и музей, и библиотеку. Уцелели только те вещи, которые посылались в Москву на антропологическую выставку. Музей и библиотека отдела возобновлены и к 1 января 1890 года музей имел 9 098 номеров, а библиотека состояла из 10 082 томов. Относя музей и библиотеку к учреждениям образовательным, мы будем говорить о них более подробно в соответствующем месте.

Весьма близко к некоторым из задач Географического общества подходит деятельность нескольких других, находящихся в Иркутске, учреждений, как, например, топографический отдел, межевые учреждения, магнитно-метеорологическая обсерватория, статистический комитет. Первое из названных учреждений, военно-топографический отдел Сибирского округа учрежден в 1864 году.

Его первоначальная деятельность была направлена на изучение малоизвестных тогда областей Забайкалья и Приамурского края. В Забайкальской области сперва производились простые инструментальные съемки, затем были определены астрономические пункты и проложена геодезическая сеть.

Съемка производилась в верстовом масштабе. В общем, Забайкальская область исследована в топографическом отношении довольно подробно. На Амуре инструментальные съемки делались, главным образом, в тех местах, где производилось наделение казаков амурского войска землей. Прочие местности искрещивались в разных направлениях маршрутными съемками. В 1879 году пожар Иркутска уничтожил почти все подлинные документы и картографические работы, хранившиеся в здании штаба. В настоящее время имеются только копии этих работ в уменьшенном масштабе, хранящиеся в Петербурге в главном штабе. — В 1884 году военно-топографический отдел Восточно-Сибирского военного округа был упразднен, большая часть его состава переведена в Приамурский округ, в Иркутске же осталась лишь так называемая *топографическая часть* штаба Иркутского военного округа, состоящая всего из 4-х производителей работ и одного заведывающего. Топографы и чины Восточно-Сибирского отдела и теперешней иркутской топографической части не раз принимали участие в экспедициях и трудах Сибирского и Восточно-Сибирского отдела Географического общества. То же нужно сказать и об офицерах генерального штаба, состоявших на службе в этом округе, начиная от начальника Муравьевского штаба, талантливого и высокообразованного Кукеля⁵⁴, бывшего даже довольно долго председателем отдела, и до офицеров, служивших в крае в последнее время. В 1887 году графом Игнатьевым была снаряжена так называемая *саянская* экспедиция, состоявшая из чинов местной топографической части, работавших под начальством одного из членов географического отдела, полковника генерального штаба Н. Л. Бодыря⁵⁵. Результатом этих работ было нанесение Тункинского инородческого ведомства и прилегающей части Монголии маршрутами по астрономическим пунктам.

Что касается постоянного исследования физических свойств Восточной Сибири и правильного, систематического производства метеорологических наблюдений, то первые к тому попытки проявились в Иркутске еще в половине прошлого столетия. В *Актах Академии наук* имеются данные о температуре в Иркутске за 1753–1756 годы. Такие же данные имеются и за 1780–1782 и 1794 — 1798 годы. В конце прошлого же столетия Лаксман, о котором мы говорили выше, приготавливал на своей Тальцинской фабрике термометры, которыми сам пользовался и снабжал любителей-метеорологов, высоко их ценивших. В тех же *Актах Академии наук* сохранились барометрические наблюдения в Иркутске за время с 1800 по 1842 год. Между 1820 и 1844 годом директор иркутской гимназии С. С. Щукин⁵⁶ производил наблюдения термометрические, барометрические и осадков. Часть этих наблюдений напечатана в труде академика Вильде⁵⁷ «О температуре воздуха в Российской империи»; остальные частью до сих пор не опубликованы и хранятся в архиве главной физической обсерватории, частью были в свое время напечатаны в *Иркутских Губернских Ведомостях*. С 1842 по 1847 год такие же наблюдения производил в Иркутске и г. Сементовский⁵⁸. С 1870 по 1872 год и с 1873 по 1879 год метеорологические наблюдения вел полковник Усольцев; большая часть их напечатана в летописях главной обсерватории. С 1878 по 1885 год наблюдения производились при Иркутской учительской семинарии воспитанниками под руководством директоров Соколова и Егорова. Отсюда они были перенесены в музей Географического общества, где и велись до открытия в начале 1887 года действия иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, устройство которой, по представлении в 1885 году директора главной физической обсерватории, академика Вильде, было возложено на Э. В. Штеллинга⁵⁹, нынешнего директора устроенной им обсерватории. На сооружение здания обсерватории и все

приспособления было ассигновано 17 000 р. Городская дума предоставила в пользование обсерватории место в 5 500 кв. сажен, весьма удобно расположенное на возвышенности в южной окраине города. Иркутская обсерватория принадлежит к метеорологическим станциям первого разряда и снабжена в достаточной степени хорошими инструментами, количество которых притом ежегодно пополняется. Большая часть этих инструментов приобретена на специально ассигнованные на этот предмет средства, некоторая часть — на средства, освободившиеся за упразднением обсерватории в Пекине. Несколько инструментов были вывезены из упраздненной нерчинской обсерватории. Управление обсерваторией, а равно заведывание и руководство всеми метеорологическими, магнитными и климатологическими наблюдениями в Восточной Сибири, в Забайкальской области и Приамурском крае вверено директору обсерватории. С открытием действия иркутской обсерватории начались правильные работы по метеорологии не только в Иркутске, но и во многих других пунктах на обширном пространстве от Енисея до Тихого океана и от китайской границы до Ледовитого океана. Основано много новых станций 2-го и 3-го разряда, а существовавшие прежде приведены в порядок.

Началом статистических работ в Восточной Сибири следует считать первую, произведенную в ней в 1722 года, перепись. «Приехал из Тобольска, — отмечает под этим годом иркутский летописец, — капитан князь Гавриил Солнцев, с помощником капитаном Седаковым, для народной переписи». Через двадцать два года после того (в 1744 году), по словам той же летописи, «приехали из Тобольска подполковник Степан Угрюмов и капитан Сергей Плохов для производства народной переписи, в которую женский пол не был записан. Чиновники эти были страшные притеснители граждан, взяточники, они даже осматривали дома и имущество, отыскивали, кто имел порядочное

состояние». Затем, как и везде в России, эти, производившиеся исключительно с фискальными целями, переписи следуют периодически одна за другой. Научного, конечно, в них ничего не было. Не сразу поставили на научную почву местную статистику и «Правила для статистических комитетов в губерниях», со времени издания которых должен был бы существовать и иркутский статистический комитет. В апреле 1853 года центральный статистический комитет министерства внутренних дел разослал всем губернаторам предложение сообщить сведения о деятельности находящихся в их губерниях статистических комитетов, а также доставить соображения о мероприятиях, необходимых для улучшения деятельности этих комитетов. Предложение это было получено и в Иркутске. В ответ на него иркутский губернатор приготовил сообщение о том, что «о существовании в Иркутске губернского статистического комитета в делах иркутского общего губернского управления» им «не найдено никаких сведений». Затем высказывалась мысль, что, так как с 1851 года в Иркутске основан Сибирский отдел Географического общества, то в учреждении для Иркутска губернского статистического комитета надобности не предвидится; «почему же не было открыто комитета сего прежде, а потом, — заканчивал свой ответ губернатор, — настоящему губернскому начальству неизвестно». — Но граф Муравьев, на просмотр которому сообщение это поступило, с такого рода соображениями не согласился. Он нашел, что отдел Географического общества ни в каком случае не может заменить статистический комитет, и признал, что существование такого комитета и соблюдение им предназначенных для него «Правил» было бы очень полезно и даже необходимо. Исходя из этих соображений, генерал-губернатор, в августе того же 1853 года, предписал губернскому начальству озаботиться устройством и организацией комитета, согласно требованиям закона, и возможно скорей открыть его действие.

Требование это было исполнено, и с 1854 года и по настоящее время иркутский статистический комитет действует согласно указаниям, которые даны в общем «Положении о губернских и областных статистических комитетах».

Первым делопроизводителем иркутского комитета был избран, занимавший в то время должность директора училищ Иркутской губернии, Бабановский⁶⁰. С начала шестидесятых годов и до начала восьмидесятых комитет работал довольно энергично, благодаря стараниям и трудам его секретарей, Павлинова и Ларионова. Во время их службы комитет, помимо исполнения своих обыкновенных обязанностей, предпринял и исполнил немало работ по изучению и исследованию края. В то же время появилось несколько основательно составленных изданий комитета. Прежде всего, были напечатаны «Памятные книжки» по Иркутской губернии. Вторая из этих книжек, изданная в 1865 году, с весьма подробными и обстоятельными сведениями, была составлена и издана под редакцией Павлинова^{*)}. Затем «памятные книжки» выходили в 1866, 1867, 1873 и 1881 годах. Последняя из них самая удачная. В ней не один только адрес-календарь и почтовые правила, а масса систематически собранных сведений, касающихся разных сторон местной жизни. Деятельности секретаря Ларионова комитет обязан целым рядом выпущенных им статистических работ и монографий; как, например, «Опыт статистического обзора заводских и фабричных производств города Иркутска», «Очерк экономической статистики Иркутской губернии», «Губернский город Иркутск (Пожары 22 и 24 июня 1879 года)» и др. В настоящее время комитет выполняет обязательные для него работы, в числе которых первое место занимает печатание повторяющегося из года в год «Обзора Иркутской губернии», материалом которому служат сведения, доставляемые волостными правлениями. Изданная комитетом

^{*)} Первая была издана в 1861 году, но найти ее мы нигде не могли.

«Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 год» заключает в себе общие календарные сведения, адрес-календарь Иркутска и окружных городов и статистические сведения, заимствованные из «Обзора» того же года.

К совершенно иному роду статистических работ принадлежат вышедшие недавно в свет *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний*. Это тот самый труд, осуществление которого мы поставили графу Игнатьеву в особую заслугу. Дело было так. Желая урегулировать и упрочить земельное положение сельского населения края, граф Игнатьев вошел в Государственный Совет с представлением о «необходимости приступить в возможно непродолжительном времени к окончательному разрешению вопроса о поземельном устройстве сельского населения в губерниях Иркутской и Енисейской»; в виду, как объяснял начальник края, «крайней запутанности земельных отношений крестьян и инородцев, дающей повод к возникновению в среде населения серьезных недоразумений и начинающих укореняться в населении превратных понятий как о находящейся в его пользовании земле, так и объеме прав на нее». Министерство государственных имуществ, соглашаясь с необходимостью скорейшего разрешения данного вопроса, в соображениях своих, представленных Государственному Совету, высказало, что скорейшее поземельное устройство Сибири желательно поставить, во избежание слишком крупных затрат, в зависимость от окончания поземельно-устроительных работ во внутренних губерниях, перенося деятельность действующих отрядов в Сибирь, по мере окончания ими занятий в Европейской России. До издания же нового закона о поземельном устройстве государственных крестьян Восточной Сибири министерство государственных имуществ предполагало необходимым «ныне же организовать особый отряд из чинов ведомства государственных

имущества, для предварительного исследования условий быта местного сельского населения, в видах правильного разрешения законодательным порядком вопросов о размерах земельного надела и оброчной подати». На эти предположения граф Игнатьев изъявил свое согласие и они поступили на рассмотрение Государственного Совета. 12 мая 1887 года Высочайше утверждено было мнение Государственного Совета о том, чтобы состоящее при главном управлении Восточной Сибири съемочное отделение упразднить и отпускаемую на содержание его сумму 14 495 р., с добавлением к ней ежегодно 8 000 р. из сметных сумм министерства государственных имуществ обратить на исследование нынешнего положения и условий пользования землей в среде сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Во исполнение означенного Высочайшего повеления, в октябре 1887 года, по прибытии из Европейской России приглашенных графом Игнатьевым лиц, специально знакомых с делом статистического исследования; приступлено было к выработке предварительной программы, составление которой, поручено гг. Астыреву, Личкову и Смирнову, как приглашенным для ближайшего руководства работами по исследованию; приняты были во внимание, кроме инструкций и программ, полученных от министерства государственных имуществ, все имевшиеся программы местных статистических работ, употреблявшиеся в земствах Европейской России, и отдельные программы некоторых ученых обществ. Эта предварительная программа послужила для нескольких пробных местных исследований, по окончании которых и по пересоставлению ее, согласно указаниям опыта, она была рассмотрена особой комиссией из представителей местных учреждений, под председательством графа Игнатьева. По выработанной таким способом программе произведены были исследования в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии. Приемы этих исследований в общем были

те же, что в земствах, введших у себя подворную перепись населения, а результатом их явились сперва первый том (в прошлом 1890 году), а затем, в нынешнем году, 5 выпусков второго тома указанных выше «Материалов». Первый том состоит весь из таблиц: поселенных, групповых, таблицы поселенцев и таблицы хозяйства посторонних лиц. Второй том заключает в себе: введение, объясняющее цель производства данных работ, ход работ, состав партии исследователей, распределение работ между ними; формы *пообщинного бланка* и *подворной карточки*, затем идут: географический очерк Иркутской губ., ее климатический очерк, исторические данные о населении, его физические особенности, движение, группы, постройки, семейный быт, дела призрения; условия школьного образования и грамотность; положение и быт ссыльнопоселенцев; землевладение, его формы у крестьян и у инородцев; сдача и аренда земли; земледелие и скотоводство; наемный труд в крестьянском хозяйстве; сбыт сельскохозяйственных продуктов и покупки сельского населения; промыслы; подати, мирские расходы, натуральные повинности и мирские доходные статьи; бюджеты крестьянских и инородческих хозяйств; кредит; исследование доходности земельных угодий. При всем этом масса таблиц и прекрасно составленных карт.

Из этого видно, что мы имели полное основание труд этот назвать монументальным, тем более что произведен он не в европейской густонаселенной губернии, а среди населения, разбросанного на громаднейших пространствах и к тому же нередко в местах не всегда удободоступных. Особого внимания заслуживает глава о ссыльнопоселенцах. В главе этой рассматриваются: современные условия ссылки в Сибирь и условия, встречающие ссыльных на местах водворений; бродяжество ссыльных, как результат этих условий; обложение ссыльных податями; размеры ссылки в Иркутскую губернию в последние

годы; быт ссыльнопоселенцев хозяйственный и семейный. — Мы уже имели случай приводить из этого труда категорическое осуждение ссылки и те данные, на которых оно основано. Выводы эти, составляющие результат столь тщательного исследования, производившегося к тому же под непосредственным наблюдением начальника края, опубликованные по его распоряжению и при всем том касающиеся меры, правительством еще не отмененной, не могут быть заподозрены в преувеличении и в какой-либо тенденциозности. Все, в труде этом изложенное о ссылке, безусловно, подтверждается тем, что мы видим и испытываем каждый день.

Не останавливаясь на более подробном рассмотрении занимающего нас исследования, укажем на две главы, близко касающиеся города Иркутска: одиннадцатую — *сбыт сельскохозяйственных продуктов и покупки сельского населения*, и двенадцатую, посвященную исследованию *промыслов* сельского населения. В них мы находим много данных для подтверждения нашего глубокого убеждения, что правильно и широко поняты интересы города вполне солидарны с интересами окружного сельского населения; что интересы эти не могут быть разграничены городской межой; что благополучие и выгоды города без выгод и благоденствия его ближайших соседей — немыслимы.

В данное время партия статистиков, завершившая свой труд в Иркутской губернии, работает в более населенной части Енисейской губернии. Рассмотренный в Московском юридическом обществе труд этот вызвал полное одобрение. Но жизнь населения на месте не стоит, — идет вперед, а нередко и в сторону, меняются быт, экономические условия. Следить за этим движением, за этими переменами — обязанность местных статистических комитетов. Иркутский комитет в материалах, собранных статистиками министерства государственных имуществ, имеет прекрасный фундамент для своих дальнейших работ.

Полезным сотрудником в деле местных статистических исследований, в особенности по отделу санитарной статистики, может служить, а отчасти уже и служит, существующее в Иркутске «Общество врачей Восточной Сибири». Первое сведение об этом обществе мы встречаем в заметке, помещенной в 1860 году доктором Кашиным⁶¹ в *Иркутских Губернских Ведомостях*. «Сближением врачей между собой, — говорит доктор Кашин, — мы вполне обязаны штаб-доктору войск Восточной Сибири г. Вейрих⁶² и инспектору иркутской врачебной управы г. Канаст⁶³, которые заметив, что отчуждение врачей друг от друга не может принести никакой пользы как для них самих, так и в особенности для медицины, тогда как в здешнем, еще мало исследованном, крае представляется столько интересных случаев, заслуживающих серьезного обсуждения, — они старались своим примером заставить врачей делиться своими мыслями и согласились завести вечерние собрания по очереди у каждого, с единственной целью обмена мыслей, разъяснения важных практических случаев, рассуждения о характере господствующих болезней, причин развития их, о предохранительных мерах и способе лечения, — короче сказать: с целью весьма благодетельной — с целью взаимного обучения»^{*)}). Начало этих вечеров относится к 1858 году. Сперва они не имели ничего официального, прочно организованного, и были не только холодно, но даже враждебно приняты некоторой частью местного врачебного персонала. Но доброе семя не заглохло. Небольшой кружок первоначальных посетителей постепенно увеличивался и, наконец, в 1863 году обратился в утвержденное, имеющее свой устав общество. В первом параграфе этого устава указывается, что «главная цель общества состоит в научном единении врачей и, в особенности, в изучении местности, климата, образа жизни и болезней, господствующих в Восточной Сибири». Такое

^{*)} *Ирк. Губ. Ведомости*, 1860 год, № 8.

определение задач общества дает полное право причислить его к учреждениям, в круг деятельности коих входит исследование страны и изучение известных сторон жизни местного населения. В обзоре завершившегося в 1888 году первого двадцатипятилетия деятельности «Общества врачей Восточной Сибири» сообщается, что в течение протекших двадцати пяти лет в нем сделано было 124 научных сообщения, из коих 13 — по эпидемиологии, 11 — по статистике и санитарным вопросам, 5 — по медико-топографии Восточной Сибири и 6 — по сибирской бальнеологии (отыскание целебных вод и источников), остальные 84 сообщения казуистического характера и касающиеся специальных медицинских работ. В последние годы, санитарный врач города М. Я. Писарев все свои основательные и прекрасно исполненные работы по исследованию санитарного положения города сообщает на обсуждение общества врачей. Городская санитарная комиссия весьма заинтересована в постоянном и близком общении с ним, ибо только при дружном содействии членов этого общества и вообще живущих и практикующих в городе врачей она может рассчитывать на достаточную полноту требующихся ей сведений. Весьма интересными сведениями делится с обществом врач Г. И. Губкин⁶⁴ по заведываемому им Базановскому воспитательному дому. Отчеты этого учреждения ежегодно представляются на рассмотрение общества и им всегда деятельно обсуждаются. Следует также указать на исследование врача В. А. Бринцова⁶⁵ о положении умалишенных в Восточной Сибири. Положение это крайне неудовлетворительно, и желательно, чтобы данный пробел местной благотворительности был по возможности скорее пополнен. Имеющееся при Кузнецовской больнице отделение на 40 психически больных мужчин и 20 женщин на Иркутск и всю Иркутскую губернию слишком не достаточно. Труды некоторых своих членов общество врачей помещает в печатающихся протоколах его заседаний.

Было время, когда в Иркутске существовало и энергично работало еще одно весьма полезное для края учреждение — Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского Технического Общества. По инициативе Б. А. Милютина, которого мы уже не раз и, при весьма разнородных случаях поминали, и по ходатайству некоторых иркутских капиталистов, промышленников и техников, в августе 1868 года последовало разрешение на учреждение в Иркутске отделения Технического Общества, причем, согласно ходатайству учредителей, к предметам занятий этого отделения отнесено было и попечение о местном сельском хозяйстве во всех его отраслях. В число членов отделения, кроме 20 учредителей, сразу вступили около 100 лиц разных сословий и самого разнообразного общественного положения. Энергия учредителей была так велика, что еще до получения официального утверждения они задумали и подготовили выставку местных произведений. Необходимые на это денежные средства были собраны по подписке, которая дала 985 р. Помещение для выставки было предоставлено генерал-губернатором в прежнем помещении главного управления. Выставка была открыта 12 и продолжалась до 24 октября 1868 года. Экспонированных предметов на выставке находилось 2 790, экспонентов — 204. Большую часть последних составили городские жители, крестьян и инородцев было всего 30% от общего числа, а преобладающий характер выставки — мануфактурно-ремесленный. В следующем 1869 году отдел повторил выставку, причем она не ограничилась, как первая, произведениями одной Иркутской губернии, но, нося название Восточно-Сибирской, экспонировала произведения и других губерний и областей края. На второй выставке экспонированных предметов было 2 500, экспонентов — 253. Большинство последних были жители Иркутска и Иркутской губернии, но были также из Забайкалья, Енисейской губернии и Якутской области. В числе выставленных

предметов особенное внимание, по словам отчета, обращали на себя акклиматизированные в Восточной Сибири лучшие породы злачных растений, норфолькский картофель, австралийский и калифорнийский овес, курчавая малайская капуста, люксембургский лук-порей и полупудовый арбуз из Якутской области, мериносовая шерсть, образцы сукон и паровая машина местной работы. Этой, так сказать, общей выставке предшествовали две специальных, конская и цветочная. Сибиряки вообще, а иркутяне в особенности, любят цветы. Климатические условия не позволяют им разводить красивые, пышные цветники, но зато комнатная культура цветов в Иркутске распространена более чем где-либо и притом во всех слоях общества, до самых бедных домов включительно. Этому много способствует значительное число солнечных дней в году и сравнительно быстрый рост растений, поощряющий труды цветоводов. Лишенный в течение целой половины года возможности пользоваться дарами природы, присужденный довольствоваться душной комнатной атмосферой, выходец из страны, обладающей лучшим климатом, старается наверстать утраченные, но не забытые им прелести родины, которые он пытается, и не без успеха, иметь у себя дома. Эту любовь он передает детям, и для них цветы являются не украшением только, а друзьями, домочадцами, о которых очень и очень заботятся, которым отводят всегда лучшее окно и самый светлый угол. Поэтому не удивительно, что была здесь задумана цветочная выставка и что выставка эта удалась. Всех экспонентов на ней было 31, из коих только три садовника по профессии. Выставленных экземпляров было 965. Лучшие принадлежали известному в свое время в Иркутске любителю-садоводу А. К. Гофману. Кроме живых цветов, особенное внимание обращал на себя выставленный г. Логовским травник, заключающий более 1 000 видов растений, собранных преимущественно в окрестностях Иркутска и других местах

Предбайкальского края, в числе коих имелись виды, которых до того времени в этой части Азии ученые путешественники еще не встречали.

Помимо выставок, деятельность Восточно-Сибирского отделения Технического Общества была довольно разнообразна: устраивались технические беседы, организовано было справочное бюро для советов, справок и запросов, строилась образцовая крестьянская усадьба, издавались *Записки* и *Известия*. Первый номер *Записок* отделения был издан в Петербурге в 1869 году, затем ежегодно вместо *Записок* печатались *Известия* то в Иркутске, то в Петербурге. Всех книжек *Известий* вышло семь.

Мало-помалу это полезное учреждение стало сокращать свою деятельность, а с переездом покойного Милютин в Петербург и вовсе ее прекратило. В свое время Восточно-Сибирское Техническое отделение оказало Иркутску — да и не одному Иркутску, а всему краю — услугу значительно большую, чем все устраивавшиеся им выставки, беседы бюро и сельские усадьбы, взятые вместе: оно усерднее и успешнее всех хлопотало о преобразовании иркутской реальной гимназии в техническое, ныне промышленное, училище.

Помимо указанных нами, выходящих или выходивших в Иркутске специальных периодических и отдельных изданий, «записок» и «известий» географического отдела и технического отделения, обзоров, памятных книжек, монографий статистического комитета и протоколов общества врачей, обширный и разнообразный материал по изучению Сибири разбросан на страницах органов местной периодической печати. Нам уже приходилось говорить об *Иркутских Губернских* и *Епархиальных Ведомостях*. Неофициальная часть *Губернских Ведомостей* предназначена законом, главным образом, для помещения в ней статей, сведений и материалов географических, статистических, исторических, этнографических и пр., а также статей и сведений

о сельском хозяйстве, промыслах, фабриках и торговле той местности, в которой Ведомости издаются. Во время управления Восточной Сибирью графа Муравьева и Корсакова, *Иркутские Губернские Ведомости* задачу эту выполняли с большим успехом. Помимо того общественного и публицистического значения, который придал им граф Муравьев, о чем мы уже говорили, *Иркутские Ведомости* того времени и вообще за все время шестидесятих годов заключают в себе весьма много крайне интересных статей экономических, исторических, этнографических и других, содержательность и достоинство коих определяются уж тем, что на них указывалось в отчетах Географического Общества, — факт по отношению к *Губернским Ведомостям* почти беспримерный. Начиная с семидесятих годов и до последнего времени, *Иркутские Губернские Ведомости* по отношению разработки в неофициальной их части указанного выше материала бездействуют. Оживлялись они только в 1871–1873 годах циркулярами сенатора Синельникова. В прошлом году вздумали было *Иркутские Ведомости* заняться разработкой разных местных вопросов, появились в них статьи о ссылке, о переселениях, о местных благотворительных учреждениях, неофициальный отдел стал выходить отдельным приложением, начали их почитать, появились перепечатки из них в других газетах, но возрождение это продолжалось недолго: начиная с сентября того же года все это сразу исчезло, остались запоздалые телеграммы, публикации, полицейский дневник происшествий и сведения о прибывших и выехавших из города — и читать их перестали. Между тем, по своему положению у самого центра управления краем, они бы с полным успехом и с большой пользой для населения могли выполнять возложенную на них законом задачу. В местных архивах *Иркутские Ведомости* имеют неисчерпаемый источник для статей исторических, статистических и этнографических. Им, как учреждению правительственному, архивы

эти вполне доступны, а «без изучения истории Сибири после Сперанского основательно знать нынешнюю Сибирь и правильно понимать условия ее государственной, общественной и экономической жизни — немислимо»^{*)}), говорили в прошлом году эти самые *Ведомости*, и кому же, как не органу местного управления, содействовать этому изучению.

Иркутские Епархиальные Ведомости ведут свое дело более последовательно. На их страницах ежегодно встречаются отчеты о деятельности иркутской православной миссии, о положении в Иркутской епархии церковно-приходских и миссионерских школ. Много было помещено в этих *Ведомостях* и крайне интересных статей, заметок, сведений не только по истории Иркутской епархии, но и по истории края. Обходить этот материал исследователю истории духовного просвещения и культурного развития Восточной Сибири не следует. Упустив его, он упустит один из существеннейших источников для изучения положения и быта инородческого населения страны. В особенности в этом отношении выдаются годовые отчеты иркутской духовной миссии последнего времени. Независимо от этих отчетов иркутский комитет православного миссионерского общества издает *Труды православных миссий Восточной Сибири*. По настоящее время вышло четыре объемистых тома. В сборник этот входят: отчеты, труды, исследования и статьи, касающиеся иркутской, забайкальской, камчатской и японской духовных миссий за время с 1862 по 1886 год. Сборник начал выходить в 1883 году; четвертый том вышел в 1886 году. «Все статьи настоящего сборника, — поясняет предисловие к 1-му тому, — были в свое время напечатаны в разных духовных изданиях; но, рассеянные по разным журналам и газетам за двадцать слишком лет, они не всяким могут быть разысканы, кто бы пожелал познакомиться со служением миссий Восточной Сибири в последовательном

^{*)} *Ирк. Губ. Ведомости*, 1860 год, № 10.

порядке. Между тем, для вновь поступающих на миссионерское служение они составляют главное руководство в их служении, пока сами лично не ознакомятся с делом. Поэтому иркутский комитет православного миссионерского общества давно чувствовал потребность в подобном сборнике миссионерских статей. Кроме того, приступая к изданию его, комитет надеялся, что он может послужить средством привлечения к миссионерскому служению новых усердных деятелей.

Мы уверены, что сборник этот послужит одним из весьма серьезных источников сведений для всех, кто пожелает основательно, а не поверхностно изучать жизнь инородцев Восточной Сибири и населения, смежных с ней стран. Убеждение в этом мы основываем на нахождении в сборнике таких статей, как, например, «Поездка преосвященного Дионисия в чукотскую миссию», и «О шаманстве бурят» протоиерея Стукова⁶⁶, «Записки о поездке русского священника в Монголию» отца Никольского⁶⁷, «Буддийская космогония» миссионера Нарбоева⁶⁸. — Не касаясь задач местных миссий в отношении распространения православия, мы думаем, что едва ли кому ближе наших миссионеров знакомы быт и положение инородческого населения, его нравы, потребности и стремления. Изучать же и знать быт этого населения — долг сибирского русского общества, исполнением которого оно может принести коренным обитателям края громадную пользу.

Кроме *Губернских и Епархиальных Ведомостей*, к числу местных официальных изданий следует отнести периодически выходящие *Циркуляры Восточно-Сибирского учебного округа*, содержание коих исчерпывается совершенно обособленными служебными распоряжениями. С 1886 года при городской управе издаются *Известия Иркутской Городской Думы*. В них помещаются протоколы заседаний думы, доклады управы и комиссий, правительственные распоряжения по городским делам,

отчеты и сведения по разным отраслям городских дел. Выходят они два раза в месяц. Для людей, следящих за ходом городских дел и городского хозяйства, *Известия* эти служат полезным и даже необходимым пособием.

Просуществовавшая в Иркутске двенадцать лет газета *Сибирь*, о первых годах которой мы в своем месте говорили, отличалась обилием статей, нередко очень талантливых и основательных, посвященных большею частью разработке местных экономических вопросов. Заслуга этого органа печати, и заслуга не маловажная, в том, что он всегда держался преимущественно круга местных дел. В одном из первых своих номеров *Сибирь* говорит: «Местный сибирский орган не может тягаться со столичными, да и не в том его задача. Вопросы местные он должен предпочесть общим, содержательные факты — летучей ветренной новости». И, благодаря такому взгляду на дело, *Сибирь* не обходила ничего, что, в данное время, касалось сибирского общества, и тот исследователь, который внимательно просмотрит это издание, получит довольно верное представление о возникновении и развитии во второй половине семидесятых и первой восьмидесятых годов главнейших местных вопросов и дел. Той же системы держится и переведенное из Петербурга в Иркутск *Восточное Обозрение*. В нем время от времени помещаются весьма ценные «Деревенские письма», подписанные инициалами М. З.⁶⁹, под которыми многие узнают человека, принимавшего близкое участие в произведенном графом Игнатьевым преобразовании местного крестьянского управления. Тому же, по-видимому, лицу принадлежит и выдающаяся по своей талантливости и близкому знанию деревенской жизни статья «Десять лет в сибирской деревне», помещенная в издающемся при *Восточном Обозрении Сибирском Сборнике*. *Сборник* этот выходит два-три раза в год и в нем помещаются иногда статьи весьма интересные.

Частных изданий отдельными книгами в Иркутске почти совсем не выходит, — этому препятствует отсутствие в Иркутске цензурного учреждения. Цензорские обязанности, в случае надобности, возлагаются на того или другого чиновника, за редким исключением, вовсе к тому не подготовленного и вся забота которого сосредоточивается исключительно на мысли не подвести себя под ответственность или неудовольствие. Бывает так, что пропускаются вещи, которые более опытная столичная цензура, пожалуй, к печатанию и не допустила бы, но зато не допускается к печати многое такое, что никакими цензурными правилами не возбранено. Бывали примеры, что отчеты торговых учреждений, в которых по самому существу дела нецензурного ничего быть не могло, подвергались таким урезкам, что приходилось их переписывать и отправлять в печать в одну из столиц. Вопрос о цензуре для Иркутска весьма важен. До тех пор, пока в нем не будет постоянного цензора, непосредственно подчиненного главному ли управлению по делам печати, или ближайшему цензурному комитету, издательская деятельность здесь немыслима. Печатать, издавать книги заочно, за несколько тысяч верст можно только в редких и крайних случаях. Тут является масса неудобств, преодолеть которые, в особенности при печатании книг серьезного научного содержания, можно только личной поездкой. Так теперь и делают. Мы говорили выше, что г. Потанин поехал издавать свои труды по монгольской экспедиции в Петербург; там же или в Москве издавались до сего времени почти все книги, касающиеся Восточной Сибири, между тем авторы многих из этих книг живут в Иркутске, где имеются свои довольно удовлетворительные типографии. Так называемый, Милютинский *Сборник*, составленный исключительно из статей о Сибири, печатался в Петербурге и в предисловии к нему Милютин прямо указывает на цензурные условия, как на одну из причин, побудивших его печатать это издание в Петербур-

ге. Легко себе представить, как тяжело подобные путешествия книг и самих издателей ложатся на стоимость изданий. Мы не говорим ни о каких цензурных послаблениях, но весьма желали бы, чтобы Иркутск пользовался в этом отношении большими, чем теперь, удобствами. Увеличение числа издающихся на месте книг, несомненно, подвинуло бы здесь и типографское дело.

Мы много раз уже возвращались к пожару 1879 года, говорили о том ущербе, который пожар этот нанес то тому, то другому учреждению. Наука и исследователи края понесли действительно незаменяемую потерю в сгоревшем дотла музее и библиотеке Восточно-Сибирского географического отдела и городской публичной библиотеке. В обеих этих библиотеках хранилось много неизданных рукописей и древних манускриптов, снимков и документов. Сгорели также библиотеки многих частных лиц, учебных заведений и правительственных учреждений, причем погибло немало ценного материала для изучения Сибири. В библиотеке г. Вагина, например, сгорел едва ли не единственный экземпляр рукописи Геденштрома, заключавший в себе полный свод статистических сведений о Сибири за 40 лет и множество любопытных подробностей о сибирской жизни начала нынешнего столетия. Погибла масса драгоценнейшего, документального материала в сгоревших архивах и канцеляриях, в особенности в губернском архиве, где были сосредоточены архивные дела всех губернских учреждений. Городской архив уцелел, но сгорели дела с 1849 года, находившиеся во время пожара неизвестно для чего в канцелярии управы. Теперь во всем городе нельзя найти полного экземпляра *Иркутских Губернских Ведомостей* и тем, кому требовались для справок номера допожарного времени, приходилось платить за них более чем на вес золота. В Иркутске нет ни одного экземпляра, издававшегося в шестидесятых годах под редакцией Милютинина *Сибирского Вестника*, и имеется всего несколько разрозненных, находящихся

в городской библиотеке, номеров газеты *Амур*. А, между тем, во всех этих изданиях в свое время помещалось много статей и исследований, необходимых для изучения истории Амурского края в первые годы его присоединения. Желательно, по крайней мере, чтобы это постигшее Иркутск несчастье послужило указанием необходимости принятия мер к предусмотрительному хранению всего, что составляет умственное наследие прошлого времени.

Из изложенного нами в этой главе видно, что наследием этим Иркутск не беден: в его стенах и возле него работали такие знаменитые европейские ученые, как Паллас, Георги, Гмелин, Миддендорф; в нем трудилось много русских известных исследователей. И те и другие увозили отсюда обширный запас сведений и наблюдений, обогащавших достояние всего человечества — науку; работали здесь и свои люди. Но все, что до сего времени сделано и накоплено, или лежит еще под спудом, или представляет собой только вехи, намечающие то направление, в котором местный житель, местное население должны работать на пользу свою и своего государства. Великие ученые исследования и открытия это — светлые, радостные дни в жизни общества и народа. Желание их, сочувствие им, радостное их восприятие не могут, не должны быть помехой, заслонять собой будничную, скромную, но упорную и, главное, *сознательную* работу заурядных сил. В этой работе теперь, в данное время, страна наша больше всего нуждается. Нам нужен сознательно трудящийся работник-гражданин. Сумеем мы воспитать его в наших детях — и страна наша будет во всех направлениях исследована и изучена. Богатства ее сторицей вознаградят за этот труд. Для сознательной и производительной для себя и для других работы нужны, прежде всего, сведения, знания, которые дает школа, она же и воспитывает. Она *должна* воспитывать. Школу без воспитательного влияния мы не желали бы видеть: нам нужны не одни только знания, нам нужны образованные

люди. Мы к тому же думаем, что образование и воспитание так между собою связаны, так друг от друга зависят, что в практическом применении разлучить их, даже при желании, невозможно. Для образования и воспитания необходимы школы и вообще учебно-воспитательные средства. К рассмотрению, чем в этом отношении располагал и располагает Иркутск, мы и переходим.

Примечания

¹ Мессершмидт Даниил (Даниэль) Готлиб (нем. *Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) — доктор медицины, натуралист, академик, путешественник, родоначальник российской археологии. Руководитель первой научной экспедиции в Сибирь (1719–1727). Научными результатами экспедиции стали: многотомный отчет «Обозрение Сибири, или три таблицы простых царств природы», «Сибирская орнитология» в девяти томах и дневник путешествия в пяти томах, а также собранные Мессершмидтом многочисленные коллекции минералов, гербарии, чучела птиц и животных и многое другое.

² Страленберг (Штраленберг) Табберт Филипп Иоганн (нем. *Philipp Johann Tabbert von Strahlenberg*; 1676–1747) — офицер шведской армии короля Карла XII в Северную войну; исследователь Сибири, участник экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Попал в плен после сражения под Полтавой, отправлен в Сибирь в Тобольск. В плену провёл 13 лет. В Сибири собирал материалы по истории и географии Северо-востока Азии, составил несколько карт Сибири. После окончания Северной войны написал и выпустил в свет книгу «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» и большую карту Тартарии (1730). По разрешению российской администрации принял участие в экспедиции Д. Г. Мессершмидта; с ней побывал в Томске, Нарыме, Абакане, Красноярске, Енисейске.

³ Беринг Иван Иванович (Витус Ионассен) (дат. *Vitus Jonassen Bering*; 1681–1741) — мореплаватель датского происхождения, офицер российского флота, капитан-командор. Руководитель первой и второй Камчатских экспедиций (1725–1730; 1733–1743).

⁴ Шпанберг Мартын (Мартин) Петрович (дат. *Martin Spanberg*; 1696–1761) — датский офицер и мореплаватель на российской службе. Участник первой и второй Камчатских экспедиций.

⁵ Гмелин Иоганн Георг (нем. *Johann Georg Gmelin*; 1709–1755) — немецкий естествоиспытатель на российской службе, врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала, действительный член Петербургской Академии наук. Участник второй Камчатской экспедиции, называвшейся также Великой Северной экспедицией (1733–1743). Результатами участия И. Г. Гмелина в экспедиции стала многотомная книга «Флора Сибири» и «Путешествие по Сибири» в четырёх томах, изданная в 1751-м году в Геттингене на немецком языке.

⁶ Миллер (Мюллер) Герхард Фридрих (нем. *Gerhard Friedrich Müller*; 1705–1783) — историограф, естествоиспытатель и путешественник. Действительный статский советник; действительный член Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, организатор Московского главного архива. Руководитель академического отряда второй Камчатской экспедиции (1733–1743).

⁷ Делиль де ла Кроер Людовик (фр. *Louis de l'Isle de la Croyère*; ок. 1685–1741) — французский астроном, экстраординарный академик Петербургской Академии наук. Руководитель первой экспедиции Петербургской академии наук (1727–1730); участник второй Камчатской экспедиции (1733–1743).

⁸ Крашенинников Степан Петрович (1711–1755) — ботаник, этнограф, географ, путешественник, исследователь Сибири и Камчатки, автор книги «Описание земли Камчатки» (1755).

⁹ Фишер Иоганн Эбергард (нем. *Johann Eberhard Fischer*; 1697–1771) — немецкий историк и археолог на российской службе, академик Петербургской академии наук. Участник второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Составитель, автор предисловия и указателя изданной в 1768-м году при Академии наук книги «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием».

¹⁰ Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм (нем. *Georg Wilhelm Steller (Stöller)*; 1709–1746) — немецкий врач, путешественник и учёный-естествоиспытатель на российской службе, минералог. Участник второй Камчатской экспедиции (1733–1743), исследователь Камчатки, Аляски, Командорских и Алеутских островов, автор труда «Описание земли Камчатки» (1774).

¹¹ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — литературовед, этнограф, академик Петербургской Академии наук, преподаватель историко-филологического факультета Петербургского университета. Действительный статский советник. Публиковался в журналах «Современник», «Вестник Европы» и «Отечественные записки». Занимался переводами и редактурой переводов. Автор многих сочинений, посвященных истории русской и славянской литературы, этнографии, религиозных движений.

¹² Паллас Петр Симон (нем. *Peter Simon Pallas*; 1741–1811) — учёный-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник немецкого происхождения на российской службе (1767–1810). Действительный член Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. В 1768–1774-х годах принимал участие в нескольких естественнонаучных экспедициях по Волге, на Урал, в Сибирь, в которых собрал богатый материал по зоологии, ботанике, палеонтологии, геологии, физической географии, экономике, истории, этнографии, культуре и быту народов России; открыл и описал несколько новых видов млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и других животных. Ему принадлежит сочинение «Флора России» в двух частях (1784–1788) и другие научные труды.

¹³ Гмелин Самуил (Самуэль) Георг Готтлиб (Гмелин-младший, нем. *Samuel Gottlieb Gmelin*; 1744–1774) — медик, натуралист и путешественник немецкого происхождения на российской службе. Академик Императорской Академии наук (1767). Племянник И. Г. Гмелина (Гмелина-старшего). Гмелин-младший в 1767–1768 годах вместе с П. С. Палласом участвовал в разработке комплексного плана академической экспедиции; в Сибири не был, руководил отрядом по изучения прикаспийских стран. Погиб в 1774-м году в плену местного правителя на территории нынешнего Дагестана.

¹⁴ Георги Иоганн Готтлиб (нем. *Johann Gottlieb Georgi*; 1729–1802) — медик, химик, натуралист, этнограф, путешественник немецкого происхождения на российской службе. Профессор минералогии и академик Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Участник академической экспедиции Палласа в Сибирь; занимался исследованием Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья, Даурии.

¹⁵ Фальк Иоганн (Юхан) Петер (швед. *Johan Peter Falck*, 1732–1774) — натуралист и путешественник, доктор медицины, исследователь природы России.

Ученик Карла Линнея. Директор Ботанического сада Академии наук. Участник академической экспедиции Палласа в Сибирь.

¹⁶ Гюльденштедт (Гильденштедт) Иоганн Антон (нем. *Johann Anton Gldenstdt*, 1745–1781) — естествоиспытатель и путешественник из балтийских немцев на российской службе. Действительный член и профессор натуральной истории Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Участвовал в академических экспедициях 1768–1774-х годов, возглавлял так называемую 2-ю Астраханскую экспедицию. Гюльденштедту первоначально было поручено обследование Кавказа в пределах Астраханской губернии того времени. Однако он отправился обследовать Северный Кавказ и Грузию. В Сибири не был. Президент Вольного экономического общества (1780–1781).

¹⁷ Лепхин Иван Иванович (1740–1802) — учёный-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель, лексикограф, академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. В 1768–1772 годах путешествовал, частью один, частью с Палласом, по Уралу, Поволжью, Западной Сибири, в дальнейшем также по Русскому Северу и западным российским губерниям; собрал значительные для своего времени ботанические коллекции. С 1774-го года возглавлял Императорский Ботанический сад в Санкт-Петербурге.

¹⁸ Эйлер Христофор (нем. *Christoph Euler*; 1743–1808) — сын знаменитого математика Леонарда Эйлера. Генерал-лейтенант русской императорской армии, командир Сестрорецкого оружейного завода. Астроном; руководил астрономической экспедицией Академии наук в Орской крепости на Урале (1869), которая занималась наблюдением за прохождением Венеры через диск Солнца. Автор нескольких астрономических сочинений.

¹⁹ Фрауендорф Карл Львович (нем. *Karl Lebano Frauendorf*; до 1731–1767) — офицер немецкого происхождения на российской службе; генерал-майор; первый Иркутский губернатор (1765–1767). Фрауендорф знал геодезию, математику, фортификацию и принимал активное участие в составлении карт, планов городов и территорий; сам преподавал в Навигацкой школе в Иркутске наиболее сильным её ученикам, одним из его которых был геодезист, архитектор, краевед А. И. Лосев.

²⁰ Озерная губка — оригинальное название *Spongia baikalensis Pallas*, 1776. В настоящее время принято название *Lubomirskia baikalensis Pallas*, 1776. Пресноводный вид губок, эндемик Байкала.

²¹ Бугульдейка (Большая Бугульдейка, Тья) — одна из наиболее крупных рек, впадающих в Байкал. В устье реки расположен посёлок с одноименным названием.

²² Первое частное металлургическое предприятие в Приангарье. Основано иркутским купцом Федором Алексеевичем Ланиным (1708 — после 1746) в 1741-м году на реке Анга. Оказался нерентабельным; в 1753-м году был описан казной. Все последующие попытки Иркутской провинциальной канцелярии продать ланинский завод и возродить производство не увенчались успехом.

²³ Риттер Карл (нем. *Karl Ritter*; 1779–1859) — географ, педагог немецкого происхождения. Иностраннный почётный член Петербургской Академии наук. Автор научного труда «Землеведение Азии: география стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, то есть Китайской империи, Независимой Татарии, Персии и Сибири».

²⁴ Спафарий Николай Гаврилович (молд. Николае Милеску-Спэтару; 1636 — 1708) — молдавский и российский дипломат, политический деятель, переводчик, богослов, путешественник, географ. Выполнял дипломатические

поручения молдавских господарей в Константинополе, Стокгольме, Париже. Стронник политического сближения Молдавского княжества с Русским государством. На русской службе с 1671 года. В 1675 году в качестве посланника возглавил экспедицию русского посольства в Китай, в задачу которого входило установление дипломатических и торговых отношений с Цинской империей, составление подробного описания новых русских владений в Сибири, поиски более удобных маршрутов для сухопутной торговли с государствами Центральной Азии. Автор многих научных трудов, в том числе сочинения о географии Восточной Сибири, историко-этнографического труда о Китае и др.

²⁵ Лянгусов Спиридон Яковлевич (1640-е — 1713) — купец гостиной сотни, родом из Вятки; вел торговлю в Сибири, Китае.

²⁶ Шелихов Григорий Иванович (1747–1795) — исследователь, мореплаватель, промышленник и купец. Автор плана хозяйственного освоения Курил и проекта изыскания Байкало-Амурского транспортно-торгового пути. В 1783–1786-х годах возглавлял экспедицию в Русскую Америку, в ходе которой были основаны первые русские поселения в Северной Америке. Основатель Северо-Восточной компании.

²⁷ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — русский поэт, баснописец, представитель сентиментализма. Сенатор, член Государственного совета, министр юстиции (1810–1814).

²⁸ Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) — российский государственный деятель, дипломат. Канцлер (1797), обер-гофмейстер (1793), главный директор почты Российской Империи.

²⁹ Королевская академия Або — шведоязычный университет, существовавший в финском городе Або (Турку) с 1640-го по 1827-й год. Первое высшее учебное заведение на территории современной Финляндии. В 1808-м году после присоединения Финляндии к Российской империи Королевская академия Або переименована в Императорскую академию Або. В 1828-м году академия переведена в Гельсингфорс, где продолжила свою деятельность в качестве Императорского Александровского университета, считающегося её историческим преемником.

³⁰ Джида (бур. Зэдэ) — река на юге Бурятии, левый приток Селенги. Во второй половине XVIII века Э. Лаксман обнаружил наскальные рисунки на скалах по реке Джида, но специально не изучал их. Описание и интерпретация бурятских петроглифов принадлежит ученым более позднего времени, в том числе А. П. Окладникову.

³¹ Баранов Александр Андреевич (1747–1819) — купец, позже потомственный дворянин; предприниматель, государственный деятель, правитель (1799–1803), главный правитель (1803–1818) Российских колоний в Америке, находившихся под управлением Российской Американской компании (РАК).

³² Меглицкий Николай Гаврилович (1825–1857) — горный инженер, геолог, путешественник. Выпускник института корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге. Участник Забайкальской экспедиции (1849); производил геологические исследования в Нерчинском горном округе и в долине реки Шилки; в 1850-м году принимал участие в Якутской экспедиции, в 1852-м году исследовал долину Иркутка; в последующее время занимался изучением Байкала. Принимал деятельное участие в работах Сибирского отдела Русского географического общества.

³³ Похабиха — река, протекающая на территории современного Слюдянского района Иркутской области. Берет исток в горах Хамар-Дабана, впадает в Байкал в заливе Култук.

³⁴ Линденау Якоб Иоганн (Яков Иванович) (около 1700–1795) — путешественник, географ, этнограф, переводчик. Участник Второй Камчатской экспедиции, автор историко-этнографических трудов о коренных народах Сибири и Северо-Востока.

³⁵ Лаксман Адам Кириллович (Эрикович) (1766–1806) — сын Эрика Лаксмана; армейский поручик, занимал должность исправника в Гижигинске; один из первых подданных Российской империи, сумевших посетить Японию, закрытую в то время для иностранцев.

³⁶ Гижигинск (также Ижигинск, Гижига) — исчезнувший город в России. Основан в 1752-м году как Гижигинская крепость. С 1783-го года — город Гижигинск, административный центр Гижигинского уезда. В 1920-е годы прекратил существование; оставшаяся часть населения переехала в село Гижига (до 1926 года — Кушка).

³⁷ В 1783-м году у берегов Камчатки потерпело крушение японское судно «Синсё-мару». Спасшихся моряков, в том числе капитана Кодано Дайкокуя, в 1789-м году перевезли в Иркутск. Позже двое из команды приняли православие и остались в Иркутске — Синдзо (Н. П. Колотыгин) и Седзо (Ф. С. Ситников). Они стали учителями японского языка в Главном народном училище Иркутска. Трое из потерпевших кораблекрушение смогли в 1792-м году вернуться в Японию.

³⁸ Миддендорф Александр Фёдорович (нем. *Alexander Theodor von Middendorff*; 1815–1894) — путешественник, преподаватель, географ, зоолог, ботаник немецкого происхождения. Академик и непременный секретарь Петербургской академии наук, действительный член Императорского Русского географического общества; тайный советник. В 1840-м году участвовал в Лапландской экспедиции К. М. Бэра. В 1842–1845 годах руководил экспедицией в Северную и Восточную Сибирь, во время которой открыл плато Путорана, стал первым исследователем полуострова Таймыр, Северо-Сибирской низменности, Амурско-Зейской равнины, Станового хребта, нижней части бассейна Амура, южного побережья Охотского моря, Удско-Тугурского Приохотья, Шантарских островов.

³⁹ Обон (также обо, омбон, амбон) — межевой пограничный знак на государственной границе; столб или груда камней; указатель дорог, сложенный из камней, земли или веток.

⁴⁰ Агте Николай Христианович (Христофорович) (1816–1867) — военный топограф, генерал-майор, исследователь Забайкалья и Приамурья. Выпускник Харьковского университета. Принимал участие в работе Комиссии сенатора И. Н. Толстого, производившего ревизию в Восточной Сибири. С 1843-го по 1845-й год занимался производством топографических работ в Западной Сибири. С 1849-го по 1852-й год руководил секретной Забайкальской экспедицией для сбора сведений об истинном состоянии российско-китайской границы и её соответствии Нерчинскому договору 1689-го года. Экспедиция производила свои исследования от Байкала до Охотского моря. В результате экспедиционных исследований была составлена подробная карта Станового хребта и Бурейских гор.

⁴¹ Шварц Людвиг Эдуардович (при рождении Петер Карл Людвиг Шварц, нем. *Peter Carl Ludwig Schwarz*; 1822–1894) — астроном, директор Дертпской обсерватории, член Императорского Русского географического общества и Русского Астрономического общества. В 1849–1852-х годах принимал участие в Забайкальской научной экспедиции. Открыл и описал Верхнезейскую равнину, хребет Турана, исследовал верхнее течение Гонама (бассейн Алдана)

и собрал первые сведения об Алданском нагорье. В 1853–1858 годах — руководитель математического «отдела» Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества.

⁴² Шмидт Фёдор (Фридрих) Богданович (нем. *Friedrich Karl Schmidt*; 1832–1908) — геолог, ботаник и палеонтолог. В 1859–1862-х годах принимал участие в экспедициях в Амурский край и на Сахалин, в результате которых была найдена юрская флора Амурской области, открыты меловые и кайнозойские отложения на Сахалине. В 1866-м году по заданию Академии наук работал в низовьях р. Енисей, где изучал труп мамонта. С 1900-го года — председатель Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции.

⁴³ Седаков Василий Иванович (1798 — ок. 1860) — натуралист, краевед, учитель, инспектор Иркутской мужской гимназии, распорядитель «музея естественных предметов» при Главном управлении Восточной Сибири. Увлекался естественно-научными исследованиями, коллекционировал насекомых, растения и минералы. Член Московского общества испытателей природы.

⁴⁴ Венцель Карл-Бургард Карлович (1797–1874) — генерал-лейтенант, сенатор. Военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор (1851–1859).

⁴⁵ Штубендорф Юлий Иванович (1811–1878) — государственный деятель, тайный советник. Выпускник Дерптского университета, ботаник, врач, доктор медицины. Один из основателей Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и музея при нем; первый правитель СОИРГО (1851–1853). Гражданский губернатор Якутской области (1857–1862).

⁴⁶ Усольцев Арсений Федорович (1830—1909) — астроном, военный топограф, геодезист и геолог. Правитель дел Сибирского отдела Русского географического общества, член Совета Главного управления Восточной Сибири. Действительный статский советник. Участник экспедиции 1855–1858 годов в Забайкальскую область под руководством Л. Э. Шварца; экспедиции 1859 года по рекам Амур, Усури, Сунгача под руководством подполковника К. Ф. Будогосокого; экспедиции 1863–1864 годов в составе дипломатической миссии в Китай; экспедиции в Амурский край 1867–1869 годов. Сыграл большую роль в изучении Сибирских земель и в работе Сибирского отдела Русского географического общества.

⁴⁷ Шишмарёв Яков Парфеньевич (1833–1915) — дипломат, генеральный консул Российской империи в Урге (1863–1911), переводчик, монголовед. Своими усилиями обеспечивал мирные и добрососедские отношения с Монголией, содействовал развитию русско-китайской торговли. Участвовал в составлении одной из первых карт Восточной Монголии по поручению Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Занимался историей, переводил книги с санскрита и тибетского языка на монгольский, собирал этнографические коллекции. Действительный член СОИРГО. В тексте столица Внешней Монголии Урга ошибочно названа Урса.

⁴⁸ Лопатин Иннокентий Александрович (1839–1909) — горный инженер, промышленник, путешественник, археолог, географ и геолог, исследователь Сибири и Дальнего Востока. Принимал участие в нескольких научных экспедициях, в том числе Витимской (1864), Туруханской (1866), Сахалинской (1867–1868), Чулымской (1875), Абаканской (1876) и др.

⁴⁹ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) — революционер-анархист, географ и геоморфолог. Из княжеского рода Кропоткиных. Участвовал в экспедициях в Восточной Сибири и Маньчжурии. В 1866 году возглавил Олёкминско-Витимскую экспедицию Восточно-Сибирского отделения Императорского

Русского географического общества.

⁵⁰ Это пожертвование было сделано Владимиром Платоновичем Сукачевым. Известия Императорского русского географического общества от 1883-го года, публикуя отчет об экспедиции Г. Н. Потанина в провинцию Ганьсу, сообщали: «В апреле текущего года счастливое обстоятельство позволило Г. Н. Потанину расширить первоначальную программу своих исследований по части естественной истории и включить в нее топографическую съемку. Такое расширение программы осуществилось благодаря просвещенному содействию Владимира Платоновича Сукачева, пожертвовавшего на этот предмет Императорскому русскому географическому обществу пятнадцать тысяч рублей» (Изв. Императорского Русского географического общества. Т. 19, вып. 1–2, 4–5. СПб., 1883. С. 128).

⁵¹ Семенов Тянь-Шанский Петр Петрович (до мая 1906 года — Семёнов; 1827–1914) — географ, ботаник, статистик, экономист, путешественник, государственный и общественный деятель. Вице-председатель Императорского Русского географического общества. Почётный член: Императорской Академии наук и Академии художеств. Сенатор, член Государственного совета.

⁵² Милютин Владимир Алексеевич (1826–1855) — юрист, экономист, публицист, историк. Выпускник Петербургского университета. Действительный член и секретарь Русского географического общества и редактор «Вестника РГО».

⁵³ Сельский Илларион Сергеевич (1808–1861) — чиновник Главного управления Восточной Сибири, действительный статский советник. Историк и литератор, правитель дел Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, редактор ученых записок, журнала «Вестник Восточной Сибири».

⁵⁴ Кукель Болеслав Казимирович (1829–1869) — генерал-майор, начальник штаба войск Восточной Сибири, военный губернатор Забайкальской области (1862–1863), председатель Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

⁵⁵ Бобыр Николай Павлович (1854–1920) — офицер русской армии, генерал от кавалерии (1911), исследователь. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов, Первой мировой войны. В 1884 году назначен исполняющим должность штаб-офицера для особых поручений при командующем войсками Иркутского военного округа. С мая по октябрь 1887 года возглавлял Саянскую экспедицию по исследованию пограничного района Иркутской губернии, в ходе которой были обследованы склоны Восточного Саяна и озеро Косогол. По результатам экспедиции им была оставлена карта Тункинского инородческого ведомства и российской территории, прилегающей к Монголии.

⁵⁶ Шукин Семён Семёнович (ок. 1795–1868) — ботаник, метеоролог, педагог, директор Иркутской гимназии (1832–1842). Член Вольного экономического общества, член распорядительного комитета Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Статский советник.

⁵⁷ Вильд Генрих Иванович (нем. *Heinrich von Wild*; 1833–1902) — физик и геофизик, швейцарец по происхождению. Работал в России. Экстраординарный академик Петербургской Академии наук, директор Центральной физической обсерватории. Президент Международного метеорологического комитета, председатель Международной полярной комиссии.

⁵⁸ Сементовский Григорий Петрович (1809–1877) — педагог, преподаватель гимназии и училища для детей канцелярских служащих, член совета по учебной части Девичьего института. Член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества; член Иркутского губернского статистического комитета. Коллежский советник.

⁵⁹ Штеллинг Эдуард Васильевич (1850–1922) — геофизик, выпускник Дерптского университета; директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, организатор сети метеорологических станций Сибири. Член-корреспондент Петербургской Академии наук.

⁶⁰ Бобановский Константин Петрович (1806–1866) — педагог, выпускник Казанского университета. Директор училищ и благородного пансиона при Иркутской губернской гимназии; статский советник.

⁶¹ Кашин Николай Иванович (1825–1872) — врач, преподаватель, доктор медицины, этнограф. Выпускник Московского университета. Член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества; член Общества врачей Восточной Сибири.

⁶² Вейрих Генрих Васильевич (Вильгельмович) (1828–1863) — врач, ботаник, путешественник. Выпускник Дерптского университета. В 1852–1855 годах принимал участие в кругосветном плавании из Кронштадта к берегам Амура на фрегате «Паллада». Член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Один из организаторов Общества врачей Восточной Сибири.

⁶³ Кинаст Карл Васильевич (нем. *Carl Wilhelm Friedrich Kiehnaast*; 1819–1869) — доктор медицины. Выпускник Дерптского университета. Инспектор Иркутской врачебной управы (1854–1860).

⁶⁴ Губкин Григорий Ильич (1859 — после 1902) — врач-педиатр, доктор медицины. Выпускник Московского университета. Директор Базановского воспитательного приюта. Директор, старший врач Иркутской детской Иваново-Матренинской больницы (1895–1902).

⁶⁵ Брянцев Владимир Аполлонович (1852–1914) — врач-психиатр, преподаватель, ученый-исследователь. Выпускник Казанского университета. Заведующий отделением душевнобольных Иркутской Кузнецовской гражданской больницы. Председатель Общества врачей Восточной Сибири. Гласный Иркутской городской думы (1898–1902). Действительный статский советник.

⁶⁶ Стуков Константин Константинович (1809–1883) — православный священник, миссионер, преподаватель, писатель, этнограф. Выпускник Иркутской духовной семинарии. Служил в Нерчинске, Иркутске, Чите, Оёке. Член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, действительный член Иркутского губернского статистического комитета.

⁶⁷ Никольский Иоанн Платонович (? — 1893) — православный священник из бурят, миссионер, преподаватель. Служил в Забайкалье. Для духовного окормления православных и постройки храма в Урге в 1864 году был направлен в Монголию. Строитель и священник Свято-Троицкого православного храма в Урге (ныне — Улан-Батор).

⁶⁸ Норбоев Алексей (1848–1891) — православный священник из бурят, миссионер, преподаватель, историк-краевед, переводчик. Служил в Кударинском, Часовенском и Агинском миссионерских станах в Забайкалье. В 1886 году вместе со священником Д. Сизым перевел на бурятский язык сочинение митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) «Указание пути в царствие небесное».

⁶⁹ М. З. — Михаил Загоскин.

VI

Учебно-воспитательное дело в Иркутске

Первая школа в Иркутске возникла при Вознесенском монастыре. Около 1725 года управлявший Вознесенским монастырем архимандрит Антоний Платковский¹ предложил правительству открыть при монастыре школу сперва монгольского, а затем китайского языка; «чтобы, — как писал он, — посредством изучения сих языков удобнее действовать в распространении между монголами и китайцами православной веры и в видах сношений торговых»^{*)}). Как на источник средств для содержания этой школы, Антоний указал на Посольский монастырь за Байкалом, для чего он предлагал приписать его к Вознесенскому монастырю со всеми его доходами, а равно обложить с той же целью известным взносом и другие монастыри Иркутской провинции. Правительство приняло предложение Платковского, и школа, наименованная *мунгало-русской*, была учреждена, построена и открыта.

В 1727 году архимандрита Антония Платковского в управлении монастырем сменил назначенный первым епископом иркутским Святитель Иннокентий². Школу он нашел в большом беспорядке. Приписка Посольского монастыря к Вознесенскому не состоялась; взамен этого тобольскому преосвященному

^{*)} Громов: «Начало христианства в Иркутске и Св. Иннокентий».

и губернатору предоставлено было определить штатное число учеников и назначить им содержание от сибирских монастырей. Тобольские власти положили быть в школе 25 ученикам, «из коих десятерых контентовать³ монастырю Селенгинскому Троицкому, восьмерых Киренскому Троицкому и семерых Посольскому Преображенскому», для чего монастыри эти обязаны были «доставлять месячного содержания ученику на одежду 10 алтын и на пищу муки ржаной 2 пуда, круп 5 фунтов и 2 фунта соли»^{*}). — Учитель, выходец из Монголии, лама Лапсан и помощник его из новокрещенных бурят Николай Щелкунов по-русски говорить не умели и для объяснения уроков преосвященный вытребовал из Селенгинска переводчика, некоего Ивана Пустынникова.

В начале 1728 года Святитель Иннокентий приступил к устройству другой школы, совместной с первой — *славяно-русской*; и, по рекомендации иркутского духовенства, первым преподавателем в ней назначил посадского человека Ивана Павлова Норицына, с жалованьем 20 р. в год на готовом содержании. Ученикам отведено было помещение в одном здании с монгольскими. Для пополнения школы учащимися преосвященный разослал предписание, чтобы священно-церковнослужительские дети от 7 до 15-летнего возраста присылались в училище к определенному сроку, под опасением 15-рублевого штрафа. Этой мерой к 1730 году собрано было в училище 35 человек. По кончине Святителя школа распалась. Преемник его Иннокентий II-й Нерунович⁴ восстановил ее и набрал около 60-ти человек. В 1746 году он скончался, и мунгало-русская школа снова и навсегда прекратила свое существование.

В 1754 году по распоряжению правительства Императрицы Елизаветы Петровны в Иркутске открыта была школа *навигации и геодезии* или, как она обычно называлась, *навигацкая*

^{*}) Там же.

школа. Ученики этой школы по окончании курса назначались подштурманами на казенные и купеческие суда, плававшие из Охотска в Камчатку, к берегам Северной Америки и к островам Курильским и Алеутским, делались землемерами или же получали учительские должности. По замечанию г. Вагина, навигацкие школы составляли одно из любопытнейших явлений своего времени и принесли много пользы там, где были учреждены, а в Сибири, при недостатке средств к образованию, больше, чем где-либо. В иркутской навигацкой школе воспитывался один из образованнейших и полезнейших людей в Сибири за время Сперанского — Лосев^{*)}.

23 марта 1780 года в Иркутске было открыто первое в Сибири среднеобразовательное учебное заведение — духовная семинария. Открыта она была по указу Святейшего Синода иркутским епископом Михаилом Миткевичем⁵. 22 сентября 1879 года семинария праздновала свой столетний юбилей. В принадлежащем ей теперь здании⁶ она помещается с 1846 года, до того же времени помещалась в доме, занимаемом теперь мужским духовным училищем. В настоящее время в ней воспитывается около 100 человек. В прежние годы бывало несколько более. Так в 1863, 73, 83 годах воспитанников в семинарии числилось 123–125. В последнем учебном году преподавателей в ней состояло 8, управление — из двух лиц. Бюджет 1889 года был в 67 477 р. Семинария владеет лучшей в Иркутске библиотекой, состоящей из 15 484 томов, в числе которых есть очень много редких и ценных изданий. В иркутской духовной семинарии воспитывались знаменитый миссионер преосвященный Иннокентий⁷, впоследствии митрополит московский, Щапов, Шашков, протоиерей Прокопий Громов, М. В. Загоскин и много других полезных тружеников на духовном и гражданском поприщах. Она же служит и главным рассадником миссионеров Восточной Сибири.

^{*)} В. И. Вагин: «Сведения о деятельности гр. Сперанского».

Одна семинария не была бы в состоянии удовлетворить потребности воспитания детей местного духовенства. В дополнение к ней в Иркутске было основано мужское духовное училище. С течением времени училище это утратило свой строго-сословный характер и теперь более трети его воспитанников не принадлежат к духовному званию. На 1 января 1890 года из общего числа 177 воспитанников было 20 детей дворян и чиновников, 8 — мещан и разночинцев, 12 — крестьян и казаков и 2 — инородца. Весьма значительное число оканчивающих учение в иркутском духовном училище в семинарию не поступают и избирают себе какое-либо другое поприще. Содержание этого училища обходится около 30 т. р. в год.

Почти одновременно с духовной семинарией (всего год спустя) в Иркутске открыта была *градская школа*. По свидетельству Словцова, в школу эту на первых же порах поступило 130 учеников, но вскоре их стало значительно меньше. Школа, благодаря губернатору Кличке⁸, была снабжена хорошей библиотекой. В 1789 году градская школа, получив несколько более расширенную программу, была переименована в *главное народное училище*. Шесть лет спустя (в 1795 году) к этому училищу была присоединена и навигацкая школа. Несколько ранее этого, в 1790 году, в виду потребности в переводчиках для сношений с соседними странами, открыты были классы монгольского, китайского и маньчжурского языков. На первых порах в классах появилось около 60 учеников, но через четыре года пришлось дело это прекратить, ибо «изучение сих языков, — по словам Мартоса, — было оставлено по причине их трудности и неудобности»^{*}). Та же участь постигла позднее класс японского языка, учрежденный, благодаря появлению в Иркутске двух японцев, спасшихся от кораблекрушения у наших берегов. Класс этот существовал

^{*}) *Мартос*: «Письма о Восточной Сибири».

более двадцати лет, имел сперва 5 учеников из воспитанников духовной семинарии, потом только двух и, наконец, остался один. Удостоверившись, что и этот в течение 20 лет ничему не научился, генерал-губернатор исходатайствовал разрешение класс японского языка закрыть, а единственному ученику «предоставить свободу избрать другой род жизни».

В 1805 году, взамен главного народного училища, в Иркутске учреждены были губернская гимназия, уездное и приходское училища. «12 ноября, — сообщает иркутская летопись, — по предписанию попечителя Казанского учебного округа Румовского⁹, торжественно открыта гимназия. Открытие ознаменовано крестным ходом из собора к Тихвинской церкви, сопровождаемым преосвященным Вениамином¹⁰ с избранным иркутским духовенством, а потом освящена и открыта гимназия. При открытии после молебствия говорили в честь торжества речи: учителя Бельнов, Флорианский и пастор Беккер»^{*)}). Проследить историю иркутской гимназии было бы весьма интересно; к сожалению, сделать это невозможно: все тот же пожар истребил все нужные для того сведения и данные. Во всяком случае, насколько можно судить по сохранившимся отрывочным материалам, на жизни иркутской гимназии отразились многие местные и случайные условия. Более полувека она была единственной на всю Восточную Сибирь. Состав учившихся в ней был самый разнообразный, — воспитывались здесь и дети местных жителей, и тех, которых судьба, так или иначе, заносила в этот край. Иркутской гимназии посчастливилось в хорошем выборе ее директоров, в числе которых были такие образованные и выдающиеся люди, как Словцов, Щукин, Бабановский, Маак. Учительский персонал в тридцатых, сороковых и пятидесятых годах представлял собой единственный оазис умственной жизни и в городе, да, пожалуй, и во всем крае.

^{*)} «Летопись» *Пежемского*.

В организации своей иркутская гимназия ничем почти не отличалась от прочих русских гимназий. Сперва в ней преподавались логика, российская словесность, история, география, статистика, математика, физика, естественная история, языки немецкий и латинский; французскому языку не обучали за неимением учителя. Воспитанники обучались также рисованию и танцам. Сперанский, во время пребывания которого в Иркутске директором гимназии был Словцов, его товарищ по академии, дал о ней попечителю Казанского учебного округа самый лестный отзыв.

В отношении учебных пособий иркутская гимназия была довольно хорошо снабжена, — к ней перешло все имущество, библиотека, музей и коллекции главного народного училища и соединенной с ним в 1795 году навигацкой школы; последняя до 1812 года продолжала существовать и при гимназии. По предписанию сибирского генерал-губернатора, школа эта 8 сентября 1812 года была окончательно упразднена и обучавшиеся в ней 11 учеников «препровождены в иркутское губернское правительство для распределения их по части землемерия и архитектуры». Некоторые из них впоследствии получили места по учебной части. Имущество навигацкой школы поступило в собственность гимназии. Пользовалась гимназия и разными пожертвованиями. Помещалась она с самого ее основания в том здании или, вернее, на том месте, где находится и теперь. Первоначальное здание в 1879 году обгорело и затем почти заново построено.

В 1829 году состоялось Высочайшее повеление об учреждении при сибирских гимназиях ветеринарного класса. В добавление к этому распоряжению, в следующем 1830 году Государственным Советом было постановлено: «Не обращая в ветеринарных врачей казенных гимназистов, вопреки настоящему их назначению, избирать потребное число детей городских

сибирских казаков и заводских крестьян и обучать их в сибирских гимназиях, приготавливая, таким образом, к изучению ветеринарной науки; тех из них, кои обнаружат надлежащие успехи, отправлять собственно для обучения ветеринарным наукам в С.-Петербургскую Медико-Хирургическую академию и в московское оной отделение». Но мера эта в Иркутске не привилась, как это и предвидел генерал-губернатор Восточной Сибири, еще ранее на сделанный ему запрос: «не возможно ли бы было учредить в Иркутске ветеринарную школу из тамошних охотников», — объяснивши, что «свободных охотников к сей науке сомнительно найти в Иркутской и Енисейской губерниях, ибо там в лекарские ученики никто вступить не желает».

В сороковых годах в иркутской гимназии вместо греческого языка преподавались судопроизводство и законоведение; последний предмет ученики гимназии имели право до 1866 года слушать взамен латинского языка, от которого до этого года им позволялось освобождаться с лишением права поступления в университет; в пятидесятых годах вместо французского языка предполагалось ввести преподавание английского, но предположение это выполнено не было. По ныне действующему положению о гимназиях и прогимназиях иркутская губернская гимназия обращена в классическую.

Возрастание числа учащихся за время от основания гимназии до семидесятих годов выражается следующими цифрами:

в 1806 г. было 35 учен,	в 1850 г. было 140 учен.
„ 1825 г. „ 47 „	„ 1855 г. „ 180 „
„ 1833 г. „ 78 „	„ 1860 г. „ 228 „
„ 1836 г. „ 147 „	„ 1865 г. „ 209 „
„ 1840 г. „ 138 „	„ 1871 г. „ 233 „
„ 1845 г. „ 135 „	„ 1873 г. „ 238 „

В течение одиннадцати лет, с 1857 по 1867 год включительно, в иркутской гимназии обучалось 2367 учеников, из коих было

из первых четырех классов 303 (13%) и кончило курс 105 (4½%). В 1883 году в ней состояло 308 воспитанников, в 1889 г. — 305, а на 1 января нынешнего 1891 года — 313; в числе последних находилось: детей дворян и чиновников — 151, духовного звания — 5, купцов — 69, мещан — 64, крестьян и казаков — 18, инородцев — 3 и прочих — 3. В приеме в последнем году отказано 16-ти. Преподавателей гимназия в настоящее время имеет 20; управление ее состоит из двух лиц. Годовой бюджет составляет 66 510 р. 38 к. Сумма эта пополняется следующими поступлениями: из Государственного Казначейства 43 912 р. 95 к., за учение пансионеров — 17 050 р. 60 к., процентов с капиталов, принадлежащих гимназии — 5 780 р., от городской думы субсидии на параллельные классы 5 780 р., от частных лиц и других источников — 317 р. 21 к.

Почин распространения женского образования в Иркутске положен учреждением в 1838 году *Сиропитательного дома Елизаветы Михайловны Медведниковой*¹¹. Это благотворительное и вместе с тем учебно-воспитательное заведение основано на капитал, внесенный потомственным почетным гражданином И. Л. Медведниковым¹², по словесно выраженной воле его покойной матери, Е. М. Медведниковой, определившей часть своего состояния на воспитание детей женского пола беднейших жителей Иркутска. По мысли И. Л. Медведникова*), часть капитала была употреблена на устройство дома и обзаведение основывавшегося учреждения, другая — 15.633 р. обращена в основной капитал Медведниковского банка, предназначенного служить источником средств сиропитательного дома. Мера эта оказалась чрезвычайно удачной. Представляя собой в течение многих лет единственное кредитное учреждение в Сибири, Медведниковский банк быстро и широко развил свои обороты. На 1 января 1876 года его основной капитал возрос до 415 959 р.,

*) Скончался в 1889 году в Москве.

запасный числился в 263 721 р. Обороты банка в 1875 году превысили 10 миллионов и дали прибыли 381 476 р. В настоящее время капиталы Медведниковского банка превышают 1 300 000 р. Постепенно рос и сиропитательный дом. В 1863 году в нем находилось 100 воспитанниц, в 1873 году — 140, в 1883 году — 163, в 1889 году — 193; в настоящее время в нем воспитывается около двухсот девушек. Принадлежа к разряду низших учебных заведений, Медведниковский сиропитательный дом, по мысли своей учредительницы, имеет целью, как мы уже сказали, служить местом призрения детей неимущей части городского населения и готовить их к трудовой жизни. Задача эта не из легких. К удовлетворительному разрешению ее стремятся многие однородные учреждения и у нас и на Западе, но стремление это, в силу многих весьма сложных условий, успехом увенчивается не часто. Находясь в течение своего полувекового существования под управлением начальниц с различными образованиями, а главное — с различными педагогическими идеалами, он вынес много перипетий и только в последнее время дело воспитания и обучения в нем можно считать поставленным на более верные и прочные основания. В материальном отношении заведение это обставлено прекрасно, помещается оно в принадлежащем ему обширном здании; бюджет его в 1889 году составлял 56 635 рублей. Во всяком случае, как учебное заведение, Медведниковский сиропитательный дом много способствовал распространению образования среди местного женского населения.

Настоятельная потребность не столько для Иркутска, но и для всего края в женском учебном заведении, с программой более расширенной, чем та, которая была применена к Медведниковскому сиропитательному дому, представляющему собой, к тому же, учреждение филантропическое, пользоваться которым могут только неимущие, побудила генерал-губернатора Руперта ревностно приняться за учреждение в Иркутске деви-

чьего института. Благодаря его хлопотам и усилиям, на дело это поступили крупные пожертвования от золотопромышленников Кузнецова, Голубкова и Мясникова, и 1 июля 1845 года девичий институт Восточной Сибири был торжественно открыт в построенном для него, на Шалашниковской улице¹³, здании, занимаемом в настоящее время приготовительным классом сибирского кадетского корпуса. В 1961 году институт был переведен в новое, выстроенное на берегу Ангары, обширное трехэтажное здание. В 1875 году он праздновал тридцатилетие своего существования. По этому поводу, в только что тогда начавшей появляться под редакцией г. Вагина газете *Сибирь* помещена была передовая статья, в которой автор, говоря о прошлом института, сообщает, что «институт в первое время был обставлен прекрасно. Начальницей приехала Каролина Карловна Кузьмина¹⁴, женщина умная, энергичная, с отличным образованием. Учителями поступили лучшие из тогдашних учителей иркутской гимназии: К. П. Бабановский, З. Г. Каленко¹⁵, Г. П. Сементовский, Ф. Ф. Ольдекоп¹⁶. Главные начальники края — сначала Руперт, а потом граф Муравьев — принимали в институте живейшее участие». Переходя затем к самой организации института, автор объясняет, что «иркутский институт был основан по образцу губернских институтов»; «и хотя сделана была уступка местным потребностям в том, что в институт допускались не одни только дворянки, но и дочери богатой буржуазии, но, тем не менее, воспитание в нем в значительной степени сохранило дворянский характер. Другого типа и не могло иметь в виду тогдашнее образованное, преимущественно дворянское общество; но он был непонятен и чужд сибирякам, которым быт русских дворянских корпораций не был знаком даже по слухам». «Последствия, — говорит далее цитируемая статья, — не замедлили обнаружиться на первых же выпусках. Практический и насмешливый сибиряк тотчас же подметил и осудил слабые стороны институток. Он

успел подметить наивность, изнеженность, отвращение к черному труду, отвычку от семейной жизни, пристрастие к внешности и к аристократизму. Но он не заметил, что за этими недостатками скрывались другие, весьма симпатичные черты, а если заметил, то не сумел понять и оценить их. На долю иркутской институтки выпала в сибирском обществе та же миссия, какую когда-то вообще выполняла институтка в русском обществе. Она приносила с собой не одну только утонченную внешность. В черствую и грубую среду, часто даже не прикрытую наружным лоском, погруженную только в свои корыстные интересы, лишенную нравственных идеалов, институтка вносила новые жизненные начала». «Жизнь брала свое; она всасывала в себя новых прозелиток и перерабатывала по своему масштабу; но она не могла заглушить запавшей в их душу искры. Институтка делала только, так сказать, физические уступки требованиям среды и жизни, но свято охраняла свой нравственный мир». «Не видя возможности осуществить свои идеалы в настоящем, она старалась осуществить их в будущем. Ее понятия, ее взгляды на жизнь — переходили от нее к ее детям. Не было своих детей, она сообщала эти понятия чужим, и может быть в этом случае миссия ее была даже важнее и плодотворнее, чем в тесной рамке домашнего очага».

Отзыв этот помещен в газете и принадлежит перу человека, которого нельзя никак заподозрить в излишней идеализации чего бы то ни было. На глазах редактора газеты и вместе автора статьи прошел весь длинный период постепенного, медленного пробуждения в сибирском обществе умственной жизни, зарождения и развития ее нынешних проявлений. Согретый неподдельным чувством, отзыв его, в наших глазах, служит верным мериллом той заслуги в проведение гуманных начал в понятия и обиход местного общества, которые в свое время оказали воспитанницы теперь уже полвека доживающего деви-

чьего института Восточной Сибири. Всякому свое, и мы сочли своим долгом, говоря об этом учреждении, привести и напомнить доброе о нем и заслуженное им слово.

Но время брало свое. Одного института на всю Восточную Сибирь оказывалось недостаточно, требовался иной род воспитания, доступный для всех слоев общества, требовались учебные заведения, которые не разлучали бы воспитанниц от их семей. Удовлетворить эти потребности в России призваны были женские училища ведомства министерства народного просвещения и женские гимназии. — В конце 1860 года, в *Иркутских Губернских Ведомостях* появилось незадолго перед тем изданное «Положение» об этих училищах. Положение это было сопровождено следующим сообщением: «Начальник Иркутской губернии сим объявляет, что на основании выше напечатанного «Положения о женских училищах министерства народного просвещения» имеет быть открыто в городе Иркутск, в октябре месяце сего года, училище второго разряда для доставления средств к образованию девиц лицам всех свободных состояний. Оно будет состоять из 3-х классов, из которых в нынешнем году откроется только 1-й». Затем следовало указание условий и формальностей приема*). Из этого можно было бы заключить, что последовало какое-либо распоряжение об открытии в Иркутске такого училища. Но дело было иначе. Никакого распоряжения никто не делал. Собрался в Иркутске кружок лиц, достаточно просвещенных и доброжелательных, чтобы ревностно ухватиться за предоставленную изданным правительством положением возможность учредить в городе, где им приходилось жить, училище, которое, говоря языком самого положения, имело бы целью — «сообщить ученицам то религиозно-нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей супруги и матери

*) Иркутские Губ. Вед. 1860 год, № 32.

семейства». К кружку этому, в который вошли представители самых разнообразных слоев иркутского общества, примкнули иркутский губернатор П. А. Извольский¹⁷ и городской голова Хаминов¹⁸. Не обошлось дело и без Б. А. Милютин. Городское общество дало помещение, средства, Милютин хлопотал, подымал всех на ноги, писал, губернатор поддерживал, содействовал, чем мог, а *Губернские Ведомости* в течение нескольких лет были органом этого доброго дела. Иркутское общество в деле этом в первое время раздвоилось. В то время, как люди состоятельные и лично в деле не заинтересованные увлекались им, давали средства, — те, для которых училище учреждалось, относились к нему холодно, с недоверием, выжидая, что будет дальше. Такое отношение вызвало, почти накануне открытия училища, заметку, в которой отцы и матери семейств убеждались посылать в него своих детей. «На содержание училища городское общество, — говорилось в этой заметке, — пожертвовало ежегодную сумму, а для помещения уступило один из своих домов; в настоящее время здание это средствами того же общества уже совершенно приготовлено к принятию для образования в нем будущих воспитанниц. Лицам, не имеющим средств вносить деньги за обучение, предложено бесплатное помещение детей в гимназию. Вот что сделано. Но какое сочувствие нашли себе все эти начинания в семействах города Иркутска? Готовы ли отцы и матери воспользоваться предложенными средствами к образованию дочерей своих?» «Откладывать помещение дочерей в училище до будущего времени, в ожидании примеров других, значит намеренно упускать дни и лета детей, самые драгоценные для образования, и этой медленностью делать их не столько восприимчивыми к наукам»^{*)}). Как бы то ни было, училище было открыто, и те же *Губернские Ведомости* радостно сообщают, что «27 октября (1860 года) совершилось в Иркутске

*) Там же, 1860 год. № 40.

событие. В этот день открылось иркутское девичье училище, первое подобного рода в Восточной Сибири. Призыв к обществу не остался безответен. Оно прислало в училище 20 воспитанниц». Рассказав о торжестве открытия, происходившем в присутствии графа Муравьева, преосвященного Евсевия¹⁹ и всех прочих властей, автор этого сообщения говорит: «Плоды училища пожнем, впрочем, не мы. Это — завидная участь будущего поколения. Нам же, истинно сочувствующим всему, что только делается во благо *народа*, остается радоваться, что столица Восточной Сибири не отстала от старших сестер своих, и что первый опыт народного образования начинается у нас с женщин. Да будут же они провозвестницами святых и великих начал, которые необходимы народу, на которых зиждется как гражданственность, так и народная нравственность; — да сделает же училище воспитанниц своих добрыми матерями и истинными гражданками. Нам говорили, что открытое вновь училище будет под непрерывным контролем общества. Оно вполне публично, ибо всякий может в учебное время, продолжающееся между 9 часами и часом пополудни, посещать его, — следить за методом преподавания и воспитания и тем самым способствовать еже-часному его усовершенствованию. Остается в заключение пожелать, чтобы доброе начало не ограничилось сделанным и чтобы вновь открытое училище привело нас скорее, — как можно скорее, — к торжеству открытия *женской гимназии*»^{*)}). Так думали, говорили и делали в Иркутске тридцать лет тому назад.

Но желанию преобразования училища в женскую гимназию суждено было осуществиться только в 1874 году. Между тем, училище быстро росло. В 1863 году оно имело уже 114 воспитанниц, в 1873 году — 210. Через пять лет по преобразовании его в женскую гимназию наплыв учениц был так велик, что пришлось учредить прогимназию, которая и была открыта

^{*)} Иркутские Губ. Ведомости. 1860 год, № 44.

в 1879 году. В 1883 году в гимназии было 222, в прогимназии — 228 воспитанниц. С того времени численность воспитанниц обоих этих заведений остается почти без изменения. На 1 января текущего года в гимназии было 219 воспитанниц, в прогимназии — 211. Случаев отказа в приеме на каждое из этих заведений в последнем году было по одиннадцати. Содержание гимназии в прошлом году обошлось в 19839 р., прогимназии — 14765 р. Источниками этих средств служит плата за учение, проценты с капиталов и субсидия от города, которую он выдает гимназии в размере 3300 р. и прогимназии — 2000 р. в год. Казенных сумм на содержание этих заведений не поступает. В первые годы существования гимназии и прогимназии главным жертвователем на их нужды был покойный И. С. Хаминов, построивший им дома (первый дом, им же пожертвованный гимназии, сгорел), снабдивший их капиталами и вообще принимавший в судьбе этих заведений большое участие, — они и носят его имя.

Если, затем, сопоставить число воспитанниц института, гимназии, прогимназии и сиропитательного дома в разное время текущего тридцатилетия, то получится следующее:

	в 1863г.	1873г.	1883г.	на 1 янв.	1891г.
в институте	30	156	121	„	113
в гимназии	114	210	222	„	219
в прогимназии	—	—	228	„	211
в сиропитательн. дом	100	140	163	„	193
Всего	344	506	734	„	736

Из этого видно, что, одновременно с увеличением общего числа обучавшихся в этих заведениях девушек, число воспитанниц института значительно уменьшается. Объяснение этого явления надо, прежде всего, искать в том положении, которое заняли в жизни местного общества женская гимназия и учрежденная впоследствии прогимназия. Холодность, недоверие к новому, необычному делу, с которым семьи, родители, большей частью

люди, воспитанные в других традициях, встретили учреждение в Иркутске женского училища, — быстро исчезли и заменились полным сочувствием и безбоязненностью за судьбу своих детей, как только познакомились они с деятельностью заведения и теми лицами, которым оно было вверено. Возможность воспитывать детей, не разлучаясь с ними, не могла также не прельстить и многих из тех, которые по своему привилегированному положению имели полную возможность поместить дочерей в институт, и они предпочли ему гимназию. В конце семидесятых годов, как мы видели, потребовалось учреждение прогимназии, которая сразу и тем быстрее наполнилась, что по своей программе она отвечала более скромным запросам еще большего слоя городского населения. В 1889 году сравнительно новое учебное заведение праздновало свое первое десятилетие. В течение этого времени начальницами прогимназии были Е. Г. Теплова, Н. В. Веневская и Е. М. Шулепникова, личные качества и педагогическая опытность которых внушили к ним полное доверие родителей и сразу поставили новое учебное заведение в положение, совершенно соответствующее его задачам. При еще очень недавнем недостатке в городе начальных женских училищ, прогимназия пополняла и этот пробел: в нее поступали многие на год, на два, чтобы пройти лишь курс начального учения. С появлением в Иркутске начальных женских училищ, поступление в прогимназию детей, не предназначенных к прохождению полного курса прогимназии, прекратилось: они нашли себе место в училищах. Как на меру весьма полезную, следует указать на введение в прогимназии рукодельных занятий.

Другой весьма существенной причиной уменьшения числа воспитанниц в институте, несомненно, было отделение Приамурского края, вследствие которого чиновников и военнослужащих в Иркутске значительно убавилось, а именно этот класс жителей более других пользуется институтом, как это и видно из

следующего сословного распределения воспитанниц института, гимназии и прогимназии на 1 января 1891 года.

	Дворян и чиновников	Духовного звания	Купеческого сословия	Мещанского	Крестьянского и казачьего	Иногородцев	Прочих	Всего
Институт	73	-	40	-	-	-	-	113
Гимназия	90	8	47	50	22	-	1	219
Прогимназия	64	8	111		21	2	5	211
Всего	227	16	248		43	2	6	543

В промежуток времени между учреждением института и женского училища, в Иркутске было основано еще одно женское учебное заведение — *духовное женское училище*. Оно было устроено на средства, пожертвованные Кузнецовым, и открыто в 1853 году, первоначально на 24 воспитанницы, которые обучались в трех классах с шестилетним курсом. Затем программа его была расширена преподаванием педагогики, физики и геометрии. Воспитанницы училища, оканчивающие в нем курс, получают звание домашних учительниц. В последние годы число воспитанниц колеблется между 90 и 100. Содержание училища обходится около 23 тыс. руб. в год. Оно состоит под Августейшим покровительством Государыни Императрицы.

Тот же период шестидесятих годов, в течение которого в Иркутске развилось и упрочилось дело женского образования, был временем возникновения здесь и вопроса о профессиональном образовании. В 1865 году в Иркутске был образован особый комитет из лиц учебного ведомства и представителей городского общества для соображений о степени применимости к местным условиям, незадолго перед тем утвержденного устава мужских гимназий и прогимназий. На предложенный вопрос: в какую гимназию должна быть преобразована существующая в Иркутске — в классическую или реальную? — представители

городского общества отозвались, что местные условия края требовали бы учреждения реальной; но так как с преобразованием единственной на всю Восточную Сибирь гимназии в реальную, учащемуся юношеству был бы закрыт доступ к университету, то они, по необходимости, соглашались на преобразование иркутской губернской гимназии в классическую, причем считали необходимым рядом с ней, учредить в Иркутске хотя бы прогимназию, но реальную. На обращение к желающим пожертвовать на это дело, иркутское городское общество обязалось в течение трех лет внести на содержание прогимназии 9 200 р., золотопромышленники согласились в течение 3-х лет уплачивать по 50 копеек с каждого рабочего на приисках, служащие по разным ведомствам в Иркутске вызвались в течение того же времени уделять известный процент с получаемого ими содержания; наконец, некоторые частные лица сделали единовременные пожертвования. Таким образом, составилась капитал в 16 000 руб., признанный достаточным на содержание училища в течение трех лет, и реальную прогимназию разрешено было открыть на правах частного учебного заведения. Но затем, весьма скоро, выяснилось, что Иркутск нуждается не столько в общеобразовательном, сколько в специальном техническом учебном заведении, и в 1869 году генерал-губернатор Восточной Сибири обратился к министру финансов с ходатайством о преобразовании прогимназии в техническое училище, стоимость содержания которого была исчислена в 16 000 р., присовокупив, что половина этой суммы будет вноситься ежегодно местными винокурными заводчиками и золотопромышленниками, а другую половину следовало бы принять на себя казне. В 1872 году министерство народного просвещения предложило преобразовать прогимназию в реальное училище с горнозаводским отделом, но представители городского общества и существовавшее тогда в Иркутске отделение Русского Технического Общества энергично настаи-

вали на неприменном учреждении технического училища, а не реального; под этим только условием дума обязывалась вносить ежегодно 8 000 р. на его содержание. При проезде в 1873 году через Иркутск Великого Князя Алексея Александровича городское общество обратилось к нему с ходатайством об ускорении дела по преобразованию прогимназии в техническое училище. Ходатайство это увенчалось успехом: 19 августа того же года был утвержден устав, а 8 ноября последовало Высочайшее соизволение на открытие в Иркутске технического училища.

Училище это состояло в ведении министерства финансов; целью его было приготовление сведущих лиц по различным техническим производствам, соответственно потребностям Восточной Сибири. Курс обучения был шестилетний в шести классах, не считая пригготовительного. Предметами преподавания были, кроме общеобразовательных предметов реальных училищ, бухгалтерия, химическая и механическая технология, механика, учение о золотопромышленности, геология, горное искусство, геогнозия и промышленное и торговое законодательство. Училище было открыто 3 февраля 1874 года и помещалось в здании, устроенном на суммы, пожертвованные золотопромышленниками. Пожаром 1879 года здание это было истреблено, но в октябре того же года занятия возобновились во временном помещении, в каменном здании химической лаборатории, построенном попечителем училища Ф. К. Трапезниковым²⁰. На постройку нового здания училище имело собственного капитала 37 000 р.; в 1882 году оно получило на этот предмет от казны 65 000 и в 1883 году от наследников И. Н. Трапезникова²¹ — 200 000 р. — В настоящее время это одно из лучших зданий в городе, в отношении же внутреннего расположения оно удовлетворяет всем потребностям училища. В 1887 году при нем выстроено новое двухэтажное каменное здание специально для механических мастерских, состоящих из отделений: слесарного, токарно-слесарного, столярно-токарного

и кузнечного. Мастерские снабжены паровым двигателем в 25 сил и электрическим освещением. Недавно при училище устроена и литейная мастерская.

Учебный план училища подвергался неоднократным изменениям. В прошлом, 1890 году, училище преобразовано в *промышленное*, с применением к нему программы, утвержденной правительством для учебных заведений этого типа. При училище пансиона нет и все воспитанники исключительно приходящие. На 1 января 1891 года их состояло 192, в числе коих детей дворян и чиновников было 35, духовного звания — 2, детей купцов — 11, мещан — 120, крестьян и казаков — 19 и прочих званий — 5. На содержание училища в прошлом году поступило 46 640 р. 32 к., из коих из Государственного Казначейства 14 000 руб., платы за учение — 8 735 руб., от города 23 728 руб. и от частных лиц — 75 р.

К числу профессиональных учебных заведений мы относим и основанную в 1872 году *иркутскую учительскую семинарию*. Кроме ее назначения — приготовления учителей для народных школ, по уставу этой семинарии предполагалось иметь при ней, для практической подготовки ее учеников, четыре начальных школы, а именно: для детей русских, для крещеных бурят Иркутской губернии, для крещеных бурят Забайкальской области и для крещеных якутов. При этом в уставе говорилось, что «так как и для других инородческих племен, как то: гиляков²², корейцев, гильдов²³ и проч. также полезно было бы приготовить народных учителей», то предоставляется впоследствии, смотря по средствам, открывать при семинарии школы и для других инородцев. — Такие школы были открыты в 1881 году в числе трех, но шестилетний опыт показал, что забайкальские буряты избегают поступать в предназначенную для них школу по ее отдаленности, а на якутах пребывание в закрытой школе отзывалось необычайной между ними смертностью. Вследствие этого

в 1888 году, инородческие школы при семинарии были закрыты, и в настоящее время при ней имеется одна только школа с двумя отделениями: одно — для русских, другое — для бурят Иркутской губернии. — На 1 января 1891 года в семинарии состояло 68 воспитанников, в числе коих было детей дворян и чиновников 8, духовного звания 2, купеческого 4, мещан 17, крестьян и казаков 22, инородцев 7, прочих 8. — Содержание семинарии обходится около 41.000 р. в год, из коих 38 т. поступают из сумм Государственного Казначейства, около 2 т. р. за учение и остальные из разных источников.

На капитал, завещанный Иннокентием Никаноровичем Трапезниковым, в память его отца Никанора Петровича²⁴, в Иркутске, в 1874 году, основано *ремесленно-воспитательное* заведение для детей мужского пола. Цель этого заведения — бесплатное призрение и обучение ремеслам беднейших граждан Иркутска и крестьян Иркутской губернии. Училище помещается в Знаменском предместье, в собственном доме, при котором имеются обширный сад и огород, и содержатся на проценты с капитала, составлявшего на 1 января 1891 года 829 306 р. 07 к. — В училище принимаются мальчики в возрасте не моложе девяти лет. Заведение имеет восьмилетний курс и по программе подходит к типу ремесленного училища, дополняющего общее образование начальных училищ до степени двухклассного сельского училища. При училище имеются мастерские — сапожная, столярная, токарная, резная по дереву и слесарная. На 1 января 1890 года в училище находилось 100 воспитанников, из коих детей дворян и чиновников было 6, мещан 75, крестьян и казаков 19. Заведение это далеко еще не доведено до того положения, в котором не только было бы желательно, но и возможно, его видеть, благодаря тем большим материальным средствам, которыми оно располагает. Принадлежащий училищу капитал, как и самое училище, находится в распоряжении иркутского городского управления.

Имея, кроме того, в своем распоряжении превышающий, как мы видели, два миллиона капитал И. Н. Трапезникова, и, выработав в прошлом году новый устав ремесленно-воспитательного училища, городское управление в текущем году перечислило из капитала Трапезникова в капитал училища такую сумму, которая доводит последний до миллиона ста тысяч рублей. Независимо от этого, в городскую смету внесена сумма в 30 155 р. 53 к. из доходов того же Трапезниковского капитала на покупку места для проектируемого нового здания училища. Обеспечив, таким образом, положение этого, находящегося в столь счастливых условиях, заведения, городское управление, надо надеяться, примет все зависящие от него меры, чтобы это благотворительное и вместе профессионально-образовательное учреждение возможно успешнее удовлетворяло своему назначению — призывать бедствующих детей и обращать их в столь необходимых для края хороших ремесленников.

В настоящее время город ходатайствует о том, чтобы к ремесленно-воспитательному училищу присоединена была и учрежденная в 1866 году *сиропитательно-ремесленная школа* имени К. П. Трапезникова²⁵. Школа эта возникла на пожертвования нескольких лиц, преимущественно сыновей К. П. Трапезникова и И. С. Хамина. В ней воспитывается в настоящее время 40 мальчиков. Собственных средств на содержание школы не хватало, и дефицит в течение нескольких лет пополнялся Медведниковским банком, впоследствии потребовавшим уплаты этих денег в количестве около 18 т. руб.

Весьма близко к этого рода учреждениям подходят находящиеся в Иркутске и принадлежащие ведомству учреждений Императрицы Марии, Александринский и Мариинский приюты для детей женского пола. Первый из них учрежден в 1852 году, второй — в 1883 году. В обоих этих приютах воспитанницы обучаются рукоделиям и церковному пению. Хор Александринского

приюта поет на всех службах Тихвинской церкви, Мариинского — в Харлампиевской. Оба хора поют весьма удовлетворительно. — В Александринском приюте воспитываются 100, в Мариинском — 90–95 детей. Оба приюта помещаются в принадлежащих им домах. На содержание каждого из них расходуется около 11 т. рублей в год.

Совершенно обособленную группу учебных заведений представляют собой имеющиеся в Иркутске юнкерское училище, приготовительный класс сибирского кадетского корпуса и военно-фельдшерская школа. Первое из этих заведений основано в 1740 году; штат его определен на 90 юнкеров и содержание его обходится около 30 т. р. — Приготовительный класс кадетского корпуса открыт в 1888 году, взамен существовавшей до пожара 1879 года Иркутской военной прогимназии, основанной в 1859 году. В настоящее время в приготовительном классе воспитывается 40 мальчиков, исключительно сыновей дворян и чиновников, служащих в военной службе или по военному ведомству в Иркутском военном округе. Содержание этого заведения обходится около 10 т. р. в год. — Весьма полезное заведение представляет собой иркутская военно-фельдшерская школа. В ней на 1 января 1800 года воспитывалось 85 человек, из коих было 60, живущих в школе, и 25 проходящих. По сословиям воспитанники распределялись так: дворян и детей чиновников — 12, духовных — 1, купеческого сословия — 1, мещан и разночинцев — 40, крестьян и казаков — 21, нижних чинов — 10. Содержание этой школы обходится в 21 212 р. в год. Все три заведения военного ведомства содержатся исключительно на суммы, отпускаемые из Государственного Казначейства.

Делом последнего времени и ярким проявлением деятельности городского самоуправления должны быть признаны иркутские городские училища и начальные школы в их нынешней постановке.

Мы видели, что в 1805 году, одновременно с гимназией, в Иркутске были основаны уездное и *приходское* училища. Первое из них, просуществовав около 80 лет, было упразднено в 1884 году. Город немедленно заменил его сперва 4-х классным, а в настоящее время — 5-классным городским училищем. За год до этого такого же типа училище было основано в Иркутске И. С. Хаминовым и наименовано училищем Императора Александра III. Первое из этих двух существующих ныне в Иркутске городских училищ содержится на средства города, второе — на проценты с капитала, пожертвованного его учредителем.

Основанное в 1805 году *приходское училище*, получило впоследствии, при возникновении в Иркутске других подобных училищ, наименование *Воскресенского*. До 1835 года в Иркутске оно было единственным. В 1835 году открыты были два новых Приходских училища — *Крестовоздвиженское* и *Преображенское*. В 1848 году основано *Знаменское*, а в 1864 году — *Успенское* училище.

В 1860 году, по инициативе губернатора Извольского, в Иркутске — и не только в Иркутске, но и в Балаганске, в Нижнеудинске — открыто было несколько воскресных школ. Иркутское общество отнеслось к ним крайне сочувственно. Собраны были достаточные пожертвования. Учителя гимназии, дамы общества и ученики старших классов гимназии принялись за обучение в этих школах. Известный в свое время учитель Виноградов и протоиерей Громов руководили ими. *Губернские Ведомости* убеждали перенести обычные по воскресеньям визиты на другие дни и тем дать возможность прислуге посещать школы. «От образования, — говорил местный официальный орган, — прислуга сделалась бы нравственнее, а это в свою очередь клонилось бы к пользе не кого другого как господ же». Но воскресные школы в скором времени были закрыты и Иркутск остался при пяти указанных выше исключительно мужских начальных

школах до начала восьмидесятых годов, когда дело народного образования было выдвинуто городским управлением среди других его дел на первый план.

В 1884 году были основаны два *нагорных* училища, а в следующем затем году открыты сразу четыре училища в предместьях города: одно — в Глазковском (мужское, *Св. Владимира*) и три в Ремесленной слободе — мужское, женское и смешанное. В 1887 году открыто *Знаменское*, а в 1889 году *Глазковские* женские училища. В течение этого же времени на капитал, пожертвованный А. М. Сибиряковым²⁶, были учреждены и переданы в ведение городского управления четыре школы имени Антонины Михайловны Кладицевой — две мужских и две женских.

Таким образом, число начальных школ, находящихся в заведывании городского управления, в течение шести лет (1884–1889) возросло с пяти до семнадцати. Но не достаточно было открыть школы, — надо было их устроить. Большинство школ были совершенно парализованы в своей деятельности теми помещениями, в которых им приходилось ютиться. В 1888 году в думе был заслушан доклад о том, что все школы, за исключением Кладицевских и трех ремесленно-слободских, имевших специально для них построенные и вполне удовлетворительные здания, помещены так, что правильно вести в них учение немислимо. И это равно относилось как к тем, которые помещались в принадлежавших им домах, так и к тем, которые должны были довольствоваться наемными помещениями. Теснота, сырость, холод, недостаток света, крайнее неудобство размещения классов, полное отсутствие места для рекреаций и неудобства учительских квартир составляли общее большое место всех этих школ. В *Успенском* училище принесенный туда термометр показывал, по прошествии часа времени, в классной комнате 2° R, в квартире учителя, помещавшейся наверху в мезонине, — 4°. Ученики и учитель сидели в шубах и валенках,

и класс начинался разогреванием в печи замерзших за ночь чернил. О вентиляции нечего было и думать, хотя в классной комнате воздуха на каждого ученика приходилось всего 0,33 куб. саж. Отношение поверхности окон к полу = 0,1. Дети жаловались на головную боль и страдали кашлем. Не лучше было положение и других училищ. В Крестовоздвиженском училище квартира учителя состояла из комнаты более похожей на чулан и помещавшейся рядом с кухней, а в Знаменском представляла собой развалины, живя в которых, учительница постоянно простуживалась и хворала. В Глазковском женском училище на ученицу приходилось, всего по 0,24 куб. саж. воздуха. В среднем выводе в школах, помещавшихся в своих домах, воздуха на ученика приходилось всего 0,44 куб. саж., а в наемных помещениях еще меньше — 0,33 куб. саж. Вследствие такой тесноты, дети и во время перемен должны были сидеть за классными столами.

Доводя обо всем этом до сведения думы, докладчик²⁷ представил вместе с тем на ее рассмотрение проект, планы и смету на устройство четырех зданий для помещения в разных частях города 8 училищ, по два в каждом здании. Такое совмещение двух училищ в одном здании вызывалось желанием уменьшить по возможности сумму предстоявшего расхода. Предложение это городская дума приняла почти без возражений и на постройку училищных зданий ею было ассигновано 70 578 р. 59 к. Постройка эта обошлась в 75 944 р. 16 к.; и 1 сентября 1889 года в новых зданиях были открыты классные занятия при совершенно иной, чем прежде, обстановке. Здания эти двухэтажные каменные. В нижнем этаже помещаются: две квартиры для учителей, большая светлая классная комната на 40 человек и одна запасная на случай введения ручного труда. В верхнем этаже, соединенном с нижним двумя каменными лестницами, расположены такая же, как внизу, классная комната, небольшая комната для библиотеки и общая для обоих училищ большая ре-

креационная зала. Кухни для учителей помещены в подвальном этаже. Училищные здания поставлены внутри дворов, вследствие чего получились площадки для игр и гимнастики. В настоящее время все городские начальные училища в Иркутске помещаются в собственных, специально для них построенных, и удобных как в учебном, так и в гигиеническом отношении, зданиях. Независимо от этого, благодаря постройке просторных зданий, училища имеют возможность принимать большее число учеников, а две смешанные школы — Св. Владимира и А. Кладичевой — имели возможность разделиться на самостоятельные мужские и женские школы.

Начиная с 1885 года увеличение городских начальных школ и числа учившихся в них шло в таком порядке:

	У ч а щ и х с я:			
	Школ	Мальч.	Девоч.	Всего
в 1885 году	10	—	—	590
„ 1886 „	15	454	275	729
„ 1887 „	16	532	307	839
„ 1888 „	16	554	318	872
„ 1889 „	17	537	345	882

Кроме городских начальных школ, в Иркутске в настоящее время имеются еще следующие однородные с ними училища:

В 1889 году в них находилось:
учеников учениц

Образцовые школы:			
При духовной семинарии	50	—	
„ женском духовном училище	—	25	
„ учительской семинарии	68	—	
Школы при приютах:			
Благотворительного общества	} 32	36	
Арестантских детей			

«Детский сад» ^{*)}	57	53
Бесплатная школа для девочек ^{**)}	—	110
Воскресная школа ^{***)}	15	12
Частное учебное заведение г-жи Шар-		
шавиной с платой за учение	8	24
Всего	230	260
	} 490	

Присоединяя к ним учившихся в городском 5-классном училище 166 и в училище Императора Александра III 174 мальчика, получим 340 учащихся, а всего 830, что с вышепоказанным числом учившихся в том же 1880 году в городских начальных школах составит 1 712 учеников всех иркутских начальных училищ. По сословиям число это распределялось так:

Детей дворян и чиновников	178	– 10,82%
„ духовного звания	22	– 1,33 „
„ купцов	40	– 2,79 „
„ мещан и цеховых	897	– 54,5 „
„ крестьян	184	– 11,19 „
„ солдат	139	– 8,45 „
„ казаков	71	– 4,32 „
„ поселенцев	90	– 5,46 „
„ инородцев	17	– 1,03 „

*) «Детский сад» основан в 1869 году, с целью подготовки детей младшего возраста к школьным занятиям. Содержится на субсидию от города (1.500 р.), членские взносы попечительного совета и частные пожертвования.

**) Школа основана в 1883 году. Содержится на личные средства учредительницы²⁸ и ею же заведывается в качестве попечительницы. В училище 2 класса, с двумя отделениями каждой. Обучение производится законоучителем и четырьмя учительницами; в школе введено рукоделие и пение.

***) Воскресная школа основана в 1885 году В. Т. Зиминым²⁹, снабдившим ее нужными учебными пособиями. Преподавание производится безвозмездно кружком учительниц разных иркутских учебных заведений. Помещение воскресной школе предоставлено в доме Ремесленно-Слободского начального училища. На расходы по содержанию школы в текущем году городская дума ассигновала 221 р. Преподавательницы от какого-либо вознаграждения за их труд отказались.

По вероисповеданию православные составляли 94,15%, затем большее число — евреи (4,68%), — их обучалось в 1889 году 77 человек. На все остальные вероисповедания, вместе взятые, приходилось менее полутора процентов общего числа. По возрасту большее число приходилось на детей от 10 до 11 лет; детей этого возраста было 303.

Если принять нынешнее население Иркутска в 50 тыс. жителей, то при 1 712 обучавшихся в 1889 году в начальных школах, один учившийся придется на 29 жителей. Не знаем, как было в 1889 году в Петербурге, в Москве и других городах, но, по сведениям, относящимся к 1886 году, в Петербурге один учившийся в начальных училищах приходился на 80 жителей, в Москве — на 75, в Казани — на 37, в Томске — на 27.

Учившихся во всех 45 учебных и благотворительных заведениях Иркутска в 1889 году было 3 947, из коих 2 334 детей мужского пола и 1 613 женского. Из помещенной в конце книги таблицы видно, что в 1863 году учащихся в Иркутске было всего 1 509 (978 м. п. и 531 ж. п.), учебных заведений — 14. Из этого следует, что за 28 лет число учебных заведений в Иркутске увеличилось почти в 3½ раза, число учащихся — в 2½, раза. Увеличение это падает всего более на начальные городские училища. Из той же таблицы видно, что в данный промежуток времени число этих училищ увеличилось в 4½ раза, а число учившихся в них — в 5½ раз, причем число учащихся детей женского пола поднялось в течение всего семи лет с нуля до 330.

Обучение в городских училищах совершенно бесплатное и в приеме отказывается только по недостатку места или в виду каких-либо особых обстоятельств и препятствий. В 1889 году отказов в приеме в городские училища было 191, причем в которых школах*) отказов не было.

*) В Глазковской школе Св. Владимира, в ремесленно-слободских женской и мужской и двух училищах Кладищевой.

В общем своем составе учебно-воспитательная часть в Иркутске и затраты на нее в 1889 году представляли следующее:

- а) Начальных училищ было 32
учившихся в них 2 048*)
содержание обошлось в 176 752 р. 62¼ к.
 - б) Низших учебных заведений 7
учившихся в них 219
содержание обошлось в 187 166 р. 71 к.
 - в) Средних учебных заведений 6
учившихся в них 987
содержание обошлось в 332 410 р. 06 к.
- Всего в 45 заведениях обучалось . . 3 947
человек и на содержание заве
дений израсходовано 720 531 р. 67¼ к.

В этой сумме расходы города составляли 193 930 р. 16¼ к., из коих на общий городской бюджет пришлось 49 675 р. 48 к. и на доходы специальных капиталов — 144 254 р. 68¼ к.

Сумма 49 675 р. 48 к., представляя общий итог расходов по городской росписи на учебную часть вообще, включает в себе 25 411 р. 48 к., израсходованных городом на начальное образование. Принимая в расчет, что общая сумма городских расходов из собственных средств города по росписи 1889 года составляла 205 698 р. 82¼ к. и, сравнивая эти суммы с таковыми же по росписям Петербурга, Москвы и Риги за те же годы, получаем следующий вывод:

*) Считая ремесленно-воспитательное заведение, сиропитательно-ремесленную школу, Александринский и Мариинский приюты, курс которых приурочен к начальным училищам.

	Общий расход		На учебную часть вообще		% общего расхода	Начальное образование		% общего расхода
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	
Петербург	7928.151	58	609659	80	= 7,6	545965	88	= 6,8
Москва	6826.559	15	476878	97	= 6,9	411727	57	= 6,05
Рига	2710.910	97	220648	72	= 8,14	67283	50	= 2,48
Иркутск	295698	82	49675	48	= 16,8	25411	48	= 8,5*)

На расходы по народному образованию в текущем 1891 году городская управа внесла в проект росписи г. Иркутска, как мы уже говорили, сумму в 49 346 р. 64 к. из собственных средств города и 45 219 р. 523 к. из доходов специальных капиталов, находящихся в распоряжении городского управления. Расходы, на которые предназначены 49 тыс. р. городских сумм, суть следующие:

содержание личного состава	11 568 р. 33 к.
учебные пособия и принадлежности	1 850 „ — „
хозяйственные расходы училищ	400 „ — „
заведение классной мебели	1 500 „ — „
на награды учащимся	440 „ — „
мелочный ремонт	1 900 „ — „
страхование	633 „ 27 „
отопление	2 096 „ — „
освещение	110 „ 25 „
очистка печных труб, караул и проч.	351 „ — „
содержание городского 5-классного училища и наем для него квартиры	6 455 „ — „
на стипендии в разных учебных заведениях	6 385 „ — „
на субсидии	9 644 „ 92 „
на содержание и преобразование городской библиотеки	6 012 „ 87 „

*) Роспись Москвы на 1889 год — Городское общественное управление в С.-Петербурге 1889 год — Bericht über den Haushalt und die Verwaltung der Stadt Riga.

При только что состоявшемся рассмотрении этой части городской росписи, городская дума утвердила все эти расходы, с добавлением к ним 221 руб. на содержание воскресной школы и 50 руб. на уроки гимнастики в женской ремесленно-слободской школе; и с уменьшением суммы, предназначенной на ремонт с 1 900 р. на 1 000 р. Дума оставила на текущий год и показанный нами ранее расход в 8 400 р. на покупку места для городского училища. Из предназначенных к израсходованию на народное образование указанных выше 451 219 р. 52³/₄ к., из специальных средств города, самую крупную сумму составляют 281 350 руб., перечисленных из благотворительного капитала И. Н. Трапезникова в капитал ремесленно-воспитательного заведения Н. П. Трапезникова, для доведения суммы капитала, принадлежащего этому заведению, до 1 100 000 р. — Кроме того, на покупку места для того же училища ассигновано 30 155 р. — Остальная часть расходов из специальных средств идет на содержание 4-х Кладищевских училищ, субсидии, стипендии и проч.

Не входя затем в излишние подробности, взглянем ближе только на некоторые более существенные и характерные статьи расхода. Учителя и учительницы городских начальных школ, при готовой квартире, отоплении и освещении получают по 500 р. в год; в Кладищевских школах две учительницы получают по 700 р., учителя — по 600 р., помощницы учительниц — по 360 р.; законоучители получают от 200 до 400 р., смотря в скольких школах преподает каждый из них. В среднем жалованье законоучителя обходится около 200 р. на школу. На преподавание гимнастики думой на текущий год ассигновано 410 р.

Стипендий город имеет в разных учебных заведениях 56. Из них в Томском университете 12, в Казанском — 1, на высших женских курсах — 1, в иркутском промышленном училище — 13, в иркутской мужской гимназии — 2, в иркутской женской

гимназии — 5, в Медведниковском сиропитательном доме — 2, в иркутской сиропитательно-ремесленной школе — 4, в Александринском приюте — 10, в Мариинском приюте — 6.

Субсидий в текущем году предполагено выдать: на содержание промышленного училища — 25 000 р.; лицам, отправляющимся в высшие учебные заведения для продолжения образования — 600 р.; на содержание параллельных классов при иркутской мужской гимназии — 5 230 р.; на приготовительный класс в той же гимназии — 550 р.; на содержание сиропитательной школы К. П. Трапезникова — 12 668 р. 69 к.; обществу оказания пособий нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в Москве — 300 р.; такому же обществу в Петербурге — 300 р. — Эти субсидии отнесены на счет капитала И. Н. Трапезникова. Из внесенных же в городскую роспись на этот предмет указанных выше. 9 644 р. 92 к. предполагается выдать: учительской семинарии — 100 р., иркутскому «детскому саду» — 1 500 р., иркутской женской гимназии — 3 300 р., иркутской женской прогимназии — 2 000 р., Восточно-Сибирскому отделу Географического Общества — 600 р., на содержание школ Кладищевой, по недостаточности процентов со специального капитала — 2 144 р. 92 к.

В числе находящихся в распоряжении иркутского городского управления капиталов, имеющих специальное назначение, находится, так называемый, капитал П. А. Пономарева³⁰ в 200 000 р., завещанный, как мы уже говорили, на учреждение в Иркутске технологического института. В силу завещания институт этот должен быть учрежден только через 99 лет со дня смерти завещателя, до тех же пор, оставаясь в ведении иркутского городского управления, капитал должен накапливаться через приращение процентов. На 1 января 1891 года он составлял уже 240 т. р.; по делавшемуся расчету, ко дню истечения 99 лет капитал этот должен составить около 23 миллионов рублей. Но до тех пор много

воды утечет и что из предположения завещателя выйдет, сказать теперь, конечно, никто не может; но весьма вероятно, что накопление капитала окажется значительно меньшим, чем предполагалось. Он находится в 5% бумагах, которые, надо полагать, в скором времени подвергнутся конверсии в четырехпроцентные и доходность капитала значительно уменьшится. По отношению к капиталу Пономарева понижение доходности затруднений никаких не вызовет: для нынешнего, да и не для одного только нынешнего, но и для нескольких следующих поколений, капитал этот мертвый. Совершенно в ином положении находятся другие капиталы. Конверсия уменьшит их доходность до 20%. Капиталы, находящиеся в распоряжении иркутского городского управления, в настоящее время приносят около 230 т.р. дохода в год. При конверсии их в 4-х процентные бумаги, доход с них уменьшится на 46 т.р. Но, помимо этого, капитальную сумму всех стипендий придется увеличить на 20% или же соответственно уменьшить бюджет стипендиатов. Последнее, при общем всем стипендиям скромном размере, немыслимо. Вообще, конверсия по отношению к учебным и благотворительным учреждениям, не могущим, подобно частным лицам, обратить свои капиталы на какие-либо предприятия, отзовется очень тяжело, значительно сократит их ресурсы и вызовет много затруднений.

Возвращаясь к покойному Пономареву, следует сказать, что он не ограничился завещанием только 200 т.р. на технологический институт. Оставив в пользование матери, сестре и жене капитал в 860 000 р., он предназначил его после их смерти на устройство училищ в Иркутске и Иркутском округе. Капитал этот находится в депозите министерства народного просвещения и часть его уже освободилась. По предложению министра народного просвещения, в Иркутске, под председательством графа Игнатьева, была образована комиссия для выработки предположений о том, какого рода школу следует устроить на свободную

часть капитала. Комиссия высказалась за учреждение сельскохозяйственной школы. На том дело пока и остановилось.

Мы видели, что в числе субсидий, выдаваемых городом, находятся небольшие субсидии обществам для оказания пособий учащимся сибирякам и сибирячкам в Москве и Петербурге. Однородное с этим общество имеется и в Иркутске. Основанное шестнадцать лет тому назад, по инициативе бывшего тогда директора училищ Иркутской губернии Маака, общество для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири представляет теперь весьма солидное и чрезвычайно полезное в учебно-воспитательном деле учреждение — той материальной поддержкой, которую оно оказывает многим, не могшим бы без этого ни продолжать, ни кончить своего образования. Из отчета этого общества за 1889 год видно, что в том году оно состояло из 9-ти почетных и 1 508 действительных членов; и капитал его на 1 января 1890 года составлял 65 467 р. 34 к. В течение отчетного года в кассу общества поступило 12 004 р. 57 к. и израсходовано им 8 900 р. 51 к. Сумму эту составили: 1 192 р. 88 к. расходов оборотных, 695 р. 10 к. расходов по управлению, хранению сумм и отчетности и 7 012 р. 53 к., выданных пособий, — 74, 6% суммы выданных пособий получили 493 учившихся в Иркутске; остальную часть пособий получили 11 учившихся: в Москве (2), Петербурге (2), Казани (3), Харькове (1), Чите (1) и Томске (2). — По разряду заведений наибольшая сумма выдана ученикам начальных школ — 1 948 р.; воспитанникам высших учебных заведений выдано было 1 680 р.; средних 1 874 р. 68 к. и низших 1 509 р. 85 к. По виду своему пособия, выдаваемые обществом, подразделяются на плату за право учения, на экипировку, на учебные пособия, на прогоны и путевые издержки, на годовое содержание и единовременные пособия. Пособия на экипировку общество, по-видимому, предпочитает другим видам пособий, в особенности по отношению к ученикам

начальных училищ. На этот вид пособий общество в 1889 году израсходовало 2 759 р. В эту сумму вошли все пособия, выданные ученикам начальных школ (1 948 р.), притом исключительно иркутских. По объяснению отчета общества, «причина крупной суммы, розданной в пособия на экипировку, — отдаленность квартир многих учащихся от учебных заведений, крайняя бедность их родителей и воспитателей, особенно из людей рабочего класса (это сословие преобладает среди учащихся начальных школ); существующая в Иркутске дороговизна на все жизненные потребности и недостаток заработка». Пособия, выдаваемые воспитанникам высших учебных заведений, состоят из годового содержания и единовременного пособия. — Наибольшую долю пособий, выдаваемых воспитанникам средних учебных заведений, получают ученики иркутской мужской (821 р. 73 к.) и ученицы женской (512 р. 50 к.) гимназий. Вообще практикуемый обществом способ раздачи пособий нельзя не признать правильным и целесообразным. А потому не удивительно, что общество это пользуется большим сочувствием среди всех слоев иркутского населения. Источники его средств — исключительно частные пожертвования и прибыль от спектаклей и литературно-музыкальных вечеров, устраиваемых членами общества. Вечера эти всегда очень охотно посещаются публикой, в особенности традиционный вечер 26 октября, день празднования присоединения Сибири к России. Несколько уже лет подряд иркутяне знаменуют этот день литературно-музыкальным вечером в пользу общества пособия учащимся. Нам сдается, что лучшего празднования этого дня трудно и придумать.

Понятие об учебно-воспитательном деле мы не желали бы суживать одними только учебно-воспитательными заведениями. Воспитывает и обучает не одна школа: частная практика местного учебного персонала, большая или меньшая доступность учебных пособий, публичные лекции, библиотеки, большее или

меньшее удобство в приобретении нужных книг, деятельность местной прессы, театр и доступность к удовлетворению эстетических потребностей человека — мы считаем по праву входящими в сферу учебно-воспитательного дела и, смотря по той или иной постановке их, не только могущими, но неизбежно всегда оказывающими благотворное или вредное влияние на ход этого дела.

Нам уже не раз приходилось говорить, что в былое время учительский персонал иркутских учебных заведений (гимназии, института, духовной семинарии) представлял собой лучшую интеллигентную часть местного общества и сослужил добрую службу в деле умственного развития этого общества. Учительский персонал иркутских учебных заведений с поднятием в данное время общего уровня не занимает теперь такого выдающегося положения, но все-таки представляет существенную часть интеллигентного слоя общества. Что касается собственно учительского персонала городских начальных школ, то тут значительное большинство составляют учительницы (5 учителей, 14 учительниц, две помощницы и одна запасная учительница), и деятельность их должна быть признана вполне удовлетворительной. Все учителя городских начальных школ получили образование в иркутской учительской семинарии, из учительниц же 2 кончили курс в иркутском институте, 1 — в виленском женском училище, 1 — в томской гимназии, 1 — на высших женских курсах и 12 — в иркутской гимназии, из коих три с золотыми медалями. Из указанных нами окладов видно, что положение учителей и учительниц начальных школ в Иркутске довольно обеспечено, по крайней мере, на время нахождения их на службе. Желательно, конечно, было бы обеспечить их и более прочно.

В шестидесятых и семидесятых годах в Иркутске происходили несколько раз педагогические съезды, но следов их деятельности никаких не осталось. Возобновление съездов было бы

очень полезно, но при условии более плодотворных занятий или, вернее, более бережливого сохранения их результатов. Частная учебная практика в Иркутске не особенно развита. Семейств воспитывающих детей исключительно дома очень мало. Гувернеры в Иркутске почти совсем отсутствуют. Гувернанток тоже не особенно много. Дети рано поступают в учебные заведения и пользуются здесь значительно большей, чем в других местах, самостоятельностью. Частная учительская практика исчерпывается большей частью подготовлением детей младшего возраста к поступлению в учебные заведения, преподаванием языков, музыки и рисования. Плата за уроки в Иркутске, как и в других местах, весьма относительная. Все зависит от умения учителя заручиться знакомствами, рекомендациями из дома в дом и составить себе репутацию опытного преподавателя. Человек, не обладающий этим умением, как и везде, обречен на плату довольно скромную, понижающуюся иногда до 15, даже 12 руб. в месяц, при 6–8 часах занятий в неделю. Зато другие получают и по 3 р. в час. Уроками, в особенности музыки, пения и языков, добывают себе средство к жизни и более образованные ссыльные и члены их семейств. Частных учебных заведений, кроме одной школы г-жи Шаршавиной³¹, по крайней мере, официально открытых, в Иркутске нет. Они здесь не прививались.

Учебные пособия и книги обходятся в Иркутске очень дорого, и добыть их не всегда бывает легко и удобно. Провоз их из столиц обходится дорого, да и продавцы накладывают большой процент. В общем, при покупке в Иркутске бумаги, перьев, тетрадей, карандашей и т. п., обходятся они на 5% дороже, чем в Москве и Петербурге, да и качество их оставляет желать очень многого. Книжной торговли в полном значении в Иркутске нет, книги продаются с канцелярскими принадлежностями, игрушками и т. п., да и то далее учебников и каких-либо случайно выписанных или присланных на комиссию книг дело не идет.

Для приобретения книг в большинстве случаев приходится обращаться или в Томск, в магазин Макушина и Михайлова, или в Москву и Петербург; а так как почта отсюда в Москву идет месяц, то получить выписанную книгу можно ранее 2–3-х месяцев только в том случае, если ее выписать из Томска и она там окажется. Неудобство это до некоторой степени заглаживается имеющимися в Иркутске библиотеками: городской, географического отдела, семинарской и общества взаимного вспоможения приказчиков. Лучшая из них — семинарская, но для сторонних лиц она недоступна. В ней много хороших и редких, в особенности специально-богословских изданий. В состав ее вошла когда-то известная в Иркутске библиотека Баснина³². В сформированной после пожара библиотеке географического отдела на 1 января 1890 года состояло, как мы сказали, 10 082 тома, представлявших 3 961 издание. Библиотека отдела состоит исключительно из книг научного содержания, преимущественно по истории, географии и естествознанию. Пользоваться ею, и притом бесплатно, могут члены отдела и лица ими рекомендованные. Городская библиотека также имеет специально устроенный для нее дом, и на 1 января 1890 года состояла из 5 797 изданий в 11 675 томах на русском языке и на иностранных языках 586 изданий в 814 томах; всего на сумму 28 532 руб. За право чтения в библиотеке уплачивается 10 р. в год или 1 р. в месяц. Залог требуется соответственный числу и стоимости книг. Содержание библиотеки обходится около трех тысяч рублей, которые почти полностью покрываются доходами с нее.

На нынешний год городская управа внесла в смету на библиотеку 6 012 р., из коих 3 012 р. — на содержание ее, покупку книг, выписку журналов и газет, 3 000 руб. на предполагаемое преобразование библиотеки, в чем она давно и очень нуждается в смысле предоставления больших удобств читающей публике и удешевления пользования книгами. Выработанный особой

комиссией проект этой реорганизации в скором времени будет рассматриваться городской думой. В данное время городская библиотека довольно полно снабжена периодическими изданиями. Пользуются библиотекой всего более чиновники, учителя и купцы. Всех книг в 1889 году было выдано 14 830, периодических изданий — 7 053 тома, иллюстрированных изданий 1 762 и газет 10 422 номера. Более всего требовались беллетристические сочинения — 11 642 тома, затем детские книги — 884. Из журналов более других требовались: *Вестник Европы* — 1 106 раз, затем *Русская Мысль* — 1 103 раза, *Русский Вестник* — 944 раза.

Библиотекой общества приказчиков пользуются исключительно его члены. Библиотека эта довольно полно подобрана и хорошо ведется. Подробных сведений мы о ней не имеем. Многие из находящихся в Иркутске казенных и общественных учреждений имеют свои небольшие библиотеки, пополняемые преимущественно ежегодной выпиской газет и журналов. Частных библиотек с промышленной целью в Иркутске в настоящее время нет. Последняя такая библиотека Шестунова³³ и Вагина закрылась в шестидесятых годах. Ее заменила общественная публичная библиотека, основанная несколькими лицами, во главе которых стоял Б. А. Милютин. Одно время она помещалась в рекреационной зале женского училища, но это вскоре оказалось очень неудобным. Дела библиотеки шли плохо и, если не ошибаемся, она была куплена городом и послужила основанием городской библиотеки, погибшей в пожаре 1879 года. Совершенно частных библиотек в Иркутске, в настоящее время, за исключением двух-трех собраний книг, подходящих под название библиотек, нет; после пожара они еще не успели сформироваться.

По сведениям иркутской почтовой конторы, в 1889 году через нее получалось 157 русских периодических изданий. В наибольшем количестве получалась *Нива* — 298 экземпляров; из газет: *Русские Ведомости* — 35, *Неделя* — 39, *Свет* — 41, *Ново-*

сти — 34, *Новое Время* — 14 экземпляров; из журналов: *Русская Мысль* — 56, *Вестник Европы* — 48, *Северный Вестник* — 14, *Русская Старина* — 36, *Наблюдатель* — 12, *Русский Вестник* — 24 экземпляра.

Местные периодические издания — *Восточное Обозрение* и *Губернские Ведомости* — имели в прошлом году: первое — около 1 250 подписчиков, из них городских 328, второе — около 700 подписчиков, в числе коих городских 140. Число подписчиков *Епархиальных Ведомостей*, если не ошибаемся, доходит до 600 или около того.

Мы уже сообщали историю местной, иркутской прессы и говорили о значении ее в деле изучения края и распространения сведений о нем. Но, помимо этого, мы придаем местной прессе, официальной и неофициальной, огромное воспитательное значение и желали бы, чтобы наши местные органы служили этому делу возможно более. Проникая в самые отдаленные закоулки страны, попадая в руки людей, принадлежащих к самым разнообразным слоям общества, они должны служить проводниками гуманизирующего начала, способствовать развитию в населении гуманных чувств и идей. Круг читателей местных органов печати не обширен, но зато лица, до которых доходят, в особенности официальные издания, в большинстве случаев не имеют для своего чтения ничего другого и читают их и по обязанности, и по доброй воле — от доски до доски. Эти же лица непосредственно соприкасаются с местным населением, имеют огромное на него влияние: чиновник, священник, волостной писарь, учитель, подрядчик, виноторговец, золотопромышленник, лавочник, приказчик — вот читатели этих изданий, а не в их ли руках жизнь, достояние, нередко и честь, местного жителя, благосостояние местного населения? Укрепление в этой среде уважения к личности и правам человека, кто бы он ни был, участливого отношения к слабым, немощным и обижен-

ным и убеждение в необходимости непрерывного служения окружающим людям — вот, по крайнему нашему разумению, воспитательная задача этих органов печати. Дело, конечно, не в надоедливом повторении правил прописной морали, а во внесении в темные закоулки очеловечивающих мыслей, запросов, в пробуждении добрых чувств и в установлении хотя бы некоторой, хотя бы самой слабой связи между людьми, живущими в глуши и общим движением человеческой мысли.

Обращаясь затем к месту, где издаются эти органы печати — городу — и, переходя от печатного к живому слову, мы можем указать на устраиваемые нередко в Иркутске публичные лекции, как на меру, которая при дальнейшем и правильном ее развитии должна, несомненно, иметь большое воспитательное значение. Лекции эти, а равно и делаемые публично в заседаниях Географического Общества, научные сообщения, происходят: первые — большей частью, а вторые постоянно в помещении географического музея и нередко привлекают довольно многочисленную публику. До сего времени лекции носят случайный характер, иногда подолгу их вовсе не бывает, и было бы весьма желательно и последовательно организовать их. Большой пробел в образовательном деле составляет полное отсутствие в Иркутске народных чтений и народной читальни. К числу образовательных учреждений необходимо отнести и музей географического отдела. В музее этом на 1 января 1890 года находилось 1 138 номеров, под которыми числилось 9 098 предметов, а именно:

в этнографической коллекции	1 948
„ археологической „	1 237
„ зоологической „	1 362
„ геологической „	3 486
„ ботанической „	593
разных предметов „	472

Посетителей в музее в 1889 году было: взрослых мужчин 521, женщин 222, детей муж. п. 968, жен. п. 308, всего 2019 — Выдаваемую музею субсидию в 600 р. городское управление обусловило употреблением этих денег на развитие общеобразовательной части музея и объяснением коллекций сведущими лицами при посещении музея публикой.

Удовлетворение эстетических потребностей общества близко касается образовательного дела. Прекрасное и изящное принадлежат к числу тех реагентов, которые всегда и везде сильно и благотворно действуют на смягчение нравов, облагораживают понятия и возвышают общественные идеалы. В свою очередь от правильной постановки воспитательного дела зависит степень возможности удовлетворения эстетических запросов общества, в особенности, подобно иркутскому, отрезанному от больших центров цивилизации несколькими тысячами верст неудобопроездных путей. Не только проехать артисту или художнику, но даже провезти какое-либо художественное произведение — картину или изваяние, до сего времени представляет не малый риск и вызывает значительную затрату. Не будь этого условия или вернее этой помехи, нет сомнения, что эстетическая сторона жизни иркутского общества была бы теперь более развита.

В ряду учреждений, могущих — и не только могущих, но долженствующих — служить искусству и воспитательным целям, первое место принадлежит, конечно, театру. Театр в Иркутске был выстроен впервые при графе Муравьеве. Накануне окончательного отъезда последнего из края, а именно 16 января 1861 года, театр сгорел и был вновь выстроен при генерал-губернаторе Синельникове³⁴ на средства, пожертвованные Я. А. Немчиновым, М. А. Сибиряковым и И. И. Базановым. Переходя затем, в отношении содержания труппы, от антрепренера к антрепренеру, иркутский театр дал одному из них особенно хороший доход, как мы уже говорили, в зиму, следовавшую за

пожаром города, но доход этот не был результатом артистического достоинства труппы, а исключительно часто устраивавшихся в театре маскарадов и тому подобных увеселений. Вообще, до сего времени иркутский театр постоянно находился в руках частной антрепризы, за небольшими исключениями основывавшей успех своих дел на увеселительной, а не воспитательной стороне театрального дела. Если и появлялись хорошие артисты и менялись взгляды и приемы того или другого антрепренера, то дело все-таки улучшалось мало, ибо основательного руководства и прочной поддержки эти улучшения ни в ком не встречали и кроме убытка антрепренеру ничего не приносили. Построенный на городской земле, на средства частных лиц, театр был предоставлен последними в полное распоряжение генерал-губернатора, который, в свою очередь, чистый доход с него, в последнее время выражавшийся в добавочной плате за места, предоставил в пользу иркутского благотворительного общества. Делами театра заведовала дирекция, назначавшаяся из нескольких, избранных генерал-губернатором лиц. Антрепренеры, пользуясь бесплатно театром, субсидий ни от кого не получали и, неся убытки, покрывали их обращением к пожертвованиям частных лиц. Все обращенные к городской думе просьбы о субсидии театру, дума отклоняла, причем многие гласные категорически высказывали свое недовольство направлением театрального репертуара, 28 октября прошлого года театр снова сгорел. Страховое общество выдало премию в размере 30 т. руб. От разных лиц, преимущественно иркутских капиталистов, поступило на постройку нового каменного театра пожертвований более чем на сто тысяч рублей, и года через два театр, вероятно, будет выстроен. Для жителей города весьма существенно иметь хороший театр, но хороший не одними стенами и декорациями, а, главным образом, тем воспитательным значением, которое он может иметь при соответствующем его

задачам репертуаре и вообще при правильной и удачной постановке его сценической части. Это всецело зависит от дирекции театра, от ее личного состава. Руководительство таким сложным делом, как театральное, должно находиться в руках людей, достаточно для того подготовленных, образованных и опытных и при этом не смотрящих на театр только как на место забавы, развлечений и вольных маскарадов, а предъявляющих к нему более серьезные требования. От дирекции нового театра будет зависеть не один только успех его хозяйственных дел, но и то положение, которое он займет в умственной жизни городского населения. А от этого, полагаем, в свою очередь будет зависеть и дальнейшая материальная поддержка театра со стороны местного общества.

Кроме театральных представлений, в Иркутске несколько раз в зиму бывают музыкальные и литературно-музыкальные вечера, устраиваемые обществом любителей музыки и литературы. Общество это существует с конца семидесятых годов и в последние годы концерты его, благодаря участию в них хороших музыкантов-любителей, были удачны и охотно посещались. Кроме того, в Иркутске есть еще хор любителей, также участвующей во многих музыкальных вечерах и хорошо исполняющий малороссийские хоровые песни. — Музыкальные знаменитости Иркутск до сего времени почти не посещали.

То же благотворительное общество, которое пользуется доходом с театра, устраивало в ноябре прошлого года выставку картин. Это была уже вторая выставка имеющихся в Иркутске и принадлежащих разным лицам картин. Первая была устроена несколько лет тому назад. На второй выставке³⁵ были помещены, за весьма малым исключением, почти все имеющиеся в Иркутске картины известных художников. Выставка состояла из 118 номеров: 103 картины и 15 гравюр. В числе выставленных картин копий было всего шесть. Из 97 находившихся на

выставке оригиналов кисти русских художников принадлежали 80. За исключением «nature morte», на выставке находились образцы всех родов живописи. Из картин русских художников были выставлены картины: И. К. Айвазовского (семь картин*), А. П. Боголюбова (две картины) (1), Лагорио (2), Р. Г. Судковского (3), И. И. Ендагурова (4), И. А. Вельца (5), П. П. Верещагина (2 картины) (6), Васильева (7), Ю. Ю. Клевера (8), барона М. К. Клодта (9), И. Е. Крачковского (10), А. Н. Мещерского (11), В. Д. Орловского (пять картин) (12), Премацци (две акварели), Таюрского (13), Брюллова (14), П. Мясоедова (15), Н. Г. Богданова (16), В. М. Максимова (17), А. Д. Муратова (18), Остролецкого³⁶ (19), Х. П. Платонова (20), И. Е. Репина (21), Д. Е. Жукова (22), Н. Е. Сверчкова (23), В. П. Худоярова (24), Соколова (акварель) (25), Волкова (портреты пастель), Г. И. Семирадского (26), Бронникова (27). В числе картин иностранных художников на выставке находились: Poussin³⁷ — Vocation des apôtres, Rieger³⁸ — In Oberitalien³⁹, Willibald'a Wex⁴⁰ — Abend in Moor⁴¹, два пейзажа Wenglein'a⁴², два пейзажа Thamm'a⁴³ и два жанра Жильбера⁴⁴.

Мы перечислили далеко не всех художников и не все картины, бывшие на выставке. Не входя в оценку художественных достоинств картин, из коих многие были и на выставках, появлялись и в передачах иллюстрированных журналов и были замечены художественной критикой, ограничимся указанием, что устроенная иркутским благотворительным обществом вы-

*) Восход солнца на Черном море; Остров Капри; Вид Венеции; 2 морских вида; Волна; Гроза; Корсары. — (1) Бой Фрегата Флоры; Аркашон. — (2) Медведь-гора в Крыму. — (3) Сумерки. — (4) Георгиевский монастырь в Крыму. — (5) Деревня Кокос в Крыму. — (6) Камень-писанный на р. Чусовой и Вид Чусовой. — (7) Вид Волги. — (8) Зимний вечер в Эстляндии. — (9) Волга близ Симбирска. — (10) Летний вечер. — (11) Озеро Эзель-Ам в Дагестане. — (12) В луговых зарослях; Половодье; Болото; Косцы; На даче. — (13) Вид Ладожского озера. — (14) Охота (пейзаж, произведение молодых лет знаменитого художника). — (15) Весна. — (16) Гаванские чиновники. — (17) Бедный ужин. — (18) На склоне дней. — (19) На рынке в Одессе и Художник. — (20) Няня; Девочка. — (21) Нищая. — (22) Одинокая. — (23) На распутье. — (24) Рыбак. — (25) Тройка. — (26) Этюд — Грешницы. — (27) Покинутая.

ставка удалась вполне и очень охотно посещалась публикой. Число посещений дошло до 1 637. Устраивавшее ее благотворительное общество, взимая очень умеренную плату (40 к., а по воскресеньям 20 к.), покрыло все расходы и получило около 400 р. чистой прибыли. Кроме бывших на выставке картин, в Иркутске имеется еще несколько картин Айвазовского, Лагорио и др. и довольно много рисунков карандашом некогда жившего в нем талантливого художника Вронского⁴⁵. — Мужская гимназия имеет принесенное ей в дар А. М. Сибиряковым изваяние Антокольского⁴⁶ «Иоанн Грозный».

Из прикладных отраслей искусства в Иркутске хорошо поставлено техническое рисование в промышленном училище и до совершенства доведено вышивание в Медведниковском сиропитательном доме.

На этом мы должны кончить обзор учебно-воспитательных средств Иркутска. Подведенные нами итоги этих средств указывают, что Иркутск в этом отношении значительно богаче многих других городов. Обстоятельство это возлагает на него, с одной стороны, обязанность возможно производительнее пользоваться этими средствами, а с другой — не останавливаться на пути дальнейшего накопления и развития их. Как бы средства эти значительны ни были, дело народного образования одно из тех, к которым слова: *достаточно, довольно* — не применимы. Что достаточно сегодня, завтра будет мало. К тому же *относительное* богатство в деле общественного развития не есть еще мерило действительных потребностей. Школами Иркутск *относительно* богат, а между тем и его школы, как мы видели, отказывают в приеме значительному числу ищущих образования. В виду этого, на днях в иркутскую городскую думу внесено было предложение о ежегодном ассигновании 5 000 р. для накопления средств к открытию новых начальных школ. Гласные к предложению этому отнеслись весьма сочувственно, но реше-

ние свое отложили до другого раза, желая более обстоятельно обсудить его. Надо полагать, что оно будет принято, и тогда получится возможность каждые три года строить одно общее для двух новых школ здание и, снабдив всей нужной обстановкой, открывать одновременно по две школы. На это требуется около 15 000 рублей. Предполагается также ввести во всех школах ручной труд. Он введен уже в иркутской классической гимназии.

Мы видели, что двери иркутских начальных училищ, содержащих городом, не закрыты перед детьми сельского населения. В интересах города предоставить окрестному сельскому населению возможность широкого пользования городскими школами: и город, и страна нуждаются в экономически-обеспеченном и умственно-развитом населении. Только такое население может служить городу притоком здоровых сил, только с таким населением ему выгодно иметь дело, а к обеспечению и развитию населения лучший путь — школа. Распространение просвещения не в одних только своих стенах — вместе с тем — и нравственная обязанность города, как культурного центра страны.

Большим подспорьем, значительным шагом вперед было бы учреждение в Иркутске, по примеру европейских губерний России, училищного совета. Теперь Иркутск не имеет учреждения, которое объединяло бы различные отрасли и элементы училищного дела, руководило бы этим делом во всей его совокупности. Для равномерного, последовательного, изъятото от случайностей хода данного дела такое учреждение необходимо.

Переходя к другой ступени образования, мы должны указать, что с открытием Томского университета на Иркутск легла обязанность — возможно шире открыть доступ к нему более способной части местной молодежи. Этим путем он будет иметь и своих врачей, и своих наставников-учителей, и своих юристов, и вообще образованных людей, в которых страна так нуждается. Временным и независящим от местного общества препятстви-

ем к этому является открытие в этом университете пока одного только медицинского факультета. Восторженно приветствуя совершившееся в 1888 году открытие Томского университета, иркутская городская дума повергла к стопам Государя Императора всеподданейший благодарственный адрес следующего содержания: «Осчастливленные состоявшимся по Высочайшему Вашему Императорского Величества повелению открытием сибирского университета, с давних пор бывшего заветной целью всех желаний сибирских жителей, иркутские граждане, в лице городской думы, принимают на себя смелость повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества чувства своей глубокой преданности и искренней благодарности за учреждение первого высшего учебного заведения в нашей далекой стране и, вместе с тем, всеподданейше выразить надежду, что за открытием медицинского факультета Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет осчастливить Сибирь и нас, верных Ваших подданных, Высочайшим соизволением на открытие и всех других факультетов при сибирском университете». На адрес этот воспоследовало сообщенное министром внутренних дел и осчастливившее иркутскую городскую думу Высочайшее повеление — «благодарить помянутую думу». Эта Высочайшая милость служит несомненным указанием, что не далеко время, когда изложенной в адресе надежде иркутской городской думы суждено сбыться.

Кончая *составленный* нами очерк, мы считаем необходимым заявить, что не придаем ему значения вполне самостоятельного труда. Срочность, в виду особых обстоятельств, этой работы не дала нам возможности пользоваться при составлении очерка нетронутым архивным материалом. Он составлен исключительно по источникам печатным, находящимся в общем пользовании и потому многим хорошо известным. Наш труд заключался

только в компилятивном изложении находящихся в этих источниках и относящихся к предмету очерка данных.

Самостоятельного в нем только его общее направление, наша оценка лиц, дел и событий. Хороши ли это направление и эта оценка, верны они или неверны — не нам судить. Но мы за них стоим и будем очень рады, если окажется, что наши взгляды принадлежат не нам одним, что их разделяют многие.

Что касается пробелов, неполноты и других недостатков нашего очерка, то мы рассчитываем пополнить их другим более самостоятельным трудом — по исследованию не только истории и культурного развития, но и экономического положения нашего города и местности, лежащей в сфере его влияния. Этот будущий труд, к которому мы уже отчасти и приступили, мы намерены основать на разработке архивного и всякого другого рода нетронутого еще материала, как имеющегося в нашем распоряжении, так и такого, доступ, к которому надеемся получить.

К О Н Е Ц

ЧИСЛО УЧИВШИХСЯ В ИРКУТСКИХ УЧЕБНЫХ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

	1863				1873				1883				1889			
	Число заведений	Пол		Число заведений	Пол		Число заведений	Пол		Число заведений	Пол					
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.				
Девичий институт Восточной Сибири	1	-	130	1	-	156	1	-	121	1	-	-	122			
Женская гимназия	1	-	114	1	-	210	1	-	222	1	-	-	207			
Женская прогимназия	-	-	-	-	-	-	1	-	228	1	-	-	196			
Мужская классическая гимназия	1	220	-	1	238	-	1	308	-	1	305	-	-			
Промышленное училище ^{*)}	-	-	-	1	89	-	1	188	-	1	189	-	-			
Учительская семинария	-	-	-	1	30	0	1	71	-	1	82	-	-			
Духовная семинария	1	123	-	1	124	-	1	125	-	1	98	-	-			
Духовное мужское училище	1	146	-	1	169	-	1	157	-	1	223	-	-			
Духовное женское училище	1	-	48	1	-	58	1	-	89	1	-	-	95			
Кюнкерское училище	-	-	-	-	-	-	1	81	-	1	-	-	66			
Приготовительный класс кадетского корпуса ^{*)}	1	180	-	1	103	-	1	109	-	1	41	-	-			
Военно-фельдшерская школа	-	-	-	-	-	-	1	58	-	1	82	-	-			
Сиротительный дом Е. Мервединковой	1	-	100	1	-	140	1	-	163	1	-	-	193			
Ремесленно-воспитательное училище Н. П. Трапезникова	-	-	-	-	-	-	1	80	-	1	100	-	-			
Сиротительно-ремесленная школа К. П. Трапезникова	-	-	-	1	55	-	1	53	-	1	41	-	-			
Городские училища ^{**)}	1	138	-	1	157	-	2	277	-	2	340	-	-			
Начальные городские училища	4	171	-	4	172	-	9	269	-	9	552	-	330			
Воскресная школа (городская)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27			
Бесплатная школа Н. В. Сукячевой	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	110			
«Детский сад»	-	-	-	1	42	38	1	67	60	1	57	53	-			
Начальная школа при учительской семинарии	-	-	-	-	-	-	3	68	-	1	68	-	-			
Начальная школа при духовной семинарии	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	50	-			
Начальная школа при женском духовном училище	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	25	-			
Александринский приют	1	-	139	1	-	126	1	-	101	1	-	100	-			
Мадриинский приют	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	95			
Приют иркутского благотворительного общества	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	32			
Приют для арестантских детей	-	-	-	-	-	-	1	38	26	1	-	36	-			
Частное учебное заведение Г-жи Шершавиной	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	8	24			
ВСЕГО:	14	978	531	18	1179	728	32	1949	1101	45	2334	1613	3947			
								1509								

^{*)} В 1873 году — прогимназия, в 1883 году — Техническое училище

^{**)} В 1863 и 1873 годах — военная прогимназия

^{***)} Одно из них — прежнее уездное училище

Сведения, помещенные в этой таблице, взяты: за 1863 и 1873 годы в Восточно-Сибирском календаре на 1875 год; за 1883 год — из «Обзора Иркутской губернии», изданного губернским статистическим комитетом; за 1889 год — из сведений городской управы и сообщенных ей другими учреждениями.

Примечания

¹ Платковский Андрей (в монашестве — Антоний) Германович (1682–1746) — православный священник, архимандрит Переславского Данилова и Иркутского Вознесенского мужского монастыря. Начальник пекинской духовной миссии, один из первых русских китаеведов.

² Святитель Иннокентий (в миру — Иван Кульчицкий; 1680 или 1682–1731) — православный священник, преподаватель, епископ Иркутский и Нерчинский (1727–1731), первый правящий православный епископ Восточной Сибири. Прославлен Русской православной церковью в лике святых в 1804 году.

³ Контентовать (устар.; от пол. *contentować*) — содержать, обеспечивать необходимым, кормить.

⁴ Епископ Иннокентий (в миру — Иван Нерунович; 1690-е — 1747) — православный священник, преподаватель, миссионер. Выпускник Киевской духовной академии. Епископ Иркутский и Нерчинский (1732–1747).

⁵ Епископ Михаил (в миру — Матвей Миткевич; 1720–1789) — православный священник, преподаватель, епископ Иркутский и Нерчинский (1772–1789). Выпускник Киевской духовной академии. Ректор Тобольской и Иркутской духовной семинарии.

⁶ Здание Иркутской духовной семинарии — историческая постройка середины XIX века, расположенная по адресу: г. Иркутск, ул. Красноказачья, 10а. В настоящее время в нем размещается Институт развития образования Иркутской области.

⁷ Святитель Иннокентий Вениаминов (в миру — Иван Евсеевич Попов; 1797–1879) — православный священник, миссионер, путешественник, переводчик, писатель. Первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки. Митрополит Московский и Коломенский (1868–1879). Прославлен Русской православной церковью и Православной церковью в Америке в лике святых в 1977 году.

⁸ Кличка Франц Николаевич (около 1730–1786) — офицер чешского происхождения на русской службе; участник войн, генерал-поручик. Правитель Новгородской губернии (1777–1778); Иркутский губернатор (1778–1783); генерал-губернатор Курский и Орловский (1783–1786).

⁹ Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) — астроном, математик, преподаватель, инициатор открытия Казанского университета, попечитель Казанского учебного округа (1803–1812). Один из первых русских академиков (с 1767 года).

¹⁰ Епископ Вениамин (в миру — Василий Иванович Багрянский; ок. 1742–1814) — православный священник, преподаватель философии и богословия, ректор Новгородской, а позже Петербургской духовной семинарии. Епископ Иркутский и Нерчинский (1789–1814).

¹¹ Медведникова Елизавета Михайловна (1787–1828) — вдова именитого купца Логгина Федоровича Медведникова (1773–1814), благотворительница. Оставила по завещанию 70 000 рублей на устройство первого в Иркутске воспитательного дома для девочек-сирот.

¹² Медведников Иван Логгинович (1807–1889) — купец 1-й гильдии, коммерции советник, благотворитель. Сын Логгина Федоровича и Елизаветы Михайловны Медведниковой.

¹³ Шелашниковская улица — до 1880-х годов Институтская, Губернаторская; после 1920-го года — улица Октябрьской революции. Название «Ше-

лашниковская» получила в честь Константина Николаевича Шелашникова — иркутского гражданского губернатора (1864–1880).

¹⁴ Кузьмина (Козьмина) Каролина Карловна также известна как воспитательница дочери декабриста Никиты Михайловича Муравьева — Софьи (Нонушки).

¹⁵ Коленко Захар Васильевич (1816–1875) — педагог; выпускник Киевского университета Святого Владимира. Преподавал в Каменец-Подольской, Черниговской, Иркутской гимназии. Директор Первой херсонской мужской гимназии и Екатеринославской мужской гимназии. Действительный статский советник.

¹⁶ Ольдекоп Фёдор Фёдорович (ок. 1822 — ок. 1870) — педагог, чиновник. Выпускник Главного педагогического института. Преподаватель Иркутской губернской гимназии (1842–1852), столоначальник Главного управления Восточной Сибири (1852–1854), советник Иркутского губернского суда (1854–1860).

¹⁷ Извольский Петр Александрович (1816–1888) — чиновник, действительный статский советник. Иркутский гражданский губернатор (1860–1862); екатеринославский гражданский губернатор (1862–1863); курский гражданский губернатор (1863–1866).

¹⁸ Хаминнов Иван Степанович (1817–1884) — купец 1-й гильдии, судовладелец, меценат и благотворитель. Городской голова Иркутска (1859–1865, 1868–1871), потомственный почётный гражданин, тайный советник.

¹⁹ Архиепископ Евсевий (в миру — Евфимий Поликарпович Орлинский; 1808–1883) — православный священник и педагог, бакалавр богословских наук. Ректор Московской, затем — Петербургской духовной академии. Епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский (1856–1860).

²⁰ Трапезников Фёдор Константинович (1846 — после 1907) — купец 1-й гильдии, крупный благотворитель. Надворный советник, почётный гражданин Иркутска. Гласный Иркутской городской думы (1876–1880, 1885–1888).

²¹ Трапезников Иннокентий Никанорович (1830–1865) — купец 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин. Пожертвовал Иркутску по завещанию значительную сумму на нужды просвещения. Его наследники — сестра Александра Никаноровна Портнова и племянник Владимир Платонович Сукачёв — передали согласно воле умершего И. Н. Трапезникова соответственно 150 000 и 50 000 рублей в пользу Иркутского технического училища.

²² Гиляки (нивхи) — малочисленный народ, проживающий на Дальнем Востоке; автохтонное (коренное) население Приамурья, острова Сахалин и соседних небольших островов.

²³ Гольды (нанайцы) — коренной малочисленный народ Дальнего Востока, проживающий по берегам Амура и его притоков Усури и Сунгари в России и Китае.

²⁴ Трапезников Никанор Петрович (1786–1847) — купец 1-й гильдии, золотопромышленник, благотворитель. Коммерции советник, потомственный почётный гражданин. Основанное его сыном Иннокентием ремесленно-воспитательное заведение для мальчиков из бедных слоев жителей Иркутска и губернии, названное в память Никанора Петровича «Трапезниковским» существует по сей день и называется Иркутский техникум машиностроения им. Н. П. Трапезникова.

²⁵ Трапезников Константин Петрович (1790–1860) — купец 1-й гильдии, золотопромышленник, благотворитель. Потомственный почётный гражданин, городской голова Иркутска (1829–1831; 1847–1850). Его имя носила учрежденная в 1866 году сиропитательно-ремесленная школа для мальчи-

ков беднейшего состояния. Школа размещалась в двухэтажном деревянном доме, ранее принадлежавшем декабристу Сергею Григорьевичу Волконскому, и занимала его до 1912 года. 1 января 1912 года, согласно постановлению городской думы, сиропитательно-ремесленная школа прекратила свое существование, ее ученики были переведены в ремесленно-воспитательное заведение Н. П. Трапезникова.

²⁶ Сибиряков Александр Михайлович (1849–1933) — купец 1-й гильдии, предприниматель, благотворитель. Исследователь Сибири, один из наиболее активных сторонников освоения Северного морского пути. Почетный гражданин Иркутска, почетный член Томского университета.

²⁷ Докладчик — городской голова Иркутска Владимир Платонович Сукачёв.

²⁸ Сукачёва Надежда Владимировна (1856–1935) — благотворительница, педагог, основательница бесплатной школы для девочек в Иркутске. Жена В. П. Сукачёва.

²⁹ Зимин Валериан Тимофеевич (1845–1911) — предприниматель; управляющий Томским отделением Сибирского торгового банка, общественный деятель по содействию народному образованию, благотворитель. Один из инициаторов и активных участников открытия первой воскресной школы в Ремесленной слободе Иркутска.

³⁰ Пономарев Павел Андреевич (1844–1883) — купец 1-й гильдии, предприниматель, дипломат, крупный благотворитель. Свое состояние завещал на развитие народного образования в родном крае. На его деньги было построено три училища в Иркутске и шесть народных училищ в сёлах Оёк, Турка, Большая Разводная, Ширияева, Буреть и Новонукутск.

³¹ Шаршавина (ур. Осипова) Елизавета Ивановна (1852–1907) — пианистка, педагог. Выпускница Девичьего института в Иркутске. Владелица частного учебного заведения II разряда для девочек с двумя приготовительными классами. Жена тобольского помещика Степана Федоровича Шаршавина.

³² Баснин Василий Николаевич (1799–1876) — купец 1-й гильдии, благотворитель, коллекционер. Иркутский городской голова (1850–1852). Член Императорского Русского географического общества. Библиофил; его книжное собрание (почти двенадцать тысяч книг, журналов, нотных сборников) было крупнейшей частной библиотекой в Сибири.

³³ Шестунов Михаил Прокопьевич (1825–1883) — купец, общественный деятель, литератор и журналист. Гласный Иркутской городской думы (1872–1880). Один из зачинателей библиотечного дела в Иркутске. Организатор частной публичной библиотеки в Иркутске, основу которой составило его личное книжное собрание.

³⁴ Синельников Николай Петрович (1805–1892) — государственный деятель, сенатор, генерал-майор, мемуарист. Генерал-губернатор Восточной Сибири (1871–1874). Почётный гражданин Иркутска.

³⁵ Упомянутые выставки были организованы Владимиром Платоновичем Сукачёвым и состояли преимущественно из произведений из его собрания. Первая художественная выставка состоялась в 1883 году в залах музея ВСО-ИРГО. Вторая — там же в 1890 году.

³⁶ Скорее всего, речь идет о художнике Остроменском (Остроменском) Адольфе Адольфовиче (1863 — после 1915). Он окончил Одесскую рисовальную школу (1880–1887), Всероссийскую Академию художеств (1887–1894). Основатель, руководитель и преподаватель частной рисовальной школы в Одессе (1900–1908); преподаватель живописи средних учебных заведений г. Одессы.

³⁷ Пуссен Никола (фр. *Nicolas Poussin*; 1594–1665) — французский живописец и график, крупнейший представитель классицизма. Работа его кисти «Призвание апостолов» (фр. «*Vocation des apôtres*») находилась в коллекции иркутских купцов Трапезниковых и была преподнесена в качестве свадебного подарка Платону Петровичу Сукачёву и Аграфене Никаноровне, урождённой Трапезниковой — будущим родителям Владимира Платоновича Сукачёва. В настоящее время находится в собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва.

³⁸ Ригер Альберт (нем. *Albert Rieger*; 1834–1905) — австрийский живописец и график итальянского происхождения. Яркий представитель венской пейзажной школы.

³⁹ In Oberitalien (нем.) — в Верхней Италии.

⁴⁰ Векс Виллибальд (нем. *Willibald Wex*; 1831–1892) — немецкий художник — пейзажист; представитель реалистического направления в искусстве. Картина его кисти «Вечер на болоте» (нем. *Abend in Moor*) имеется в собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва.

⁴¹ Abend in Moor (нем.) — вечер на болоте.

⁴² Венглейн Йозеф (нем. *Joseph Wenglein*; 1845–1919) — немецкий художник-пейзажист и иллюстратор.

⁴³ Тамм Адольф Густав (нем. *Adolf Gustav Thamm*; 1859–1925) — немецкий художник и преподаватель. Две его работы «Пешеходы» и «Козы у опушки леса» имеются в собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва.

⁴⁴ Возможно речь идет о французском художнике Викторе Габриэле Жильбер (1847–1933), который известен своими парижскими сценами, изображением уличных рынков, сюжетами с детьми.

⁴⁵ Вронский Станислав Евгеньевич (польск. *Stanislaw Wronski*; 1840–1898) — польский художник, живописец, график. Участник польского освободительного восстания 1863–1864, был арестован и осужден на каторжные работы в Сибири. Каторгу отбывал на Петровском железоплавильном заводе. В 1870 году Вронский поселился в Иркутске, где вместе с Юзефом Беркманом открыл художественную мастерскую. Давал частные уроки рисования и живописи.

⁴⁶ Антокольский Марк Матвеевич (Мордух Матысович) (1840–1902) — российский скульптор еврейского происхождения, академик, профессор скульптуры Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Статуя «Иван Грозный» была первой большой работой художника; за нее Антокольский был сразу удостоен звания академика и права совершенствоваться в Италии. Скульптура произвела впечатление на императора Александра II, и он приобрёл её для Эрмитажа. Второй вариант скульптуры был куплен в Кенсингтонский музей. В Иркутске хранится третий уменьшенный мраморный вариант, исполненный в Риме и купленный золотопромышленником Александром Сибиряковым для Иркутской мужской классической гимназии. В настоящее время находится в собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

- Агте Н. Х., исследователь Забайкалья и Приамурья 202, 237
Акилина, игуменья 22
Александр I, император 35, 42, 78
Александров М. А., поэт и прозаик 52, 69
Андриевич В. К., генерал, статистик 14, 30, 38
Анжу П. Ф., исследователь Арктики 200
Анна (Анисия), дочь Артемия Волынского 22
Анна Иоанновна, императрица 22, 87
Анна Леопольдовна, правительница-регент 22
Антонов К. А., купец, гласный городской думы 115
Анучин Д. Г., генерал-губернатор, военный писатель 124, 126, 127, 171, 173, 179
Артенов Я. Н., гласный городской думы 115
Астырев Н. М., статистик 218

Б

- Базанов И. И., купец 134, 283
Баранов А. А., купец 29, 196, 236
Баранов Э. Т., граф 171
Барятинский А. И., князь 99, 100
Баскаков Д., геодезист 183
Баснин В. Н., купец, благотворитель, коллекционер 279, 293
Бахметьев Н. Н., журналист 6, 7
Беклемишев Ф. А., коллежский советник 83, 84, 85, 86, 88
Белоголовый А. В., купец 62
Белявский, правитель канцелярии 37
Березовский Г., секретарь 18

- Березовский М. М., натуралист 207
Беринг В. И., мореплаватель 183, 184, 185, 233
Бечаснов В. А., декабрист 62
Бибииков И. И., следователь 84
Бибииков, вице-губернатор 17, 18
Биллингс И. И., мореплаватель, гидрограф 25, 40
Бирон Э. И. 21, 22
Бичевин, купец 20
Блудов Д. Н., государственный деятель 174
Бобановский К. П., педагог 216, 239, 245, 250
Бобырь Н. П., начальник Саянской экспедиции 212, 239
Болдаков М. А., основатель первой в Иркутске библиотеки 58, 69, 90
Борисовы братья (Андрей и Пётр), декабристы 62
Бречалов Т., бургомистр 20
Бриль А. И., губернатор 23
Броневский С. Б., губернатор 64, 77
Брянцев В. А., врач 222, 240
Бутины братья, купцы 128, 149
Бухгольц И. Д., полковник 15

В

- Вагин В. И., публицист 30, 33, 41, 42, 43, 56, 57, 58, 64, 66, 115, 123, 231, 243, 250, 280
Вадковский Ф. Ф., декабрист 62
Вейрих Г. В., врач 221, 239
Веневская Н. В., начальница прогимназии 256
Вениамин (Багрянский), епископ 245, 291
Венцель К. К., губернатор 85, 91, 203, 238

Венюков М. И., путешественник 99, 111
Вильд Г. И., академик 213, 239
Волконский С. Г., декабрист 62, 110
Волынский А. П., дипломат 22
Врангель Ф. П., полярный исследователь 200
Вронченко Ф. П., министр финансов 75
Вульф И. И., вице-губернатор 18, 20

Г

Гагарин М. П., князь 15, 31
Ганнибал А. П. 21, 39
Гарновский С. А., прокурор 35
Геденштром М. М., исследователь севера Сибири 32, 41, 231
Гендриков А. М., граф 22
Георги Г. И., натуралист 187, 188, 189, 232, 234
Герасим, старец 12, 38
Герасимов П. М., гласный городской думы 115
Гюльденштедт И. А., естествоиспытатель 187, 235
Глазунов, откупщик 17
Гмелин И. Г., натуралист 183, 184, 185, 186, 187, 232
Гмелин С. Г. (младший), натуралист 187
Гогель И. И., флигель-адъютант 60
Годлевский В. А., зоолог 206
Голицын А. Н., князь 34, 35
Головнин В. М., мореплаватель 200
Голубков П. А., купец 202, 250
Голубов, чиновник 60
Гончаров И. А., писатель 79, 98, 110
Гофман А. К., садовод 224
Громов П. В., историк 61, 101, 111, 241, 243, 264

Губкин Г. И., врач 222, 239
Гумбольдт А., географ 200
Гусятников М., купец 15
Гуттен-Чапский К.Э., граф 202

Д

Давыдов В. Л., декабрист 62
Дежнев С. И., землепроходец 181
Делиль де ла Кроер Л., астроном 183, 234
Демидов Д. Д., купец 121, 178
Державин Г. Р., поэт 51, 69, 192, 193, 194
Дмитриев И. И., поэт 192, 194, 236
Добросердов Герасим, епископ 59
Дыбовский Б. И., географ 206, 210

Е

Евсевий, епископ 85, 96, 254, 292
Екатерина II, императрица 78, 187, 192, 193
Елизавета Петровна, императрица 22
Елисеев Г. З., журналист 122, 178
Ермолов А. П., военачальник 31
Ж
Жерар Ф., художник 51, 69
Жолобов А., вице-губернатор 15, 16, 31, 43

З

Завалишин Д. И., декабрист 63, 86, 88, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 100
Загоскин М. В., писатель 70, 89, 90, 91, 100, 101, 104, 110, 112, 115, 123, 203, 229, 240, 243
Замощиков И., полицмейстер 18
Занаворов Ф. П., купец 83, 84, 88
Зарин В. Н., губернатор 82, 110

И, Й

Иванов И., секретарь 18
Игнатьев А. П., генерал-губернатор 173, 174, 176, 177, 180, 212, 217, 218, 229, 274
Игнатьева С. С., благотворительница 135
Избрант Елизарий, дипломат 190
Извольский П. А., губернатор 85, 253, 264, 292
Измайлов А. П., дипломат 190
Иннокентий (Вениаминов), митрополит 110, 240, 243, 291
Иннокентий (Кульчицкий), епископ 15, 38, 241, 242, 290
Иннокентий (Нерунович), епископ 16, 242, 290
Ириной, архиепископ 59, 60, 61
Йериг Йоханнес, лингвист 25, 40

К

Канкрин Е. Ф., министр финансов 141, 179
Карамышев А. М., естествоиспытатель 25, 39
Катышевцев П. И., купец 134, 179
Кашевский Ян, пианист 61
Кашин Н. И., врач 221, 239
Кинаст К. В., врач 221, 239
Киселев С. Ф., купец 29
Клиндер П. А., инженер 123
Кличка Ф. Н., губернатор 24, 244, 291
Козодавлев О. П., министр внутренних дел 36, 41
Коленко З. В., педагог 250, 291
Конюхов, сержант 21
Корнилий, митрополит 22
Коростелев М. И., купец 53
Корсак А. К., публицист 122, 178

Корсаков М. С., губернатор 91, 93, 94, 95, 96, 100, 101, 102, 104, 106, 107, 122, 226
Коссовский Варлаам, викарный епископ 15
Кропоткин П. А., революционер 205, 238
Крашенинников С. П., путешественник 183, 184, 234
Крузенштерн И. Ф., мореплаватель 200
Крылов П. Н., следователь 19, 20, 21, 43
Кузнецов Е. А., купец 30, 55, 81, 84, 105, 250, 257
Кузьмина (Козьмина) К.К., начальница девичьего института 250, 291
Кукель Б. К., генерал 90, 93, 212, 239
Кюхельбекер В. К., декабрист 62

Л

Лаба Н. О., генерал-майор 34, 41
Лавинский А. С., генерал-губернатор 48, 49, 50, 51, 53, 60, 61, 62, 64, 68
Лагус В. Г., 25, 26, 39
Лаксман А. К., армейский поручик 198, 236
Лаксман Э. Г., натуралист 25, 26, 39, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 213, 236
Ламб, наместник 25
Ланг Лоренц, вице-губернатор 18
Ланин Ф. А., купец 30, 189, 235
Ларионов Д. Д., историк 128, 216
Лебратовский Герасим 18
Ледебур К. Ф., ботаник 200
Ледьярд Дж., путешественник 25, 40
Лепёхин И. И., натуралист 187, 235

Лессепс Ф., дипломат 25, 40
Леццано Б. Б., военный губернатор
26, 31, 37
Линденау Я. И., географ 198, 236
Линней К., натуралист 196
Лисовский С., казачий голова 15, 16
Лисянский Ю. Ф., мореплавател
200
Литвинцев И., дворянин 15, 16
Личков Л. С., статистик 218
Логовский, 224
Лопатин И. А., исследователь Сиби
ри и Дальнего Востока 205, 238
Лосев А. И., архитектор и историк
38, 235, 243
Лоскутов, исправник 34, 35, 83
Львов Ф. Н., революционер 86, 88,
89, 91, 95
Лянгусов С. Я., купец 190, 236

М

Маак Р. К., натуралист 102, 111,
204, 205, 245
Мазалевский А. Е., декабрист 62
Максимов С. В., этнограф 62, 70
Мангазеев, золотопромышленник
73
Мантейфель, граф 25
Мартос А. И., историк 13, 38, 50,
244, 291
Матюшкин Ф. Ф., мореплавател
94, 111, 200
Меглицкий Н. Г., геолог 197, 202,
236
Медведников И. Л., купец 105, 248,
291
Медведникова Е. М., благотвори
тельница 55, 133, 135, 248, 291
Мелетий, архиепископ 61
Меньшиков А. Д., государственный
деятель 21, 39

Мессершмидт Д. Г., исследователь
182, 183, 233
Миддендорф А. Ф., натуралист 200,
201, 232, 237
Миллер (Мюллер) Г. Ф., путеше
ственник 183, 184, 185, 187,
198, 233
Милютин Б. А., юрист, чиновник
67, 68, 70, 77, 87, 88, 96, 101,
104, 106, 115, 122, 223, 225,
230, 231, 253, 280
Милютин В. А. экономист 209, 239
Михаил (Миткевич), епископ 34,
35, 48, 66, 243, 290
Михеев М. В., купец 105
Молчанов Д. В., чиновник 83, 84,
85, 88, 110
Муравьев А. Н., декабрист 62
Муравьев Н. М., декабрист 62
Муравьев-Амурский Н. Н., генерал
губернатор 58, 63, 68, 71, 72,
73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80,
81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89,
90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98,
99, 100, 101, 102, 106, 109, 122,
171, 203, 215, 226, 250, 254, 283
Мыльников Н. П., купец 29, 33, 193

Н

Неклюдов М. С., коллежский асес
сор 83, 84, 85, 86, 88, 91, 97
Немировский Леопольд, живопи
сец 61
Немцов Ф. Г., губернатор 23
Немчинов Я. А., купец 105, 283
Нессельроде К. В., министр ино
странных дел 79, 110
Николаев И. Ф., воевода 14
Николай I, император 35, 44, 59, 71,
78, 79, 88
Никольский И. П., священник 228,
240
Нил, архиепископ 58, 70

Ноин Ердней 13
Норбоев Алексей, священник 228, 240
Норицын И. П., преподаватель 242
Носович С. И., губернатор 169, 170, 180

О

Оболенский Е. П., декабрист 62
Образцов, член окружного суда 87
Олешкевич Ю., художник 51, 69
Ольдекоп Ф. Ф., педагог, судья 86, 87, 110, 250
Орлов И. П., соборный протоирей 35, 66

П

Павел I, император 78, 199
Павлинов Н. М., секретарь статистического комитета 216
Паисий, наместник 16, 17
Паллас П. С., естествоиспытатель 25, 40, 187, 188, 189, 196, 197, 232
Парняков Ф. А., протоирей 56, 60
Патрен Э. Л., естествоиспытатель 25, 40
Пашков А. Ф., воевода 11
Передовщиков Е. А., купец 33
Перовский Л. А., министр внутренних дел 75, 98
Перфильев Максим, казачий агаман 13, 181
Пестель И. Б., генерал-губернатор 26, 27, 32, 33, 35, 36, 37, 49
Петр I, император 14, 125, 182
Петрашевский М. В., революционер 88, 89, 90, 91
Петров В. В., иркутский городской голова 115, 121, 178
Пиленков И. И., купец 104

Пиль А. И., генерал-губернатор 26, 198
Писарев М. Я., санитарный врач 160, 180, 222
Платковский Антоний, архимандрит 241
Плещеев А. М., вице-губернатор 17, 18
Плохов Сергей, капитан 214
Поджою А. В., декабрист 62
Позднеев А. М., востоковед 207
Полтев С., воевода 13
Поляков И. С., этнограф 210
Пономарев М. И., иркутский городской голова 121
Пономарев П. А., купец 105, 273, 274, 294
Портнова А. Н., благотворительница 105, 134, 179
Потанин Г. Н., исследователь 122, 178, 206, 207, 208, 230, 238
Потанина А. В., этнограф, фольклорист 207
Похабов Я. И., землепроходец 11
Поярков В. Д., землепроходец 181
Пржевальский Н. М., исследователь 210
Пуцин, поручик 16
Пыпин А. Н., литературовед 183, 185, 194, 200, 201, 234
Пятницкий А. В., губернатор 64

Р

Ракитин Л. Р., воевода 15, 31
Рафаилов П. А., востоковед 207
Ремезов С. У., картограф 181
Репнин Н. Г., декабрист 62
Ржевский И., воевода 11
Румовский С. Я., астроном, преподаватель 245, 291

Руперт В. Я., генерал-губернатор
61, 64, 67, 68, 106, 249, 250

С

Савельев А. Т., воевода 13
Саламатов П. И., купец 35, 36
Самойлов, приказчик 11
Свистунов И., геодезист 183
Седаков В.И, натуралист 203, 238
Селифонтов И. О., генерал-губернатор 26, 27, 31
Сельский И. С., историк и литератор 89, 209, 239
Семенов Тянь-Шанский П.П., исследователь 207, 238
Сементовский Г. П., педагог 213, 239, 250
Семивский Н. В., вице-губернатор 11, 14, 37
Сибиряков А. М., купец 152, 265, 287, 292, 294
Сибиряков К. М., иркутский городской голова 49, 50
Сибиряков М. А., купец 134, 283
Сибиряков М. В., иркутский городской голова 26, 33, 51, 69, 193
Сиверс А. К., граф 63
Сиверс И., путешественник 25, 40, 199, 200
Синельников Н. П., генерал-губернатор 69, 70, 107, 108, 124, 125, 126, 226, 283, 293
Скасси А. И., геодезист 207
Скобельцин Петр, геодезист 183
Словцов П. А., историк 23, 30, 39, 244, 245, 246
Соймонов Ф. И., исследователь 21, 39
Солдатов П. Я., купец 105
Солнцев Гавриил, капитан 214

Соловьев С. Ф., купец 76, 80, 81, 111

Софроний, епископ 21

Спафарий Н. Г., дипломат 190, 235

Сперанский М. М., генерал-губернатор 27, 33, 36, 37, 42, 43, 44, 45, 56, 51, 64, 65, 66, 67, 68, 77, 95, 109, 170, 171, 174, 227, 243, 245, 246

Спешнев Н. А., революционер 89

Стадлер А. О., чиновник 82, 110

Стеллер Г. В., естествоиспытатель 183, 185, 198, 234

Страленберг Ф. И., исследователь 182, 233

Струве Б. В., действительный статский советник 72, 73, 82, 96, 99, 109

Стуков К. К., священник 228, 240

Сукачев В. П., иркутский городской голова 5, 6, 7, 178, 179, 292, 293

Сулима Н. С., генерал-губернатор 64

Сухотин М. Н., полицмейстер 85

Сытин К. К., вице-губернатор 15

Т

Татаринов П., подьячий 15, 16

Теплова Е. Г., начальница прогимназии 256

Толбухин Гаврило, капитан 185

Толкачев И. А., купец 53

Толстой И. Н., сенатор 63, 67, 68, 78, 152

Торсон К. П., декабрист 62

Трапезников И. Н., купец 134, 259, 261, 262, 272, 273, 292

Трапезников К. П., купец 262, 273, 292

Трапезников Н. П., купец 105, 133, 135, 179, 261, 272, 292

Трапезников Ф. К., купец 259, 292
Трескин Н. И., губернатор 27, 32,
33, 34, 35, 36, 37, 49, 66, 83
Трубецкой С. П., декабрист 62
Тюменцев, секретарь 36, 37, 41

У

Угрюмов Степан, подполковник
214
Усольцев А. Ф., астроном 205, 210,
213

Ф

Фальк И. П., натуралист 187, 234
Фишер И. Э., историк 183, 184, 185,
198, 234
Фрауендорф К. Л., губернатор 23,
188, 235
Фредерикс, барон 124, 179
Фритше Г. А., метеоролог 210

Х

Хабаров Е. П., землепроходец 181
Хаминов И. С., купец 253, 255, 262,
264, 292
Хаминова Е. И., благотворительни-
ца 105, 134, 179

Ц

Цейдлер И. Б., губернатор 48, 49

Ч

Чекановский А. Л., геолог 206, 210
Черский И. Д., исследователь 206
Чижев Ф. В., издатель 92
Чугунов С. М., врач 122

Ш

Шелашников К. П., губернатор 125,
179, 291
Шаршавина Е. И., педагог 278, 293

Шаталов В., геодезист 183
Шашков С. С., публицист, писатель,
историк, этнограф 56, 60, 69,
88, 89, 122, 243
Шварц Л. Э., астроном 202, 237
Шелехов (Шелихов) А. Д., статский
советник 85
Шелихов Г. И., мореплавател 26,
29, 192, 193, 194, 195, 198, 199,
200
Шестунов М. П., купец 90, 115, 280,
293
Шишмарёв Я. П., дипломат 205, 238
Шмидт Ф. Б., исследователь 202,
237
Шостакович Б. П., экономист 147,
148, 149, 150, 179
Шпанберг М. П., исследователь
183, 184, 185, 233
Штейнгель В. И., декабрист 31, 41
Штеллинг Э. В., геофизик 213, 239
Штер М. П., сенатор 50, 68
Штубендорф Ю. И., государствен-
ный деятель 203, 238

Щ

Щапов А. П., историк 27, 30, 42,
43, 122, 123, 143, 178, 179, 205,
206, 243
Щукин С. С., педагог 213, 239, 245
Щулепникова Е. М., педагог 256

Э, Ю, Я

Эйлер Христофор, астроном 187,
235
Юшневский А. П., декабрист 62
Ядринцев Н. М., публицист 30, 41,
65, 122, 208
Якоби И. В., генерал-губернатор 24,
25, 26, 27, 31, 39, 78, 193
Якубович А. И., декабрист 62

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
I Иркутск и иркутское общество до Сперанского.....	11
II Сперанский, значение его реформ и жизнь иркутского общества при нем и при его преемниках.....	42
III Граф Муравьев-Амурский и его время	71
IV Текущий период жизни Иркутска. — Городские дела и выяснившиеся потребности местного общества.....	112
V Роль Иркутска в деле изучения Восточной Сибири и смежных с нею стран	181
VI Учебно-воспитательное дело в Иркутске.....	241
Указатель имен.....	296

Научное-популярное издание

**Иркутск: его место и значение в истории
и культурном развитии Восточной Сибири**

Очерк,
редактированный и изданный иркутским городским головой
В. П. Сукачёвым

Издание подготовлено Н. В. Гончаренко

Набор текста Г. В. Гончаренко

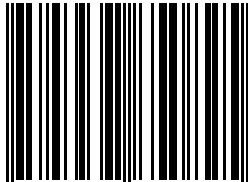
Оригинал-макет и верстка С. М. Николаев

Сдано в набор 14.05.2024. Подписано в печать 08.07.2024.
Бумага офсетная. Формат 62 × 94/16. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Тираж 200 экз.

ООО «Артиздат». 664011 Иркутск, ул. Чехова, 3-16.
Тел.: 8 (3952) 620-100. E-mail: artizdat@irkutsk.ru

Отпечатано в ООО «Принт Лайн».
664043 Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4.
Заказ №1741

ISBN 978-5-93765-082-5

9 785937 650825 >